

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

№ 14
1982

Без
наказания

Этим выпуском «Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» представляет молодую переводчицу Наталью Калинину.

Наталья Анатольевна КАЛИНИНА родилась в Ростове-на-Дону. Окончила Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Выступала с очерками, эссе о русских композиторах и деятелях отечественной и зарубежной музыкальной культуры.

Печаталась в «Известиях», «Литературной России», «Огоньке», «Неделе» и других периодических изданиях.

В небольшом английском провинциальном городке во время празднования традиционного дня Гая Фокса убивают местного эс-квайра. Как устанавливают прибывшие для расследования детективы из Скотленд-Ярда, преступление совершено подростками. Виновных арестовывают и передают суду.

Итак, совершено еще одно из тех обыкновенных убийств, каких немало происходит ежедневно.

Джулиан Саймонз далек от того, чтобы обличать действительность современной Англии. Его взгляд на жизнь характерен для нынешнего западного писателя. Он фиксирует зло как явление стихийное, самозарождающееся, внесоциальное. Но тем не менее острая динамика повествования, лаконичная образность и точность изображения становятся констатацией бездуховности существования, характерной для определенной части английской молодежи. Участие ее в бессмысленных, кровавых преступлениях и безнаказанность служат для нас лучшим свидетельством тому, что причины преступлений глубоко социальны и протекают из самого порочного образа жизни буржуазного общества, где каждый отвечает лишь за себя и в силу этого самое грязное и кровавое дело может остаться без должного возмездия.

Очевидно, понимание этого и заставило молодую талантливую писательницу перевести один из романов Джулиана Саймонза. И сделала она это удачно, дав отечественному читателю точную и емкую картину одной из сторон жизни современного капиталистического общества.

Танкред ГОЛЕНПОЛЬСКИЙ,
кандидат филологических наук

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ № 14
ГВАРДИЯ 1982

Джулиан

Саймонз

Без

наказания

Роман

Авторизованный
перевод с английского
Натальи КАЛИЦИНОЙ

Москва
«Молодая гвардия»
1982

Художники
Валерий ИВАНОВ, Сергей ОНУФРИЕВ

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская, 5а.

Роман опубликован на языке оригинала до 27 мая 1973 г.
© Предисловие и перевод на русский язык, издательство «Молодая гвардия».
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1982 г.
№ 14(21)

В тот день, как и обычно, Хью Беннет зашел перекусить к «Джузеппе», в единственную приличную закусочную поблизости. Приличную и недорогую. Принимая во внимание жалование, которое платили сотрудникам «Гэзетт», второе соображение было немаловажно. Он уже доедал порцию спагетти, когда в закусочную вошли Клэр Кэвендиш и Майкл Бейкер. Скривив в гримасу свое красивое лицо, Клэр тут же погрузилась в изучение меню.

— Одно и то же. Спагетти, равиоли, фруктовый салат. Тошнит от всей этой ерунды.

Она катала хлебные шарики и брюзжала по поводу бестолково потраченного дня:

— С утра двинула в Брэдли к этой кошмарной старухе. Бабке как раз сегодня стукнуло девяносто восемь. Еле слышит, почти ничего не видит, скрючена как старый сучок. А сама только и твердит о том, что пожила бы еще с десяток лет. О господи!

— Да, это уж слишком, — вторил ей Майкл. — И что за муха ужалила старину Лейна? Или я театральная критик, или пусть поручит мне колонку уголовщины. Утро прошло нудней не придумаешь: украденные велосипеды, непристойные вывески — в итоге малюсенький абзац...

Хью Беннет молча ел и слушал. Ему было двадцать два, в «Гэзетт» он проработал полтора года — вполне достаточно для того, чтобы понять, что Клэр и Майкл были вовсе не теми, за

кого пытались себя выдать. Они прекрасно понимали, что в провинциальной газете театральному критику приходится заниматься буквально всем, как, впрочем, и редактору колонки для женщин. Они ныли потому, что мечтали уехать в Лондон и устроиться в какую-нибудь из центральных газет.

Одним словом, этот их совместный ленч мало чем отличался от десятков других, разве что воздушные замки были еще роскошней, чем обычно.

Когда они вернулись в редакцию, Клэр спросила:

— Чем занимаешься днем, Хью?

— Дневником событий. Гражданский иск в Фар Уэзер.

— Бедняжка.

— Фар Уэзер... Пстой-ка, пстой-ка. Недельки две тому назад там что-то таксе произошло, — сказал Майкл. — Об этом писала Мейдж Гилрой. Какие-то юнцы затеяли драку... Может, стоит взять на заметку, коль все равно туда едешь?

Хью кивнул в знак признательности. Ему не хотелось ехать в Фар Уэзер, и, зайдя к редактору, он с надеждой спросил:

— Ничего интересного?

Лейн ухмыльнулся, обнажив свои полусгнившие зубы. Это был деловой и опытный провинциальный журналист из той породы газетчиков, которые, сняв пиджак и засучив рукава, день-деньской торчат в своих кабинетах. Для Клэр с Майклом Лейн был притчей во языцех, однако Хью он еще внушал некоторое чувство благоговения как человек, в жилах которого, выражаясь его же словами, «течет не кровь, а типографская краска».

— Для тебя, мой мальчик, гражданский иск. Хорошая практика. А ты, мой дорогой, — переключил Лейн свое внимание на Майкла, — валяй к Элизабет Эглинтон, которая сегодня открывает на Бэнк-стрит новый магазин. Попытайся вызвать ее на разговор о ее честолюбивых замыслах, о том, что она думает о нашем замечательном городе и нравится ли ей одно-стороннее кольцевое движение на площади. Она может пасть жертвой твоих мужских чар.

Майкл с оскорбленным видом вышел вон.

Хью углубился в подшивку старых газет. На шестой странице номера двухнедельной давности в рубрике «Новости из пригородов» нашел заметку:

«ХУЛИГАНСТВО НА ТАНЦАХ В ФАР УЭЗЕР»

В минувшую субботу группа подростков учинила дебош на благотворительных танцах в помощь местному крикетному клубу, устроенных в центральном зале. По рассказам очевидцев,

подростки приехали в Фар Уэзер на мопедах. Они бросали под ноги танцующим бутылки и приставали к девушкам, которые не хотели с ними танцевать. Один из местных жителей, мистер Джеймс Корби, распорядитель танцев, сказал: «Мне они не понравились с первого взгляда. Когда же они начали безобразничать, я предложил им покинуть зал, что они и сделали под давлением общественности». Другие очевидцы рассказывают, будто бы мистер Корби силой выставил двух заводил шайки. Когда они уезжали, кто-то из подростков крикнул: «Мы еще вернемся». Сам мистер Корби убежден в том, что они не смеют вернуться».

— Я вам понадобится сегодня вечером? — спросил Хью у Лейна.

Тот только что раскурил небольшую сигару и теперь пристально глядел на Беннета поверх голубоватого дыма.

— Сегодня праздник Гая Фокса*, и ты хочешь помахать своим золотым дождем. Угадал?

— Мне пришло в голову, что это дело может получить развитие.

Лейн прочитал заметку и смачно выругался.

— Если ты и в самом деле собираешься остаться в Фар Уэзер, тогда послушай меня. Пятого ноября у них там воистину есть на что посмотреть. Только они там сжигают не чучело Гая Фокса, а эсквайра Оулдмидоу. Слышал о таком? — Хью Беннет покачал головой. — Был в добрые старые времена такой эсквайр. Он сгонял с земли крестьян, насилывал их дочерей и так далее. По преданию, один местный герой, Фрэнсис Дрейк, восстал и убил злого эсквайра за то, что тот обесчестил его сестру. — Лейн теперь вовсю раскочегарил свою сигару, и его седая голова едва виднелась сквозь сизый туман. — Да, да, в Фар Уэзер сжигают чучело старого эсквайра. Валяй заметку на эту тему.

Вот так все и началось.

Деревушка Фар Уэзер находилась примерно в двадцати милях от города. Этот район числился за Мейдж Гилрой, которая жила поблизости и сотрудничала в «Гэзетт» внештатно. Но Мейдж заболела гриппом, поэтому Хью трясся теперь в авто-

---

* В основу этого праздника, отмечаемого на Британских островах 5 ноября, легло историческое событие. В 1605 году группа католиков устроила заговор против протестантского короля Якова I и наняла итальянца Гая Фокса запалить порох в подвале дома, где он выступал. Однако заговор был раскрыт и его участники казнены. По традиции в этот день устраивается шествие и фейерверк. На костре сжигают соломенное чучело Гая Фокса (примеч. пер.).

бусе, читая на ходу «Анну из Пяти городов» Арнольда Беннета. Хью боготворил этого писателя, завидуя его невозмутимой откровенности, кипучей энергии, страстной любви к жизни. Он вечно умилялся при мысли о том, что у них с Арнольдом одна и та же фамилия. Вот в таком приподнятом настроении он и входил в новое кирпичное здание на краю деревни, где заседал местный совет.

Здесь царила беспросветная скука. В этот сумрачный ноябрьский день разбиралась жалоба на несправедливое обложение налогом.

За маленьким столиком, отведенным для прессы, сидело еще двое местных журналистов из воскресных приложений. Один из них за это время успел написать штук шесть личных писем, другой читал Грэма Грина. Хью тоже мечтал углубиться в «Анну из Пяти городов», но вспомнил основной принцип своего тезки Арнольда — писателю может пригодиться любой материал. К половине шестого, когда все наконец-то завершилось, он уже не больно верил в этот принцип.

Деревушка Фар Уэзер теснилась на одной длинной, бестолково спланированной улице, вдоль которой лепились дома попеременно с магазинами. Одним концом улица упиралась в большую живописную лужайку, окруженную со всех сторон постройками. На самой крайней из них красовалась вывеска: пивная «Собака и утка». Хью сел у стойки, заказал пинту пива и спросил, когда начнется фейерверк.

— Примерно через полчаса, — ответил хозяин. — Так ведь, мистер Корби?

— Ровно в шесть пятнадцать, — уточнил тот. — Уже все готово. Лишь бы Джо Пикетт не опоздал.

Это был очень высокий мужчина, дюйма на три выше отнюдь не низкорослого Хью, к тому же еще и грузный. На его мясистом, с большим носом лице застыло выражение вечного любопытства. «Веселый и общительный человек, но себе на уме, — подумал Хью. — Может, даже эсквайр Оулдмидоу в своем роде». Как будто в подтверждение его мыслей мистер Корби громко спросил:

— Приехали на наш фейерверк? Есть на что посмотреть.

— Я из «Гэзетт». Беннет моя фамилия. Присутствовал в муниципальном суде и вот решил остаться на праздник.

— Очень вам рад. Джордж, налей молодому человеку. Да, мы здесь устраиваем замечательное зрелище. Сжигаем чучело старого эсквайра. Вам приходилось слышать про эсквайра Оулдмидоу?

— Разумеется.

— Ха, — разочарованно изрек мистер Корби. — Это был настоящий злодей. В наши дни с такими типами не умеют

расправляться должным образом. Верно я говорю, Роджерс? — громко спросил он у человека на другом конце стойки.

Старик с обветренным лицом с готовностью закивал головой.

— Какое там, мистер Корби.

— Тоже можешь выпить за мое здоровье.

— Спасибо, мистер Корби. Я бы не отказался от полпинты пива.

— Не могу понять вас, газетчиков, — распинался мистер Корби, грея у камина свою жирную задницу. — Пишете о том, что никого не интересует, а между тем у вас под носом творятся такие дела. Возьмем, к примеру, «Гэзетт», местное издание...

— И независимое, — не без гордости пояснил Беннет. — К слову сказать, мы успешно конкурируем с центральными изданиями...

— Ха, — многозначительно хмыкнул мистер Корби. Определенно этот человек слушал только себя. — Новости с мест — вот о чем больше всего любят читать люди. Нужно поддерживать местные традиции. Вот «Поле и ферма» хорошая рубрика. Люблю ее читать.

— Недели две тому назад у нас была заметка про Фар Уэзер. Там мы писали про скандал, который случился у вас на танцах.

— Дело рук малолетних хулиганов. Я их как следует одернул и сказал: «Премного благодарны, но вы нам здесь не нужны, так что забудьте к нам дорогу». Они замешкались, и мне пришлось слегка размять мускулы.

— Они пообещали вернуться. Как вы думаете, это может случиться?

Верзила откинул голову назад и расхохотался. Подхваченный остальными, смех волной прокатился по залу. Воинственный смех людей, подогретых спиртным.

В пивную бочком вошел человек с головой, будто намертво закрепленной на одну сторону, и со взглядом хитрого придурка.

— Огонь замечательный, мистер Корби, — заявил он с порога.

— Молодчина, Джо. Выпей пивка. Джордж, тащи эсквайра.

Пока Джо Пикетт потягивал пиво, хозяин пивной притащил откуда-то громадное чучело в котелке, нанковом жакете, гетрах и тяжелых ботинках. Краснощекая усатая физиономия чучела, намалеванная на парусине, имела свирепое выражение. Мистер Корби ласково похлопал чучело по плечу.

— Вот он. Одет в точности, как описано в тех старых книгах, что у меня дома. Каждый год обходится нам в десять с лишним фунтов. Ну, все готово?

Церемония, которая за сим последовала, носила отпечаток

глубокой значимости. Четверо мужчин взвалили на плечи эсквайра: мистер Корби с красноносый фермером шествовали впереди, а кривобокий Джо Пикетт и тощий незнакомец с унылой физиономией сзади. Выйдя из пивной, они свернули на лужайку, где процессию окружили мальчишки с факелами. Посреди лужайки полыхал костер, вокруг которого столпились люди. Туда и двинулась процессия. По пути Корби споткнулся о ямку и выругался.

Зрители приветствовали появление эсквайра нестройными возгласами приветствия. Чучело опустили на траву, и мистер Корби поддерживал его под мышки.

Небо прочертила ракета, рассыпавшаяся фонтаном искр.

— Кого мы сегодня сжигаем? — зычно спросил мистер Корби.

— Мы сжигаем эсквайра Оулдмидоу, который жил в усадьбе, — раздался нестройный, но бодрый хор голосов.

— За что мы его сжигаем?

— Он был плохим эсквайром. Обманывал тех, кто ему верил.

— А как он вас обманывал?

— Он отбирал у нас землю и женщин.

— И что с ним случилось?

— Его убил в честном поединке свободный человек Фрэнсис Дрейк.

— Кто из вас сегодня будет Фрэнсисом Дрейком?

— Я.

Вперед вышел кривобокий Джо Пикетт.

— Тогда, Фрэнсис Дрейк, я передаю тебе это чучело эсквайра Оулдмидоу. Проследи, чтобы оно сгорело дотла.

Чучело наверняка было тяжелым. Джо Пикетт с усилием взвалил его себе на плечо, шагнул к костру и швырнул чучело в огонь. Снова раздался крик «ура!».

Мистер Корби оглянулся и, увидев возле себя Хью, спросил:

— Ну как?

— Очень забавно.

— Кто-то же должен поддерживать старые традиции. Хотя к ним в наши дни не проявляют особого интереса.

— А кто теперь живет в помещичьей усадьбе?

— Я, — ответил мистер Корби и измерил Хью пытливым взглядом.

Издали донесся стрекот мотоциклов.

Он нарастал и скоро превратился в рев. Несколько фар взяли в фокус участок лужайки возле костра. Они сразу же погасли, моторы заглохли. Наступило какое-то странное затишье,

от которого у Хью Беннета мурашки поползли по спине. Именно затишье, а не тишина, ибо совсем рядом громко трещал костер, а в руках у детей шипели бенгальские огни и шуршал золотой дождь. Кто-то спросил у Хью: «У вас есть спички? Я хотела бы зажечь вот это».

Он обернулся и увидел темноголовую девчушку, сжимавшую в руках несколько фейерверков.

— Который из них?

— Все сразу.

— Все сразу нельзя.

— Нет, все сразу. Я хочу устроить свой фейерверк.

— Я зажгу два — по одному в каждую руку. Остальные положи в карман.

Совсем близко от них оглушительно хлопнула ракета, и Хью от неожиданности чуть не выронил спички. Лужайка озарилась зеленым светом.

— Это он, — сказал над самым ухом чей-то звонкий голос.

Наконец фейерверки загорелись. Он отдал их девчушке, обернулся и увидел худого и бледного подростка, который указывал пальцем на мистера Корби, зажигавшего огненное колесо на столбе.

Другой голос скомандовал: «Пли». В Корби полетел нестройный залп зажженных фейерверков. Римская свеча обдала его ноги брызгами огня, летающая торпеда описала вокруг его головы шипящий обруч, в грудь угодил целый заряд шутих. Сперва Корби опешил, потом с гневным ревом бросился в сторону стрелявших. Его противники, а их было, по крайней мере, человека четыре, образовали нестройный полукруг, отступили назад, зажгли и швырнули в Корби новый залп фейерверков. Вся эта залитая зеленым светом сцена с метавшимся из стороны в сторону Корби казалась пародией на бой быков.

— Они не посмеют вернуться! — выкрикнул чей-то фальцет.

Теперь Корби знал, кто его противники. Один из подростков поскользнулся в грязи и потерял равновесие. Корби прыгнул ему на спину. Свалка оказалась в поле зрения немногих, стоявших по эту сторону костра. Хью почувствовал, что должен непременно вмешаться. Он положил руку на плечо стоявшего рядом с ним юноши, того самого, что указывал пальцем на Корби. Тот ее сбросил. Тогда Хью обхватил его за пояс и нащупал в его кармане что-то твердое. Парень вывернулся и налетел на девчушку, чьи фейерверки Хью только что зажигал. Оба упали. Девчушка вскрикнула: «Мама!» Хью хотел схватить подростка, но тот увернулся и метнулся к Корби. Ракета погасла.

Он помог девчушке подняться и постарался ее успокоить. Раздался крик: «Всыпь ему, Король», потом кто-то другой,

вроде бы Пикетт, завопил что есть мочи: «А ну прекратите! Я вызову полицию!» В наступившей тишине отчетливо прозвучал зычный голос Корби: «Убери свой нож!»

И тут ночь прорезал вопль, протяжный, нечеловеческий. По лужайке забегали темные фигуры. Застрекогали мотоциклы и с ревом выскочили на дорогу. На лужайку пала мертвая тишина.

— Как тебя зовут? — спросил Хью у девочки.

— Морин Дайер. Я запачкала пальто. Тот дядя меня толкнул. Еще я потеряла своих желтых драконов.

— Желтых драконов? Ах, да, да. — Хью пошарил в мокрой траве. — Вот они. Давай попробуем их зажечь?

Фейерверк выстрелил в воздух фонтан искр.

— Спасибо. Теперь я поищу маму.

Она помахала ему желтым драконом.

Не успела девочка смешаться с другими фигурами, двигавшимися в призрачных бликах пламени, как Хью понял, что там, откуда донесся тот жуткий вопль, творится неладное. Люди громко переговаривались и бестолково сновали туда-сюда. Он поспешил в ту сторону, но ему преградил дорогу Джо Пикетт.

— Где доктор Макинтош? А, это репортер.

— В чем дело?

— По-моему, с мистером Корби что-то неладное. — Он поспешил дальше, на ходу выкрикивая: — Доктор Макинтош!

На земле кто-то лежал, вокруг него стояло человек десять.

— Это те мальчишки из города, — сказала какая-то женщина.

— Корби сам на это напросился, — сказал мужчина в байковом пальто. — В ту ночь он обошелся с ними грубо, очень грубо.

— Не будут приставать к нашим девушкам, — возразила та же женщина.

— Что случилось? — спросил Хью.

— На Корби налетели двое бандитов и сшибли его с ног, — ответил мужчина в байковом пальто. — Очухается через пару минут.

— Вы видели, как это произошло?

— В такой темноте немного разглядишь. А вот и доктор.

Это был тот самый угрюмый мужчина, помогавший нести чучело эсквайра. Возле него вертелся Джо Пикетт.

— Разойдитесь, пожалуйста, разойдитесь, — приказал он.

В свете факела, который принес Пикетт, можно было разглядеть лежавшего на земле человека, прикрытого не то пальто, не то тряпкой. Доктор опустился перед ним на колени.

— Джо, — позвал он.

— Да, доктор.

— Беги в пивную, и пусть Джордж срочно вызовет «неотложку».

— Слушаюсь, доктор. Он при смерти?

— Он тяжело ранен. Помогите-ка мне его перенести.

Вместе с другими Беннет помог перенести Корби в ту самую пивную, откуда всего несколько минут назад они выносили эсквайра Оулдмидоу.

Доктор снял пальто и попытался раздеть Корби.

— Боже мой, он такой плохой, — сказал вошедший хозяин. — Это что, несчастный случай?

— Его ударили ножом, и, по-моему, не один раз.

Руки доктора были в крови.

— Ударили ножом! — воскликнул Хью Беннет.

— Кто-то из этих городских бандитов.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что делаю все возможное, но ему уже ничем не помочь. — В это мгновение Корби раскрыл глаза и огляделся по сторонам. — Спокойно, Джим, не шевелись, — сказал доктор.

Корби открыл рот, силясь что-то сказать. Из него и из носа ручьем хлынула кровь. Беннет отвернулся.

— Где мне помыть руки, Джордж? — спросил доктор Макинтош.

— Он кончился, доктор?

— Да, он умер.

Засим последовали, наверно, самые беспокойные минуты в жизни Хью Беннета. Ему нужно было срочно попасть в редакцию, чтобы написать статью о случившемся, и в то же время его присутствие требовалось здесь: следовало взять интервью у полицейских и выяснить, что за человек был этот Корби. Он позвонил из пивной Лейну и доложил о случившемся.

— Ну, сегодня ты оказался, что называется, на месте. Когда сможешь вернуться?

— Хочу собрать материал о Корби. Подъеду через пару часов или чуть позже.

— Ну, валяй. Повидайся с миссис Корби, если такая существует, а в восемь пятнадцать чтобы был в редакции. Возьми такси.

— Такси?

— Окупится построчной оплатой, — рассмеялся в трубку Лейн.

От возбуждения Хью забыл про построчную оплату, а это означало, что ему предстоит обзвонить все центральные газеты, передавая им слегка измененный вариант своей статьи. Потом

то же самое передаст в агентства новостей. Где-то между этими звонками напишет статью для «Гэзетт». С материальной точки зрения построчная оплата была делом стоящим. Даже после того, как Лейн отхватит свою долю, статья принесет ему... сколько же? Минимум двадцать пять фунтов, а может, и все пятьдесят. Хью вздохнул. В который раз он подумал о том, что жизнь провинциального репортера напрочь лишена романтики.

Миссис Корби, седая женщина с острым носом, разговаривала с ним так спокойно, будто ее муж всего-навсего сломал ногу и вышел из строя на каких-нибудь пять-шесть недель. Три или четыре раза она сказала о нем в настоящем времени, потом так же спокойно поправилась. Беннет чувствовал себя неловко, когда приходилось иметь дело со слезами, и был благодарен ей за самообладание. Он делал короткие размашистые пометки в своем блокноте:

«Джеймс К. 52. Местн. Компаньон фирмы лесомат. «К. и Дженкинс». Любили в деревне??? вроде не было врагов. Оч. силен, в прошлом боксер-любитель. Женат 20 лет. Детей нет. С 1946 г. живет в усадьбе...»

Хью исписал целую страницу, сверил написанное с рассказами завсегдатаев пивной. Как он и ожидал, Корби не больно любили в Фар Уэзер. За завесой похвал, которая всегда спускается над только что усопшим, скрывались упреки: да, он сделал для деревни много, никогда не считался с тем, сколько сил это стоит, но слишком уж мнил из себя. Завсегдатаи пивной неохотно говорили о подростках, которые ворвались к ним на своих мопедах, убили человека и были таковы. Джо Пикетт всем и каждому сообщал по секрету, что якобы это были те самые ребята, которые приезжали на танцы.

— Не будь таким безмозглым идиотом, парень, — сказал ему Морган, мужчина в байковом пальто. — Стояла такая темень, хоть глаз коли. Какого черта ты мог в ней разглядеть?

— А вот и разглядел, — упорствовал Джо Пикетт. — Сразу бы их узнал. Даже по голосу. Конечно, не всех, но кое-кого узнал бы.

— И что же они говорили?

— На него двое кинулись, и оба с ножами...

На пороге показался высокий доктор.

— Побереги свои рассказы для полиции, Джо, — посоветовал он Пикетту. — Они наверняка захотят тебя послушать. А в данный момент чем меньше будешь болтать, тем лучше.

Джо Пикетт обиженно выпятил нижнюю губу, но промолчал. Доктор обвел взглядом присутствующих, и все разговоры смолкли.

— Можете сказать, что послужило причиной смерти? — спросил у доктора Хью.

— Вы сами видели, что его ударили ножом. Больше нечего сказать. Сегодня мы и так пережили много волнений. К чему беречь свежие раны?

В редакцию Беннет попал около девяти. Главный подъезд «Гэзетт» выходил на Хай-стрит, но репортеры обычно пользовались грязным черным ходом с Кресситер-лейн. В тусклом свете маленькой лампочки обложенный кафелем коридор больше, чем обычно, напоминал вход в общественный туалет. Он прошел мимо кабинета редактора и мужского туалета и вошел в дверь с табличкой «Комната репортеров».

— Ну что, птенчик, написал свой материал? — спросил Лейн, едва Хью переступил порог.

Он пробормотал что-то уклончивое, тем самым выражая свое сожаление по поводу того, что не сумел воспользоваться возможностью написать статью в такси.

— Тогда вынь пальчик изо рта и садись за дело. Сперва для «Экспресс». Для них никакого сексуального аспекта.

— Его и нет.

— Сексуальный аспект есть всегда. Подними только камень, и наружу так и поперет секс. Потом для «Мейл», «Миррор», «Бэннер», «Кроникл», «Геральд». По пятьсот слов в каждую. В «Телеграф» и «Таймс» по две сотни. По столько же в агентства. Ясно?

— А что писать для нас?

Лейн курил маленькую сигару. Он свирепо глянул на Хью поперек дыма, точно готовый к прыжку дикий кабан.

— Тысячу.

— За подписью?

Маленькие свинячьи глазки Лейна загорелись опасным огоньком, который он потушил в прищуре.

— За подписью. Валяй для «Экспресс» и «Мейл». Остальные беру на себя.

Было полдвенадцатого, когда они наконец покончили с делами. Спиртное в редакцию приносить не разрешалось, но Лейн, отперев ящик своего стола, извлек бутылку виски. К тому времени в редакции появился Майкл, отсидевший спектакль местного драмкружка, и составил им компанию.

— За журнализм и за дурость этого славного парнишки, — провозгласил свой тост Лейн. — Здесь разве работа? По полдня сидите на задницах. Да это пародия на работу. Вот когда я перед войной работал в «Экспресс», то там каждый день...

Этот вечер был очень знаменательным для Беннета, и даже слово «дурость» казалось ему вполне уместным. Ведь он и в самом деле был похож на мальчишку, убившего свою первую в

жизни лисицу и одуревшего от счастья. Они с Майклом брели безлюдными центральными улицами к своей квартирке на Пайл-стрит, и Хью все никак не мог понять, почему Майкл не разделяет его возбуждения, а вместо этого болтает о какой-то девице, занятой в постановке.

— Ее зовут Джилл Гарднер. Я говорил с ней после спектакля. Даже выпили по чашечке кофе. Играть она не умеет, но такая куколка, настоящая куколка.

Для девушек у Майкла была припасена особая терминология. Всех, кто ему нравился, он делил на две категории: «кобылиц» и «куколок». «Кобылицами» были надменные норовистые девицы с гордой осанкой и голубой кровью, к которым подступиться страшно из-за их высоких запросов. «Куколками» были девушки куда более покладистые. Их не надо было водить по хорошим ресторанам или покупать им в кино самые дорогие билеты. «Куколки», по словам Майкла, годились на каждый день, «кобылицы» же были изысканным и редким угощением. Подавляющее большинство женщин не принадлежало ни к той, ни к другой категории, в том числе все, которым было за тридцать. Майкл величал их «коровами» и «ведьмами».

От возвышенных мечтаний о славе Хью с трудом возвратился к реальности.

— Не означает ли это, что я должен освободить на завтрашнюю ночь квартиру? — поинтересовался он.

— Я действую не так стремительно, — сказал польщенный Майкл. — Мы всего лишь попили вместе кофе. Она зайдет к нам завтра вечером, и я тебя с ней познакомлю.

Хью чистил в ванной зубы, когда Майкл сказал ему что-то про Фар Уэзер.

— Что-что?

— Только бога ради не возомни, будто это та самая золотая жила для мальчишки-репортера. Всего-навсего возможность подработать на почасовой оплате. Очень хорошая к тому же.

— Как ты думаешь, центральные газеты пришлют своих корреспондентов?

— Сомневаюсь. Скорей всего они поручат это дело своим внештатникам. Только не жди, что Грейлинг падет тебе на грудь и пожалует «Оскара». «Гэзетт» — издание семейное, Беннет, так что нам не следует делать из этого большую статью, — сказал Майкл скрипучим редакторским голосом. — Лучше обратите свое внимание на это потрясающе интересное сообщение о старой леди ста четырнадцати лет от роду, которая, посмотрев в первый раз телевизионную передачу, сказала, что волшебный фонарь все равно лучше. Будьте добры, повидайте ее и напишите для нас статью.

Оба расхохотались. Однако, прежде чем заснуть, Хью по-

зволил себе роскошь помечтать о том, как один лондонский редактор, прочитав в «Гэзетт» его статью, вызывает к себе секретаршу и говорит: «Пошлите письмо этому молодому человеку Хью Беннету. Скажите, что я прочитал его материал и прошу его заглянуть ко мне на будущей неделе в удобное для него время».

Но он заснул раньше, чем состоялась эта встреча.

Заметка Беннета была прочитана дежурными редакторами и редакторами отделов новостей. Большинство сочло ее довольно интересной. Им понравилось то, что это случилось в день Гая Фокса, приглянулись детали, касающиеся сожжения чучела эсквайра Оулдмидоу, но они были разочарованы тем, что убийство было в общем не преднамеренным и что его совершили подростки. Разумеется, этот материал годился для первой полосы, но в дальнейшем выкачать из него что-либо интересное будет трудно. В заголовке все без исключения обыграли одно и то же, и получились вариации на тему «Убийство в ночь Гая Фокса».

В «Бэннер» заметку обработали на свой манер, но поместили не на первой, а на одной из средних полос под заголовком «Смерть в разгар праздника Гая Фокса». В пятницу утром заметка обсуждалась на летучке.

— В-в-в ней что-то есть, — сказал редактор отдела новостей. — Де-де-деревенский эсквайр, костер в ночи, горящее чучело. На-на-находка для очеркиста. Для того же Джорджа Грейди.

Редактор отдела очерка быстро раскинул мозгами.

— Джордж в эти дни будет очень занят. Он освещает выставку старинных игрушек и конференцию по управляемым ракетам.

— Ну, в таком случае можно взять кого-нибудь другого. Того же Фэ-Фэ-Фэрфилда. Ведь дело идет о преступлении.

Оба глянули в сторону Эдгара Кроли, восседавшего во главе стола с абсолютно бесстрастным видом.

Эдгар Кроли был не просто редактором «Бэннер», но прежде всего выразителем идей лорда Брэкмена, владельца газеты.

Мало кто из журналистов обладал всеми качествами, необходимыми для создателя бэннеровских передовиц, как-то: гибкостью ума и слога, быстро надеваемой и, в зависимости от обстановки, столь же быстро сбрасываемой личиной негодования, способностью рассуждать с различных позиций, причем всегда со знанием дела, о торговле, политике, искусстве. Лорд Брэкмен с огромным вниманием прочитывал все до единой передовицы «Бэннер», и хотя сам писать не умел, прекрасно знал, что

нужно в них говорить. В Эдгаре Кроли он разглядел человека, почти всегда говорящего то, что нужно.

Кроли быстро продвинулся вперед и вверх. Он научился улыбаться одними губами, и все давно забыли, как он смеется. С годами его рыбе спокойствие удвоилось, и теперь даже глаза, спрятанные за толстыми линзами очков, казались тусклыми и безжизненными. Говорил он, как всегда, спокойно, постукивая костяшками пальцев по какой-то газете, поместившей материал на первой полосе:

— Здесь довольно много внимания уделено сожжению чучела и истории деревенского эсквайра. Нам не подобает выступать с тем же самым на целый день позже, не так ли?

— К-к-конечно же, нет.

— Можно ли осветить это событие под каким-либо другим углом, с тем, чтобы можно было выступить в субботу и воскресенье?

— Детская преступность, — несмело предложил редактор отдела очерка. — Мне кажется, именно под таким углом и следует освещать это событие. Подростки с шумом ворвались в деревню, убили человека и укатили.

— Детская преступность — тема неновая. И потом мы не знаем, дети ли они. Может оказаться, что им уже под тридцать.

— Вы правы, — громко сказал редактор отдела очерка.

— Посмотрим, как дальше развернутся события. Нам сообщит об этом тот местный репортер. Тогда и решим, что делать. Согласны со мной?

Они были согласны.

В четыре часа дня Эдгар Кроли снял трубку одного из своих телефонов и услышал голос лорда Брэкмена, низкий и густой, точно патока, прерываемый частыми покашливаниями:

— Корби, — сказал этот голос. — Почему не на первой полосе?

Одним из ценнейших качеств Эдгара Кроли была его способность запоминать фамилии вместе с контекстом. Про него ходил слух, что якобы он, бегло ознакомившись с номером, мог по прошествии времени припомнить каждую фамилию и связанную с ней ситуацию. Вот и теперь он без труда связал Корби с убийством в день Гая Фокса, хотя Корби фигурировал в их материале как эсквайр Фар Уэзер. И тем не менее он повторил с вопросительной интонацией: «Корби?» Это был стратегический маневр, рассчитанный на то, чтобы избежать ответа на щекотливый вопрос. Он увенчался успехом.

— Эдгар, у меня работают самые лучшие журналисты, и я никогда не вмешиваюсь в их дела. Однако, Эдгар, этот материал для первой полосы.

— Да. — Ответ Кроли прозвучал уж больно неопределенно, и он постарался усилить этот единственный слог фразой: — Да, Брэк. — Демократ Брэкмен любил, чтобы в редакции его называли именно так.

— Это значительное событие, Эдгар, — продолжал лорд Брэкмен. — И все здесь не так уж и просто. И знаете почему? Потому что оно выпячивает на первый план детскую преступность, мой мальчик, освещает ее светом вольтовой дуги и выставляет на суд общественности. Страшная вещь эта детская преступность. Она подрывает все основы британской жизни. — Внезапно лорда Брэкмена подвел голос: — Каковы ваши дальнейшие планы? Что у вас есть? — пропищал он в трубку.

— Мы пока не решили. Думаю, этим займется Фрэнк Фэрфилд.

— Фрэнк — лучший репортер отдела уголовной хроники, но доступен ли ему человеческий аспект? Ведь эта история должна бить по чувствам людей. Как они стали такими, эти ребята? Кто их родители? Что их толкнуло на преступление? Что, Эдгар, что?

— Я надеюсь, Фэрфилду удастся осветить событие именно под таким углом, Брэк. А если нет, мы пошлем туда очеркиста.

— Вы доверяете Фрэнку в таком деле?

Кроли никогда не подвергал себя столь явному выражению доверия. Но сейчас он оказался в углу.

— Да.

— Мне только это и нужно. Если вы доверяете Фрэнку, мне больше ничего не нужно. Пока, Эдгар.

— Пока, Брэк.

Эдгар Кроли положил трубку и несколько минут молча наблюдал из своего небольшого кабинета за тем, что происходит в большой соседней комнате, где копошилось шумное сборище очеркистов, репортеров, секретарш. Одни прижимали к губам телефонные трубки, другие склонились над пишущими машинками. Сожалел ли он о том, что выбрал себе такую жизнь, состоявшую из необходимых сделок с совестью? Нет, это все романтика, а в голове у Кроли не было места для таких глупостей. Он велел секретарше передать редакторам отделов очерка и новостей, чтобы они зашли к нему на несколько минут. Когда они вошли в его кабинет, перед ними сидел бесстрастный и невозмутимый Кроли.

— Мне кажется, вы сказали сегодня утром, что Фрэнк Фэрфилд свободен, — обратился он к редактору отдела новостей.

Редактор отдела очерка догадался, к чему идет дело, и теперь ломал голову, зачем вызвали его. Его коллега работал в «Бэннер» всего несколько месяцев, поэтому был не столь сообразительным.

— Он делает для нас какой-то пустячок.

— Не смог бы он заняться делом Гая Фокса?

— Н-н-но я думал...

— Мы можем повернуть все таким образом, что получится материал для первой полосы. Предположим, осветим событие под углом детской преступности. Выясним, кто были эти парни, что толкнуло их на преступление, кто их родители и так далее.

Редактор отдела новостей смотрел на редактора отдела очерка — ведь это была его идея. Но тот и бровью не повел.

— Ясно, — кивнул он. — Но сгодится ли для такого дела Фрэнк?

— Думаю, сгодится, если его проинструктировать как следует. По-моему, здесь следует обыграть не так загадку преступления, как человеческий аспект. Если потребуется, пошлем туда кого-нибудь из очерка. А Фрэнк тем временем успеет кое-что вынюхать, поговорит с местной полицией — он в таких делах мастак. Кстати, тот местный репортер, который оказался на месте происшествия, Беннет, кажется, его фамилия, из какой он газеты? Из «Гэзетт»? Может, Фрэнк сумеет вытянуть кое-что из него. Пожалуйста, проинструктируйте Фрэнка как следует.

Редактор отдела новостей больше был не в силах молчать:

— Н-н-но ведь именно это и п-п-п-предлагал сегодня утром...

Лицо Кроли оставалось непроницаемым.

— Не помню. Пожалуйста, проинструктируйте его.

Когда они вышли от Кроли, редактор отдела новостей сказал:

— Ну и хитрец. Ведь это была ваша идея насчет детской преступности.

Редактор отдела очерка покачал головой. Он подумал, что не пройдет и трех месяцев, как Кроли выгонит этого мальчишку на улицу. Вслух сказал:

— Не имеет значения. Все равно наша взяла. Пошли к Фрэнку.

В пятницу утром, приблизительно в то самое время, когда Кроли проводил летучку, Беннета вызвали к главному редактору. Мистер Грейлинг попивал из чашки чай.

— Присаживайтесь, Хью. Вчера вечером вы оказались в самом центре этих печальных событий в Фар Уэзер. Верно?

— Да, мне повезло, — весело сказал Беннет. — Лейн послал меня сделать материал о празднике. А остальное свалилось с неба.

— Да, именно, — Грейлинг уткнулся носом в статью Беннета, которую, разумеется, уже читал. — Очень хорошо написано. Превосходно. Мои поздравления.

— Спасибо.

Грейлинг отхлебнул из своей чашки. При этом его вставные челюсти громко щелкнули.

— Мистер Корби был... гм... другом нашего председателя. Председатель был частым гостем в его доме.

— Ясно.

Председатель, которому принадлежал контрольный пакет акций «Гэзетт», местный подрядчик по фамилии Уэддл, был к тому же членом муниципалитета и известным методистским священником.

— Сегодня утром у нас с председателем был длинный разговор. — Грейлинг задумчиво тер кулаком подлокотник своего кресла. — Он считает, и я не могу с ним не согласиться, что для нас важно подойти к этому печальному событию в широком масштабе. Тем более что у нас за плечами более чем полувековые традиции трезвого и ответственного подхода к делу, Хью. Более чем полувековые.

— Вы хотите сказать, сэр, что мой материал написан безответственно?

Челюсти Грейлинга щелкнули, как железка по прутьям перил.

— Боже сохрани, Хью. Я ведь сказал вам, что он превосходит. Просто я высказываю свои соображения по поводу дальнейшего. Нам ни к чему сенсации. Это дело центральной прессы.

— Одним словом, мне не следует освещать дальнейшее развитие этих событий.

Грейлинг повернул кресло на пологорота и уставился на портрет председателя, по-крысиному оскалившего в улыбке свои острые зубы.

— Следует, но с осторожностью. История довольно безвкусная, так что не нужно ее особенно смаковать. Мы будем давать полный и беспристрастный отчет. Но будем действовать с осмотрительностью. Мы каждый раз будем действовать с осмотрительностью.

Из кабинета главного Хью вышел, весь кипя от бессильного негодования. Клэр сидела за своим столом и печатала двумя пальцами. Увидев его, подняла от машинки голову:

— По твоему виду не скажешь, что старик прицепил к твоей груди медаль.

— Он начал с того, что похвалил мой материал, а потом дал понять, что так больше не нужно писать. По-моему, председатель был другом этого Корби.

— Ты хочешь сказать, миссис Корби.

Из-за двери выплыла узкая длинная физиономия, испещренная морщинами и складками, как старый ботинок. Это был Роджер Уиллс, который под псевдонимом Фермера Роджера вел колонку «Поле и ферма», что так расхваливал Корби.

— Миссис Корби? — удивился Хью.

— О, этот старый проказник, наш председатель, частенько навещал их уютное гнездышко, если так можно выразиться, дорогуша. — Сухая старческая ладонь скользнула по груди Клэр, и та с отвращением ее отбросила. — Говоря иными словами, любит он пахать сию пашню, хоть это уже и не метафора, а скорей сравнение, любит, наш старый методистский пустобрех.

Роджер вульгарно подмигнул.

— Но ведь миссис Корби...

Хью никак не мог представить худосочную миссис Корби в роли желанной любовницы.

— У нее слегка длинноватые зубы. Ты верно подметил. Но у Уэддла они не короче. Пошли, молодой Хью, я угощу тебя кофе...

Когда Фермер Роджер был в ударе, Хью готов был слушать его часами. Они выпили по две чашки кофе в кафе «Кардом», где обычно заседали все служащие «Гэзетт», и позволили себе получасовой перерыв.

— Получил смертельное ножевое ранение. В ночь Гая Фокса. — Начальник полиции незесело покачал своей большой седой головой. — По-моему, Лэнгтон, то были какие-то бродяги.

— Нет, сэр, — возразил суперинтендант Лэнгтон. — Согласно нашим сведениям это определенно дело рук подростков из нашего города. Они приехали туда на мопедах и начали швырять фейерверки. Потом совершили преступление и уехали. Все случилось в считанные секунды.

— Кто-нибудь догадался записать номера мопедов?

— Пока я не нашел такого человека. Они побросали их на лужайке, а все жители стояли у костра.

— Есть соображение относительно того, почему они напали именно на этого... Корби?

— Постараюсь их привести.

Суперинтендант Лэнгтон был точным и обстоятельным человеком, к тому же слегка медлительным. Он не ходил в любимчиках у начальника полиции — напротив, того прямо-таки раздражали точность и обстоятельность Лэнгтона. Слушая Лэнгтона, он нетерпеливо дергал свой ус.

— Вчера вечером я побывал в Фар Уэзер и опросил местных жителей. Так что про Корби узнал, можно сказать, все. Это был властный тип, любил, когда его называли эсквайром. Приблизительно две недели тому назад выгнал с танцев этих хулиганов...

— Откуда вам известно, что это были те же самые подростки? Их опознали?

— Да, сэр, — бесстрастным голосом сказал Лэнгтон. — Они крикнули что-то насчет танцев. Еще там фигурировала кличка Король. Кто-то из них крикнул: «Всыпь ему, Король!» — или

что-то в этом роде. Так что вполне вероятно, что, по крайней мере, у одного из преступников окажутся на одежде следы крови. Корби нанесли четыре ножевых ранения в грудь ножом с тонким лезвием. Может, и не одним. Нож пока не найден.

Лэнгтон замолк. Начальник полиции подошел к окну и взглянул на окутанную мокрым туманом улицу. Казалось, он обдумывает план дальнейших действий, на самом же деле он давно все решил.

— Вы упомянули про какую-то банду. А я и не знал, что в нашем городе действуют банды.

— Они есть в каждом крупном городе, сэр.

— Имеются какие-нибудь предположения на тот счет, кто эти подростки?

— Нет, сэр. Убийство произошло вчера вечером. Но я не сомневаюсь, что в ближайшие два дня они будут в наших руках.

— Мне кажется, это дело стоит поручить Скотленд-Ярду.

Лэнгтон был человеком медлительным, но отнюдь не бесчувственным. Он знал, что действует на нервы начальнику полиции, но такого не ожидал даже от него.

— Позвольте, сэр...

— Да, Лэнгтон, я вас слушаю.

— Это преступление местного характера. Мы знаем, кого искать и как. Лондонцам придется консультироваться с нами.

— Знаете, кого искать? Неправда. Вы сами только что сказали мне, что у вас нет на этот счет никаких предположений.

— Но ведь с момента преступления и суток не прошло.

— Вот именно. Поэтому пора принять решение. Пресса вот-вот подымет шум — им только дай повод, и с нас перья полетят.

— Может, сэр, дадите нам несколько дней на расследование?

— Понимаете, я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, будто тут замешаны личные пристрастия, — сказал начальник полиции, хотя оба знали, что так оно и есть. — Просто мне думается, что такое дело лакомый кусочек для Скотленд-Ярда, в то время как у нас еще не хватает опыта. Так что не будем терять времени. Решил — не откладывай. Таков мой девиз.

И он потянулся к телефону.

Через полчаса после звонка начальника полиции в Новый Скотленд-Ярд дело Гая Фокса, как его теперь называли, было поручено суперинтенданту уголовно-следственного отдела Фредерику Твикеру. К перерыву он успел рассортировать скопившиеся на столе бумаги, захватил из дому смену белья и теперь

ехал в поезде с сержантом уголовно-следственного отдела Норманом. Перекусить им удалось лишь в вагоне, и за пивом Норман постарался завязать с Твикером беседу.

— Быстренько они спихнули на нас это дельце. Что и говорить, хлопотная работенка. А я-то думал, местные ребята не любят выметать из дому мусор.

Твикер молча жевал булочку.

— Этот, как его там, Лэнгтон, что ли, может оказаться нам полезным, а может, напротив, доставить кучу хлопот.

До этого Твикер не отрываясь глядел на свой ростбиф, теперь он поднял голову и пристально посмотрел на красавчика сержанта. Тому сделалось неловко от этого испытующего взгляда темных, глубоко посаженных глаз.

— Если он вздумает нам мешать, мы поставим его на место.

Норман сдался и, кончив ленч, закрылся газетой, лишь изредка поглядывая из-под нее на Твикера, который почти все время смотрел в окно.

В Ярде Твикер не пользовался симпатией сослуживцев, кое-кто его даже побаивался. Несколько лет тому назад он оказался причастным к какому-то делу, связанному с вынужденным признанием. В Ярде говорили, что этим самым Твикер надолго приостановил свое продвижение по служебной лестнице.

Твикер выглядел неплохо, хотя дело уже шло к пятидесяти: на лоб волной спадали курчавые серебряные волосы, тонко изогнутый нос, строго очерченный рот. «Интересно, когда он собирается подать в отставку? — размышлял Норман, удобно откинувшись в кресле и нет-нет поглядывая из-под полуопущенных век на красивый профиль супера. — И что все-таки творится в его душе?»

— С тех пор как я звонил вам утром, мы сделали некоторые успехи, — говорил начальник полиции, поглаживая свои усы. — В нашем городе есть три банды, которые, по мнению Лэнгтона, способны на такое преступление, но Лэнгтон считает, что круг можно сузить.

— «Банды» — не совсем точное слово, — заговорил Лэнгтон. — Ночная жизнь у нас не очень бурная, но вечерами работает несколько кафе, где и болтаются эти подростки: слушают пластинки, пьют кофе, приводят после танцев своих подружек. Обычно это мирные компании, но, когда в них объединятся человек двенадцать-пятнадцать, обязательно найдется хотя бы один, у кого есть нож, или воришка, а может, даже воспитанник трудколони. Сами понимаете, как оно бывает. — Твикер кивнул. — Я считаю, что ответственность за совершенное преступление лежит на одной из этих компаний. Подростки

посхали в Фар Уззер с целью проучить Корби, что обернулось сами знаете чем.

— Убийством, — без всякого выражения констатировал Твикер.

— Совершенно верно. Далее. Одного из присутствовавших при убийстве подростков зовут Королем. Несколько свидетелей слышали, как кто-то крикнул: «Всыпь ему, Король!» Здесь есть паренек по имени Джек Гарни, вокруг которого сгруппировалась компания подростков. Они живут на Питер-стрит и называют себя «ватагой с Питер-стрит». Гарни они зовут Королем. Днем мы взяли кое-кого из них, и я попытаюсь их расколоть.

— Я к вам присоединюсь, — сказал Твикер, обращаясь к начальнику полиции. — Вот что значит знать обстановку и местных хулиганов. Судя по всему, суперинтендант Лэнгтон хорошо разбирается в ситуации.

— Однако вернемся к тому, с чего начали, — переменил тему начальник полиции. — Я не сомневаюсь в том, что это дело рук ваших малолетних мерзавцев, но добыть улики их виновности — дело не из простых.

— Все подростки работают в одном и том же месте — на консервной фабрике Пейджа, — рассказывал Лэнгтон, когда они шли по коридору. — Конечно, они уже состряпали свою сказку. Этого Гарни считают смышленным малым.

— Они не бывают смышленными. Они мерзавцы, и больше ничего.

Лэнгтон, относившийся к своей работе бесстрастно, подивился той злобе, с какой произнес эту фразу Твикер.

Ребят допрашивали в маленьких комнатках с выбеленными стенами, все убранство которых составляли жесткие стулья да столы с выщербленными крышками. Норман взял себе одного, местный сержант другого, Твикер с Лэнгтоном беседовали с самим Гарни.

Гарни и в самом деле был парнем смышленным. Лэнгтон почувствовал это чуть ли не с первого слова. Смуглый, крепко сложенный красивый малый с гладко зачесанными волосами, он держался с самоуверенным изяществом, причем естественным, что так не соответствовало его потрепанному, по-пижонски вульгарному наряду. На вопросы он отвечал без малейшей заминки. Да, вчера он закончил работу в половине шестого и сразу же пошел домой. Мать напоила его чаем. Он пробыл дома до четверти восьмого, потом зашел за своей приятельницей Сюзи Хейг, и они отправились в клуб «Ротор». Туда они попали в девятом часу и пробыли до половины одиннадцатого. После танцев он проводил Сюзи домой.

— А ты знаешь, почему я задаю тебе эти вопросы?

— Потому что прошлой ночью в Фар Уэзер пришли какого-то типа, — спокойно ответил Гарни. — Вы думаете, что я имею отношение к убийству. Но вы ошибаетесь.

— Ты был две недели тому назад в Фар Уэзер на танцах?

— Был.

— У вас там возникли какие-то неприятности с мистером Корби.

— Да, если того типа так звали.

— Он вышвырнул вас на улицу.

— Мы сами уехали. Мы не ходим туда, куда нас не зовут.

— Ты главарь банды, которую вы называете «ватага с Питер-стрит».

— Это не банда. Просто мы дружим между собой.

— Но ты их главарь.

— Спросите у них.

— Я сейчас у тебя спрашиваю. Они называют тебя Королем.

— В шутку. — Гарни пожал плечами. — Ну и что с того?

— Люди слышали, как кто-то из вас крикнул вчера вечером: «Всыпь ему, Король!»

— Если так, то у ваших людей плохо со слухом.

— Значит, ты утверждаешь, что не был там вчера вечером?

— Я ведь сказал вам, где я был в это время. До без четверти восемь сидел дома. — Гарни улыбнулся. — Моя мать вам то же самое скажет. После мы с Сюзи двинули в «Ротор». Поговорите с Сюзи.

— Твоя девчонка проторчит здесь пару часиков и запоеет по-другому. — Лэнгтон оперся ладонями о стол. — Мы знаем, что ты, Гарни, был там вчера вечером. Чем скорее сознаешься, тем лучше для тебя.

— Я ведь уже сказал вам, что был на танцах...

Твикер закрыл глаза. Он слышал сотни, может, тысячи подобных допросов, разве что проводимых с большим мастерством, а не с такой откровенной неуклюжестью. Все-таки Лэнгтон был человеком ограниченным. Твикер поднял свои седые брови, и Лэнгтон кивнул.

— А твои друзья тоже были в том клубе? — спросил Твикер.

— Да.

— Все?

— Не понял вас.

— Ваша ватага состоит из пяти человек. Верно?

— Из шести, — поправил его Гарни и тут же прикусил язык.

— Спасибо за информацию. — Твикер ехидно улыбнулся. — И вы все были в «Роторе»?

— Не знаю. Там было много народу.

— А кого из них ты там видел?

— Эрни Богана, Тэффи Эдвардза, Леса Гарднера.

— А остальных как зовут?

Лэнгтон недоуменно посмотрел на Твикера.

— Разве это имеет отношение к делу? — взорвался Гарни. — Этот тип загнулся до семи, так ведь? Какое вам дело, где мы были в восемь или девять?

— Как фамилии остальных? — настаивал Твикер.

— Роуки Джоунз и Жарков. Мы зовем его Поляком.

— Они не были в «Роторе»?

— Я ведь сказал вам, там было много народу.

— Ты их там видел?

— Я этого не говорил. Спросите у них самих. Я больше не отвечаю ни на какие вопросы.

— С, каким умыслом вы спросили у него про танцы? — спросил Лэнгтон Твикера уже в коридоре. — Вопрос его смутил, но почему?

— Во-первых, потому, что Гарни натаскал своих дружков по всем вопросам, кроме «Ротора», поскольку посещение клуба по времени не совпадает с убийством. Теперь он боится, что его сообщники запутаются. Но тут есть и другое соображение. После такого происшествия всегда найдется кто-то слабонервный, может, даже не один, который наладет в штаны и попытается скрыться либо сознаться. В данном случае это те, кто не был вчера в «Роторе», а вместо этого проплакал дома, раскололся мамочке или напился в стельку. Джоунз и Поляк как раз те самые, на которых нужно надавить. Они обязательно расколются.

В дальней комнате Норман орал на худого, болезненного вида подростка лет семнадцати. Мальчик плохо владел английским и не всегда понимал вопрос. Это был Поляк, Жарков. Лэнгтон с Твикером постояли несколько минут за дверью, потом вызвали Нормана в коридор.

— Ну, что плетет этот?

— Он говорит, что с работы пошел прямо домой, напился чаю и отправился к Эрни Богану смотреть телевизор. Но не помнит ничего из того, что показывали, хотя проторчал там полтора часа. Потом вроде бы Эрни сказал, что идет на танцы в «Ротор», а наш мальчик сказался больным и пошел домой. Проклятые иностранцы. И что их не вышвырнут туда, откуда они понаехали?

— Ага, это уже кое-что, — сказал Твикер. Норман с любопытством посмотрел на своего начальника. — Займитесь не-

много Гарни. Мы ничего не сумели добиться от него. Пусть еще раз изложит свою версию. Мы скоро придем.

Норман ушел, а Твикер с Лэнгтоном занялись Поляком.

— Когда ты приехал из Польши? — спокойно поинтересовался Твикер.

— Десять лет назад. С отцом и матерью.

— Тебе здесь нравится? — В глазах Жаркова был испуг. — Если ты не скажешь нам правду, мы можем посадить тебя в тюрьму. Или отправить назад, в Польшу. — Жарков задрожал. — Тот, кто убил в Фар Уэзер человека, попадет в тюрьму.

— Это не я. Я этого не делал.

— Но ты помогал.

— Нет, нет. Никогда не помогал. Пожалуйста, верьте мне. Жарков упал на колени. Твикер не испытывал сострадания к его унижению, как не испытывал восхищения перед самообладанием Гарни.

— Тогда у тебя единственный выход — честно рассказать, что там произошло. Встань. Итак, ты готов дать показания?

— И после этого вы меня отпустите?

— После этого мы тебя отпустим.

Жарков, запинаясь, продиктовал свои показания.

— Гарни, — сказал он, — был главарем ватаги с Питер-стрит, и это он предложил поехать в Фар Уэзер и отыскать Корби. Он сказал: «Мы с ним позабавимся», — рассказывал Жарков, переводя испуганный взгляд с одного лица на другое. Он утверждал, что у него не было с собой ножа, но у других ребят ножи были.

— У кого именно были ножи? — потребовал Твикер.

— Не знаю. Не уверен точно. О, прошу вас.

— Отвечай. У Гарни был нож?

— Думаю, что да. У Короля всегда при себе нож.

— А ты видел у него нож? Ты видел у Короля нож? Отвечай. Он что, достал и показал его тебе?

— Нет. Я ничего не знаю. Прошу вас, не спрашивайте меня.

На выяснение вопроса с ножом ушло минут тридцать. Под конец Жарков сказал, что ножи были у Гарни, Эдвардза, Богана и Гарднера, но он их не видел. Он сказал, что все они, и он в том числе, бросали в Корби фейерверки. Но он не участвовал в свалке вокруг Корби и не видел, что там случилось, а когда кто-то крикнул: «Поехали!», сломя голову бросился к своему мопеду. Когда они вернулись в город, Гарни сказал, что все они должны обязательно прийти в «Ротор», а также приготовить алиби на первую половину вечера. На случай, если у

них спросят. Ему же сделалось плохо, и он не пошел в «Ротор».

— Это все. Клянусь вам, это все. Можно я пойду домой?

— Позднее.

— Но ведь вы сказали, что отпустите меня домой.

— Когда ты скажешь нам правду, может, и отпустим. У тебя плохая память насчет ножей.

— Я сказал вам правду. Сказал все, что знаю.

— Дадим ему время остыть, — предложил Лэнгтон. — А пока займусь кем-нибудь другим.

Твикер заглянул к сержанту Стерлингу, который давно и безрезультатно бился с Гарднером, потом направился в комнату, где допрашивали Гарни. Увидев Твикера, Норман многозначительно пожал плечами.

— Ладно, Гарни, мы все уже знаем от Жаркова, — сказал Твикер. — Он нам сказал, что вы шестером поехали в Фар Уэзер и что у четверых из вас, в том числе и у тебя, были ножи. Вы все кидали в Корби фейерверками, а потом вы с Боганом на него напали. Он видел, как вы ширяли в него ножами. И ты и Боган. Добавишь что-нибудь?

— Да. Этот Поляк жуткое трепло. Или вы.

Твикер со злобой ударил его по лицу.

— Наш супер большой оригинал — не любит, когда его обзывают треплом, — сказал Норман. — На-ка закури.

Гарни с недоверием взял протянутую сигарету.

— А теперь послушай меня. Пока супер вытягивал из Жаркова этот донос, я поймел кое-что от Гарднера. Но его рассказ не во всем совпадает с рассказом Жаркова. Ты мог бы привести кое-какую ясность. Для своего же блага.

— Убирайтесь к черту.

— Боган ударил Корби или кто-то другой? У Богана был нож, верно? Так кто же все-таки ударил Корби?

— Я ведь уже сказал вам, что с работы пошел прямо домой, попил чаю, немного поболтался дома и двинул в «Ротор». Не был я ни в какой Фар Уэзер.

Так продолжалось еще минут пятнадцать.

— По-моему, хватит, — не выдержал Твикер.

Он встал. Норман тоже встал и потянулся. И Гарни вскочил на ноги.

— Я могу идти? — спросил он.

Полицейские с удивлением уставились на него.

— Быть может, к утру у него появится настроение говорить, — заметил Норман.

— К утру? Вы хотите меня арестовать? Но вы не имеете права держать меня здесь всю ночь без ордера на арест. Я свои права знаю.

— Послушай, Гарни, ты мне не нравишься, — низким грудным голосом сказал Твикер. — Ты мерзавец. А у мерзавцев нет никаких прав. Ясно?

— Нет, у меня они есть! — крикнул Гарни. — Вы продержали меня в участке несколько часов и не дали ничего поесть. Я хочу домой. Вы не имеете никакого права держать меня здесь.

— Вот что я скажу тебе, Гарни. Ты обратил внимание на тот коридор, что снаружи? — Гарни исподлобья смотрел на Нормана. — Так вот, он скользкий, как настоящий каток. Усек? На нем можно поскользнуться и получить любую травму. К тому же на дворе коварная погода. Когда мы с супером поднимались по ступенькам, я сказал ему: «Здесь можно оступиться и сломать ногу». Знаешь, я бы тебе не советовал идти домой. Не ровен час, оступишься и сломаешь ногу. — Норман сел. — А теперь, сынок, ответь-ка нам на несколько вопросов, и мы, быть может, угостим тебя чайком. Но учти, нам нужны только правильные ответы.

Все это было старо как мир. Твикер перевел взгляд с лоснящейся физиономии Нормана, пытавшегося играть в дружелюбие, на лицо Гарни, где выражение высокомерия постепенно сменялось страхом. Какая тоска. Ложь и всякие увертки, угрозы и обещания — вот те методы, к которым обычно прибегают в полиции. Наверно, это неизбежно — от таких, как Гарни, иначе ничего не добьешься.

От других они тоже невесть сколько добились, пока дело не дошло до Роуки Джоунза. Припертые к стене признанием Жаркова, Эрни Боган, Тэффи Эдвардз и Лесли Гарднер согласились с тем, что они были в Фар Уэзер, но не совершили никакого преступления, а лишь бросали фейерверки. Все до единого отрицали, что у них были ножи. И не имели ни малейшего представления о том, кто зарезал Корби.

Около полуночи сержант Стерлинг, допрашивавший Роуки Джоунза, приоткрыл дверь в комнату, в которой Твикер бился с Эдвардзом, и вызвал суперинтенданта в коридор.

— Мой готов дать показания, — сообщил он. — Не хотите ли им заняться?

Джоунз, высокий светловолосый парнишка с чертами ласки, заерзал на стуле под пристальным взглядом Твикера.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Вполне достаточно, чтобы пойти за убийство на виселицу.

— Я ничего не сделал.

— После того, что нам рассказали остальные, вполне можешь туда попасть.

— Кто... что они вам сказали?

Твикер взял в руки листок бумаги.

— Жарков, Эдвардз, Гарднер — они все дали показания.

— И что они вам рассказали?

— Нам вполне достаточно. К тебе вопросов нет. Уведите его.

— Нет, нет, прошу вас, не надо. Я должен вам сказать...

— Нас это больше не интересует, — отрезал Твикер.

— Заинтересует. Если они сказали, будто его зарезал я, это неправда. Потому что его зарезал Король.

Лэнгтон облегченно вздохнул.

— Ладно уж, — смилостивился Твикер. — Говори.

Показания Джоунза подтвердили многое из того, что сказал Жарков. Джоунз утверждал, что вчера вечером у него не было с собой ножа, но он видел нож у Гарни и знал, что они есть у Богана и Гарднера. Гарднер был закадычным другом Гарни и ради него мог сделать что угодно. Когда они выехали за город, Гарни начал полосовать ножом воздух, приговаривая: «Тренировка может сгодиться». Когда бросали фейерверки, Джоунз стоял рядом с Корби, а рядом с ним Гарни, Боган и Гарднер. Корби набросился на Богана, и тогда Гарни вытащил нож. Кто-то еще, кажется Гарднер, тоже вытащил свой нож. И кто-то, кажется Гарднер, крикнул: «Всыпь ему, Король!» Джоунз видел, как блеснул в воздухе нож, и слышал вопль Корби. Потом раздалась команда «поехали», и они умчались.

Потребовалось три четверти часа, чтобы привести в божеский вид бессвязный лепет Джоунза. Ему принесли чашку чая и сэндвич. Он забился в угол и тихонько хныкал.

— Кто следующий? — Лэнгтон взглянул на Твикера. — На основании показаний Джоунза мы можем спокойно задержать Гарни и...

— Они все преступники, — хрипло бросил Твикер.

— Тогда, сэр, давайте задержим их всех как подозреваемых в убийстве, — предложил Норман. — Оснований для этого достаточно. А утром разберемся.

— А их родственники тем временем, узнав, что они арестованы, уничтожат все улики. Нет, их нужно отправить по домам. А завтра мы их всех возьмем.

— Гарни следует оставить здесь. Если он узнает, что Джоунз рассыпался, я парнишке не завидую, — возразил Лэнгтон.

— Если у Джоунза есть мозги, он никому ничего не скажет. Пусть они все думают, что перехитрили нас.

Итак, всех шестерых подростков отпустили по домам. Твикер с Норманом вернулись в гостиницу в час ночи.

— Ну и денечек, — вздохнул сержант. — Я ног под собой не чую.

Твикер молчал. Уже сквозь сон Норман услышал из сосед-

ней комнаты скрип пера. Утром он проснулся от какого-то назойливого жужжания и понял, что оно доносится из соседней комнаты. Твикер брился электробритвой. Норман взглянул на часы. Было шесть пятнадцать.

Всю пятницу Хью просидел над заметками для центральных газет — нужно было поддержать в читателях интерес к убийству и, конечно же, заработать на почасовой оплате. Он был по горло занят делами и поэтому не смог съездить в Фар Уэзер, как на то рассчитывал. Он поднимался в свою квартиру на Пайл-стрит, вдыхая надоевший до тошноты запах капусты, которой несло из лавки зеленщика. В его душе вскипало раздражение.

Из гостиной доносились голоса.

Майкл восседал на продавленном диване, а девушка устроилась в единственном удобном кресле.

— Хью, это Джилл Гарднер, — представил девушку Майкл. — А мы ждем тебя. Что нового в связи с убийством Корби?

Это была «куколка». Она не поднялась с кресла, и он видел лишь широко расставленные синие глаза, курносый нос и стройные ноги.

— Мы пьем пиво, — пояснил Майкл. — Напиток, заменяющий бедному человеку алкоголь. Оказывается, брат Джилл замешан в этом деле.

— Ваш брат?

— Они вызвали его на допрос, — пояснил Майкл.

— Мой брат Лесли дружит с подростком по имени Джек Гарни. Они называют себя «ватагой с Питер-стрит».

Девушка говорила с придыханием, и Хью это показалось милым.

— А среди них есть парень по прозвищу Король?

— Они называют так Джека Гарни.

— Он их вожак?

— По-моему, да. Они, как дети, играют во всякие игры. Что будет с Лесли, мистер Беннет?

— Думаю, ему придется ответить на несколько вопросов: был ли он там, что видел и так далее.

— Одним словом, его подвергнут допросу с пристрастием.

— У полиции не может быть пристрастий, — сказал Хью с уверенностью, которой вовсе не чувствовал. — Но одного из тех, кто был там, зовут Королем — я сам слышал, как кто-то выкрикнул: «Король!» А у вашего брата до этого были неприятности с полицией?

— Он и подросток по фамилии Боган полтора года назад

угнали озорства ради машину. Их избили. На нашей Питер-стрит нравы жестокие. Но Лесли не способен на насилие. Он тихий мальчик.

— У него есть нож?

— Я ведь сказала вам, что он не способен на насилие.

— Извините, только этот вопрос ему обязательно зададут в полиции, если узнают, что он тоже там был.

— Вы правы. С тех пор как пять лет тому назад умерла наша мать, я все время пытаюсь уберечь Лесли от дурных... влияний, что ли. Меня на Питер-стрит не любят. Я школьная учительница, а у нас их не жалуют. Поэтому им не нравится, что я пытаюсь повлиять на Лесли.

— Ваш брат был вчера вечером в Фар Уэзер?

Девушка пристально посмотрела на Хью.

— Не знаю. Но если он там и был, могу сказать одно: Лесли не имеет никакого отношения к убийству. Могу в этом поклясться.

В дверь позвонили. Майкл, пробормотав извинения, побежал вниз. Девушка встала и неприязненно посмотрела на Хью.

— Если Лесли оказался в беде, я его спасу. И не побрезгую ничьей помощью.

На лестнице раздались шаги, громкие голоса. На пороге гостиной появился Майкл.

— Перед вами пресса с большой буквы, так сказать, человек из столицы, журналист экстра-класса, Фрэнк Фэрфилд из «Бэннер».

В комнату шагнул не человек, а какая-то развалина, обломок чего-то некогда красивого. Красота давно поблекла, а на ее месте торчал красный в прожилках нос, за очками в роговой оправе поблескивали воспаленные глаза. На могучем костяке вошедшего болталось поношенное тряпье, на плаще не хватало пуговицы, коричневые туфли на толстой подошве нуждались в починке. Мужчина заморгал и огляделся по сторонам.

— Только, ради бога, не надо из-за меня менять планы, — сказал он. — Мне дали этот адрес в вашей редакции. Надо же иметь наглость вломиться к людям домой. Вы Хью Беннет.

— А это Джилл Гарднер. Ее брата вызвали на допрос. Фрэнк Фэрфилд — король репортеров уголовной хроники, — отрекомендовал Майкл, обращаясь к девушке. — Выпейте с нами пива.

Дрожащей рукой Фэрфилд поднял стакан. Хью обратил внимание, что его большие продолговатые ногти обведены траурными каемками.

— Я здесь благодаря капризу моего бога и хозяина, — извиняющимся тоном пояснил Фэрфилд. — А когда он прика-

зывает, не в моем характере задавать вопросы. Признаться вам, я не очень-то в курсе дела. Может, просветите меня?

Такая постановка вопроса сразу же располагала к себе. Хью пустился в подробности дела, и Фэрфилд поначалу внимательно его слушал, но вдруг предложил:

— Пройдем-ка лучше в ближайший бар и выпьем во здравие «Бэннер».

— Во здравие «Бэннер»? Прекрасная идея, — подхватил Майкл.

— Мне, наверно, все-таки следует выяснить, что с Лесли, — сказала Джилл Гарднер. — Его взяли прямо с работы.

— Сейчас только четверть девятого. Так что он еще у них, — со знанием дела сказал Фэрфилд. — А я бы очень хотел поговорить с вами, мисс Гарднер. Может, вам это и покажется странным, но не исключена возможность, что «Бэннер» может оказать вам услугу.

— Каким образом вы бы могли помочь моему брату?

Они вчетвером сидели в «Короне и якоре».

— Гласность. — Фэрфилд сделал долгую паузу. — Пусть ваш брат все расскажет. Пусть остальные ребята последуют его примеру. А мы это напечатаем.

— Не знаю, право, не знаю...

— Моя дорогая мисс Гарднер, а что вам терять? От этого парню не будет никакого вреда. Кстати, он завтра работает?

— Завтра... О, завтра же суббота. Нет, он свободен.

— В таком случае, можно я загляну к вам часиков в десять?

— Ммм... Думаю, что да. Простите за нерешительность, но все дело в том, что мой отец не любит журналистов. А у меня сейчас в голове такая путаница. И все-таки мне пора.

Джилл Гарднер попыталась встать.

Фэрфилд поднял свою дрожащую руку.

— Пусть Хью сперва позвонит в участок. Если верить моим воспоминаниям из провинциальной жизни, у Хью есть в полиции знакомый. Так вот, если Хью ему позвонит, мы, быть может, узнаем, что они делают с Лесли.

Хью прошел в телефонную кабину на втором этаже. Его приятель, констебль Пикеринг, очень удивился, что ему известна фамилия Гарднер. Фамилии остальных допрашиваемых он не назвал.

— Против них выдвинуто обвинение в убийстве, — сказал Пикеринг.

— Ты не назовешь фамилии остальных?

— Больше ничего не могу тебе сказать.

— Спасибо и на том. Гарднер еще у вас?

— Они все пока у нас.

— А как ты думаешь, когда...

Их разъединили. Пикеринг был явно не один. Когда Хью доложил новости, Джилл встала. Майкл был увлечен беседой с Фэрфилдом и не заметил, как она собралась уходить. Но Фэрфилд заметил.

— Спокойной ночи, мисс Гарднер, — сказал он. — Значит, в десять утра.

Хью проводил ее на улицу.

— Куда вы сейчас?

— Пожалуй, в участок мне ехать без толку. Расскажу обо всем отцу. Он расстроится.

— Я думаю.

— Да, но вы не представляете... Ладно, в общем, это неважно. Вы были так добры.

— Пока я для вас ничего не сделал. Пойдите, я могу прийти к вам завтра утром вместе с Фэрфилдом. Если, конечно, мне удастся выбраться из редакции и если вы не возражаете.

— Буду рада вас видеть. — Не успел он сообразить, искренни ли ее слова, как она сказала: — Мой трамвай, — махнула рукой и уехала.

Он вернулся в бар. Майкл, раскрасневшийся и с блестящими глазами, рассказывал шплетни, которые он уже не раз слышал, — злобные, не лишённые остроумия анекдоты про их редакцию, в которых Клэр, Фермер Роджер, Грейлинг и все остальные представляли в смешном и довольно бледном виде. Хью даже возмутился — ведь Майкл, можно сказать, предавал тех, с кем работал. А если бы его не было здесь, что бы Майкл говорил о нем? Фэрфилд слушал, осушая пинту за пинтой пиво и переводя свой затуманенный взор с Майкла на Хью. Они просидели до самого закрытия. По пути домой Хью сказал:

— Задали вы ей проблему.

— Кому? Нашей мисс Гарднер? Надеюсь, она найдет дорогу домой? В противном случае ее не следовало отпускать одну. А я-то решил, что вы к ней равнодушны.

— Она мне понравилась.

— Она ваша, мой мальчик. Для меня она слишком резва. Старину Фэрфилда уже укатали крутые горки. Верно?

Хью промолчал.

С виду Питер-стрит казалась вполне обычной улицей, хотя, ясное дело, жизнь здесь была унылая. Питер-стрит, Меланта-стрит, Филидор-стрит, Бью-стрит — благодаря этим названиям, приклеенным наугад, отличали одну от другой улицы, которые на самом деле ничем друг от друга не отличались. Дети, сверкавшие двадцать лет назад голыми пятками, теперь были умы-

ты и обуты, однако по-прежнему играли на тротуарах в ту же чехарду и рисовали на стенках виселицы. Фэрфилд с Хью приехали сюда на трамвае и теперь шагали под серым ноябрьским небом к дому Гарднеров.

— Беда в том, что благосостояние дало им слишком много и в то же время ничего не дало, — философствовал Фэрфилд. — У рабочих нынче водятся деньжата, но что им делать с ними после того, как в доме стоят телек с холодильником? Взгляните в ту сторону. — Фэрфилд указал пальцем на длинноволосых юнцов, хихикающих у фонарного столба. — Одеты-обуты, в карманах шуршат деньги, а податься-то и некуда. Так и создаются банды. Возьмем этого парнишку, Гарни, который во всех отношениях настоящий жоак. Он демонстрирует перед остальными свою силу и смекалку. Из таких во время войны получают отличные офицеры. Многие даже идут в десантники и возвращаются домой увенчанные славой. А в мирное время они, как правило, оказываются не у дел.

— А я думал, «Бэннер» газета тори.

Фэрфилд расхохотался.

— Так оно и есть, мой мальчик. Я и сам тори. Но тут дело не в партийной политике, а в здравом смысле. Здравый смысл — это то самое, что прекрасно помогает нам в жизни. Кстати, догадываетесь, почему мы приехали сюда не на такси, а трамваем? Потому что нам, судя по всему, придется беседовать с местными жителями. А подкати мы на такси, они бы стали глядеть на нас косо. Вы слышали про Твикера?

— Это тот, которого нам прислали из Скотленд-Ярда? Нет, никогда не слышал.

— Он странный человек. Я мог бы о нем много рассказать. Ну, вот мы и прибыли.

Железная калитка отворилась со скрипом. Фэрфилд взялся за молоточек. В верхнем этаже соседнего дома колыхнулась тюлевая занавеска. Дверь отворилась, и на пороге появился здоровенный мужчина с волосатыми руками.

— Я вас знаю, — сказал он Хью. — Ваша фамилия Беннет. Помните меня? Джордж Гарднер, секретарь местного филиала лейбористской партии. Вы присутствовали на двух наших митингах. А ваша фамилия Фэрфилд. Дочка мне рассказывала про вас. Входите. — Он обернулся и крикнул: — Джилл!

Гарднер провел гостей в чистую и светлую гостиную, где стоял новый гарнитур из двух кресел и дивана, а на стенах висели репродукции картин Ван-Гога и Утрилло. Вошла Джилл Гарднер и молча села в кресло. Гарднер стал спиной к облицованному кафелем камину.

— Лес еще спит. Они взяли его сразу после работы и от-

пустили уже за полночь. Такие у них методы. — Он откровенно разглядывал Фэрфилда. — Не знаю, что сказала вам вчера Джилл, но я скажу вам следующее: мы не собираемся открывать душу прессе. Я ясно выражаюсь?

— Ясней некуда, — кивнул Фэрфилд. — Только в ваших словах нет ни капли здравого смысла.

— Я-то знаю, что вам от нас нужно. — Он поднял свой толстый палец и тыкал им в Фэрфилда точно так, как делал это на митингах. — Допустим, кто-то из нас скажет, что на Питер-стрит живет несколько хулиганов. Вы перевернете все кверху ногами и напишете, будто на Питер-стрит орудуют целые банды. А это в корне неверно. Наша Питер-стрит ничем не хуже других улиц. Я вырастил здесь двоих вполне нормальных детей. Они у меня скромные и честные. Может, напишете об этом? Да нет, куда там, вы ведь зарабатываете на том, что торгуете враньем.

— Папа, — как-то автоматически одернула Гарднера Джилл.

— Я говорю не о присутствующих, а вообще, — несколько не смутившись, сказал он.

Дрожащими пальцами Фэрфилд прикурил сигарету. В его голосе не было и тени обиды. Он говорил все тем же слегка извиняющимся тоном интеллигентного человека, не принадлежащего ни к какому слою общества. Казалось, он обсуждает какую-то проблему, затронутую в ходе телевизионной дискуссии, отчего его слова приобретали особую язвительную окраску.

— Держу пари, вы не уехали с Питер-стрит только потому, что вы лейборист, чем страшно кичитесь. Вы не пожелали переехать в соседний район, где перед каждым домом есть небольшой сад...

— Да, я лейборист и горжусь этим. И живу среди таких, как я. И дом наш вовсе не плох. Мы даже сделали ванную.

— После чего он стал просто роскошным, — съязвил Фэрфилд. — А как насчет вашей семьи? Вы о своих детях подумали?

— У нас в семье каждый имеет право голоса.

— Нам здесь хорошо. — У Джилл зарделись щеки. — Не слушай его, папа.

— Если они и думают, что им здесь хорошо, то только потому, что вы сызмальства вдолбили им это в голову. Дескать, какое счастье жить в трущобах и превращать их в рай. Но так ли уж здесь хорошо вашему сыну?

— Лесли парень покладистый.

— Вот только связался с непокладистыми. Хорошо. Тогда давайте подойдем к этому вопросу иначе. Вы не любите «Бэннер»...

— Продажная газетенка, — с особым ударением на последнем слове произнес Гарднер.

— Пусть так. Но я приехал сюда с единственной целью — докопаться до истины. Ясно вам? Служение истине суть деятельности всех без исключения журналистов. Вы отказываетесь снабдить меня фактами. Хорошо, я получу их в другом месте. — Фэрфилд погасил свою сигарету. — Только в таком случае не возлагайте вину на меня.

— То есть как это я не должен возлагать на вас вину за то, что вы, получив отпор у двери, попытаетесь влезть в окно? — Гарднер говорил голосом оратора, гвоздящего на митинге оппозиционеров. — Что ж, если я застукаю вас за этим занятием, пеняйте на себя. Но запомните одно: мой сын не имеет никакого отношения к тому, что случилось в Фар Уэзер в ночь Гая Фокса. И в этом доме другого вы не услышите.

Фэрфилд встал, за ним встал и Хью, который все это время чувствовал себя как статист на сцене.

— Мне очень жаль, — сказала Джилл, почему-то обращаясь не к Фэрфилду, а к Хью.

Она распахнула входную дверь.

На пороге стояли два полисмена, у калитки — «черный ворон», вокруг которого столпилось чуть не все население Питер-стрит.

— Доброе утро, — сказал сержант.

Гарднер как изваяние застыл на пороге, уперев руки в боки.

— Доброе утро, Джо Малколм. С чем пожаловал?

— Мне нужно поговорить с Лесли Гарднером.

— Он спит.

— Тогда разбудите его. Может, мы все-таки войдем в дом?

Гарднер не шевельнулся. Сержант пожал плечами.

— Пусть будет по-вашему. Тогда пускай он спустится вниз. Немедленно.

— Зачем еще?

Сержант достал какую-то бумажку. Гарднер внимательно изучил ее и крикнул:

— Лес!

С лестницы спустился худой, бледный подросток в рубашке и брюках. Он был поразительно похож на свою сестру.

— Лесли Гарднер, у меня ордер на твой арест в связи с убийством человека по имени Джеймс Рестон Корби, имевшим место пятого ноября вечером в Фар Уэзер. Должен предупредить тебя...

Мальчик перевел взгляд с сержанта на своего отца, который застыл на пороге с каменным лицом. И тут у него будто вырос-

ли крылья. Он перемахнул через вытянутые руки сержанта и каким-то чудом приземлился по ту сторону порога, увернулся от второго полицейского и пустился наутек, но неожиданно споткнулся о бордюр тротуара. Полицейские тут же набросились на него и силком впихнули в «черный ворон». Хью видел, как дрожали губы мальчика, когда он шептал «Джилл, папа» и «Прошу вас». По его лбу струилась тонкая полоска крови, глаза были широко распахнуты. Хью видел в глубине машины другие лица, мелькание кулаков, слышал громкие голоса. Фургон отъехал, толпа сомкнулась и зажужжала.

— Скоты, проклятые скоты... Вломились в наши дома, забрали наших детей.

— А все потому, что Король с кем-то еще зашел к Роуки и Поляку и велел им держать рты на замке. Роуки перетрусил и сделал ноги.

— Похоже, Джордж, мы с тобой попали в один переплет, а? — говорил Гарднеру белобрысый мужчина, напоминающий хорька. — Ну что, воспользуешься своим влиянием на совет, чтобы освободить парнишку?

Фрэнк Фэрфилд тут же очутился возле этого мужчины.

— Я мистер Джоунз из 32-го дома, — представился тот. — Вчера ночью моего сына взяли прямо с работы и продержали несколько часов в участке. А когда выпустили, приятели стали ему угрожать, что зарежут, если он...

Фэрфилд взял его под руку, и они отошли в сторонку. Гарднер окинул взглядом толпу, повернулся и скрылся в доме. Джилл последовала за отцом и громко хлопнула дверью. Хью побрел по Питер-стрит. Он испытывал муки романтика, столкнувшегося с реальной жизнью. Хотя у него и не было никаких причин мучиться от того, что он узнал в Лесли Гарднере того подростка, который сбил с ног девчущку в ночь Гая Фокса.

Едва Твикер с Норманом успели переступить порог полицейского участка, как им сообщили о случившемся:

— Один из наших пацанов удрал, — сказал без всякого выражения Лэнгтон.

Не в духе Нормана было делать критические наблюдения, однако он почувствовал бы к Твикеру больше симпатии, отбрось тот хоть на короткое время свою невозмутимость сфинкса.

— Который? — спокойным голосом поинтересовался суперинтендант.

— Джоунз. Тот, который раскололся. Его папаша, мелкий мошенник, дважды сидевший за воровство, позвонил чуть свет в участок. Сказал, что, как только мальчишка пришел ночью домой, в почтовый ящик подсунули записку. Сам Джоунз ее не

читал и не может нигде найти, но говорит, что, когда мальчишка ее раскрыл, он перетрусил и сказал, что его хотят резать товарищи. Как будто бы сам младший Джоунз робкий ягненок, а не крыса, сунувшая нос в дерьмо уже в младенчестве. Псхоже, он струсил и удрал. Но я не думаю, чтобы далеко, — добавил Лэнгтон без уверенности в голосе.

Невозмутимость, с которой Твикер воспринял эту новость, показалась Норману нечеловеческой. Решение, принятое им прошлой ночью, оказалось явно ошибочным, и теперь суперу предстоит оправдываться перед начальством, докладывать о случившемся шефу полиции. Все это болезненно било по самолюбию.

Твикер кивнул в сторону кабинета начальника полиции и спросил:

— Он знает об этом?

— Ему доложили, — сказал Лэнгтон.

— Хорошо. Тогда нам придется взять пятерых оставшихся. — Твикер повернулся к Норману: — Я зайду к начальнику полиции, а потом мы с вами съездим в Фар Уэзер.

Днем Норман печатал на машинке показания свидетелей. Он здорово промок и пребывал в скверном расположении духа. В который раз он думал о том, что в жизни детектива так мало светлых минут. Будь он обычным человеком, мог бы сейчас развалиться в кресле у камина... Вместо этого он сидит в насквозь продуваемой сквозняками комнате и печатает на машинке скучные показания по делу, которое наверняка никому не принесет славы, тем более ему. От черствого кекса и жидкого чая у него урчит в желудке. Одним словом, беспросветная жизнь. Он заправил новый лист и застучал по клавишам машинки:

ДЖО ПИКЕТТ. 45 лет. Работает приходящим садовником. Был на танцах. Видел, как Корби выгонял подростков. Говорит, что Корби применил силу лишь по отношению к двоим, остальные ушли сами. Уверен, что узнал бы этих двоих, а может, и всех остальных. В ночь Гая Фокса стоял близко от Корби. Видел, кто на него напал. Говорит, их было двое. Говорит, видел, как один из подростков вытащил нож, кто именно, сказать не может. Слышал, как крикнули: «Всыпь ему, Король!» Приказывал ребятам прекратить хулиганство. Видел, как они убежали.

МОРИН ДАЙЕР. 11 лет. Дочь местного фермера. Была в ночь Гая Фокса на месте преступления. Один из подростков налетел на нее и свалил с ног. Она нащупала в его кармане «что-то твердое и острое». Хорошо разглядела того парня и могла бы его узнать.

И в том же духе. На месте происшествия случайно оказался репортер из «Гэзетт», однако жадный до дела Твикер оставил его для себя.

Пошатываясь на своих высоких каблуках, Клэр вошла в репортерскую и насмешливо сказала:

— Вот и всплыли наружу твои грехи.

— Что такое?

Дело шло к шести, и все уже разошлось. Хью дежурил вечером и теперь клевал носом над «Бременем страстей человеческих».

— Не пугайся так, милый. Это всего лишь суперинтендант полиции, настоящий и прямо из Скотленд-Ярда. Я встретила его у входа и показала дорогу наверх.

Из-за плеча Клэр выглядывал седой подтянутый мужчина.

— Ах, да, прошу прощения. Вы...

— Моя фамилия Твикер. — У него был низкий и бесстрастный голос. — Хотел бы поговорить с вами, мистер Беннет. Я не займу у вас много времени. А вам спасибо за помощь, — поблагодарил он Клэр.

— Это мисс Кэвендиш, наш репортер, — представил Хью.

— Когда-нибудь, суперинтендант, мне захочется взять у вас интервью для нашей страницы для женщин, — с наигранной веселостью заговорила Клэр. — Вопросы самого личного характера: что вы едите на завтрак, выводите ли по вечерам свою собаку, забавные происшествия, которые случались с вами...

— Вы путаете меня с какой-то знаменитостью, мисс Кэвендиш.

Твикер таким решительным образом повернулся к ней спиной, что Клэр ничего не оставалось, как уйти прочь. Закрывая за собой дверь, она состроила Хью гримасу.

У Хью стучали от холода зубы, хотя пружины электронагревателя накалились докрасна. К тому же он не совсем проснулся.

— Если не ошибаюсь, это по поводу убийства в Фар Уэзер?

Твикер кивнул и пристально посмотрел на Хью. Тому сделалось неловко от его взгляда.

— Я хотел бы, чтобы вы рассказали мне о том, что видели и слышали в тот вечер.

— Значит, меня вызовут свидетелем?

— До этого пока далеко. В деле подобного рода сперва необходимо собрать десятки, может, даже сотни показаний. Обычная рутина.

Неужели, думал Хью, со времени происшествия еще не прошло и двух дней? Он старался ничего не упустить в своем рас-

скаже и, что было еще важней, ничего не домыслить. Не внести искусственной ясности в то, что на самом деле было неясным. Твикер сделал одну или две заметки в своем блокноте, большую же часть времени сидел, сложа руки на груди, и слушал. Под конец спросил:

— Вы разглядели того подростка, которого обхватили руками? Смогли бы его опознать?

В комнате, где обычно стоял гвалт, теперь царила непривычная тишина, и Хью совсем иными глазами глядел на прислоненные к чернильному прибору трубки на столе у Лейна, открытые машинки, номера «Вог» и «Харперз», сложенные аккуратной стопкой на столе у Клэр, на весь этот знакомый уют, который придавали комнате старые ободранные столы, пожелтевшие записки, приколотые к стене. Один из младших редакторов оставил в допотопном «Оливере» листок бумаги, на котором заглавными буквами было напечатано: «БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ, А ЛЕЙН ЕСТЬ РЕДАКТОР ОТДЕЛА НОВОСТЕЙ».

— Вы хорошо его разглядели? — настаивал Твикер.

Почему в такой момент он обращает внимание на всякие мелочи? Почему ответ, который он должен дать, кажется ему таким важным?

— Да, — сказал он, но тут же оговорился: — То есть в то время я не разглядел его как следует, но видел после и узнал.

— Когда?

— Сегодня утром. Я был на Питер-стрит, когда за ним приехали. Его зовут Лесли Гарднер.

— Вы уверены, что это был тот же самый подросток?

Хью уже сжег свои мосты.

— Абсолютно уверен.

— И он направился в сторону Корби?

— Да.

— Это было до того, как крикнули: «Всыпь ему, Король!»?

— До того.

— А вы бы смогли узнать по голосу подростка, который это выкрикнул?

Хью постарался вспомнить тот голос, уловить в нем какой-либо отличительный признак, но тщетно.

— Не уверен.

— Когда вы обхватили руками Гарднера, вы ничего не нащупали в его карманах?

— В его карманах... — Он задумался, силясь вызвать то мимолетное ощущение. — Да, я нащупал с правой стороны что-то твердое. Затрудняюсь сказать, в каком именно кармане.

— Хорошо. — Твикер встал. — Я попрошу вас зайти к нам в участок в удобное для вас время для дачи показаний.

Когда Твикер ушел, Хью снова прочитал то, что написал этот слишком смысленный младший редактор: «БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ, А ЛЕЙН ЕСТЬ РЕДАКТОР ОТДЕЛА НОВОСТЕЙ». Потом почему-то вспомнил о Джилл Гарднер.

«Ротор» находился на Йетс-роуд, главной улице Райской Долины. Его неоновая вывеска мигала между витринами магазина готового платья и бакалейной лавки. Норман толкнул двустворчатую дверь и вошел внутрь. С тех пор как Твикер поручил ему опросить здешних служащих, он чувствовал себя куда уверенней, хотя сопроводительную реплику супера, что, дескать, у сержанта способности к делам подобного рода, нельзя было назвать комплиментом. Мясистый нос Нормана унюхал что-то такое, во что можно было вонзить зубы. Да, ему близок этот мир, сотканный из танцевальной музыки, веселых голосов, смеха, терпкого запаха духов. Он остановил взгляд на торговавшей билетами девушке, прыщавой брюнетке в маленькой плоской шапочке небесно-голубого цвета, синем трико и желтых колготках.

— Мне нужен директор.

— Мистер Николас? Но вы не заплатили за вход.

Норман улыбнулся, обнажив свои великолепные крупные зубы.

— Я не сказал, что хочу войти. Мне нужен директор.

Он улыбнулся еще шире и показал ей значок.

— Настоящий детектив...

— Самый настоящий. Может, ущипнешь для верности?

— Я скажу мистеру Николасу.

Она подозвала другую девушку, шепнула ей что-то на ухо, и та исчезла. Норман почувствовал, как по его жилам разливается приятное тепло. Ради таких вот редких мгновений удовольствия стоило быть детективом. Когда девушка появилась и повела его в кабинет мистера Николаса, это приятное ощущение еще усилилось.

В маленьком настороженном и очень волосатом (волосы росли из ушей и покрывали густой порослью тыльную сторону ладони) мистере Николасе Норман сразу же узрел свою потенциальную жертву. Он принял предложение выпить виски, отказался от сигареты и уютно устроился в глубоком кресле.

— Вы нездешний, мистер...

— Норман. Сержант уголовно-следственного отдела Норман. Совершенно верно.

Мистер Николас поправил манжеты и спросил с наигранной бойкостью:

— И что привело вас в «Ротор»? Что за проступок мы совершили?

— Вы разве совершили какой-то проступок?

— Надеюсь, что нет, сержант.

— Я тоже на это надеюсь. — Оба рассмеялись. — Однако здесь у вас собирается довольно дурная компания.

— Это respectable танцзал. У нас больше года не случилось...

— Здесь собираются ребята, которые называют себя «ватагой с Питер-стрит», — бесцеремонно прервал его Норман.

— Боюсь... мне кажется, я их не знаю.

— Должны знать. Ими верховодит парень по фамилии Гарни. Они зовут его Королем.

— А, Гарни. Его я знаю. И кое-кого из его друзей.

— Это дурная компания. — Прежде чем проглотить виски, Норман подержал его во рту. — Их арестовали по обвинению в убийстве. Разве не слышали? Нас интересуют все подробности, связанные с посещением этими подростками вашего зала с целью обеспечить себе алиби. То есть в четверг вечером. Похоже, они считают «Ротор» подходящим местом для таких дел.

— Позвольте... — Мистер Николас притворился оскорбленным.

— Возможно, вы не имеете к этому никакого отношения. Но нам нужна ваша помощь. Вы поможете нам, мы поможем вам, — многозначительно изрек Норман.

Воцарилось молчание. Человек посмотрел на пустой стакан Нормана и подлил ему виски.

— Я вас понял. Вам следует поговорить с моей главной распорядительницей Джин Уиллард. Красивая девушка.

— Люблю беседовать с красивыми девушками. Но нам для беседы нужно помещение.

— Ну, разумеется. Располагайтесь, пожалуйста, в моем кабинете.

— Благодарю. Вы очень любезны. Я это ценю.

— Я сейчас спущусь вниз и пришлю вам Джин.

— Я пойду с вами, — возразил Норман.

Танцзал ничем не отличался от десятка других подобных заведений в пригородах Лондона, и Норман понял, что Николас не соврал, назвав его заведением respectable. Это было почти respectable заведение, где процентов шестьдесят посетителей составляли конторские служащие, машинистки, секретарши, бухгалтеры и их кавалеры. Люди постарше, а таких было процентов десять, танцевали с платными партнершами или несмело приставали к девушкам. Примерно треть публики составлял рабочий люд: молодые парни в пестрых нарядах, причесанные, но не очень чистые девушки в джинсах, чью со-

циальную принадлежность скрывала стереотипная одежда. Человек шесть девушек сидели вместе и о чем-то оживленно болтали. Николас положил одной из них руку на плечо.

Девушка обернулась. У нее были тонкие губы, которые она накрашила сердечком. Она жевала резинку. Взглянув снизу вверх на Нормана, спросила с искусственным американским акцентом:

— Хотите потанцевать?

— Нет, моя фамилия Норман, уголовный следственный отдел, Скотленд-Ярд. Мне кажется, вы могли бы мне помочь.

— Джин, ради бога, сделай для этого человека все, что в твоих силах, — важно сказал мистер Николас.

Норман присел рядом с девушкой за металлический столик. Она потягивала через соломинку кока-колу.

— Вы хорошо знаете Короля?

— Знала. Была его подружкой.

— Была?

— Последнее время он дружит с Сюзи Хейг. Ее сегодня здесь нет.

— Кто кого бросил?

— Не ваше дело. — Каким-то непостижимым образом девушке удавалось одновременно потягивать кока-колу и жевать резинку. — Это было взаимно.

— Может, вам не нравятся ребята, с которыми он водится?

— Послушайте, мистер, задавайте-ка мне вопросы по делу. Если мне захочется, я отвечу на них. Если нет, так вам и скажу.

Норман почувствовал, как в нем закипает гнев. Он накрыл своей мясистой ладонью тонкое запястье девушки.

— Уберите руку! — взвизгнула она.

— Слушайте, либо мы сейчас поднимемся с вами в кабинет вашего хозяина, либо вы поедете со мной в участок. Решайте сами. Мне все равно.

Ее сердечко скривилось в ухмылку.

— Ладно, пошли наверх. Только отпустите мою руку. Мне больно.

В кабинете Николаса девушка плюхнулась прямо на стол. Бутылка виски стояла на подоконнике, и Норман плеснул в оба стакана.

— Итак, начнем с самого начала. Вас зовут Джин Уиллард и вы проработали в «Роторе»...

— Полтора года.

— Так что прекрасно разбираетесь в местной ситуации. Итак, Джин, Гарни появился здесь кое с кем из своих дружков в четверг вечером. Я хотел бы знать, как они выглядели, с кем разговаривали и что говорили.

— Вам не так уж и много от меня надо. — Виски пролилось ей на подбородок. Она вытерла его ладонью и подалась вперед — пурпурное платье туго обтянуло ей грудь. — Если верить вам, то мальчики зарезали в Фар Уэзер какого-то типа. Что им помешает проделать то же самое со мной?

— Мы помешаем, — сказал Норман без всякой на то уверенности. — Мы дадим вам стража.

— Благодарю вас. — Девушка фыркнула. — А когда вы его заберете, мне придется отсюда драпать.

— А почему бы и нет?

Она приоткрыла от удивления рот и вцепилась в него взглядом.

— Ваше место в Лондоне. Позвольте цыганке Норману предсказать ваше будущее по хрустальному шарик? Вижу, вы едете в Лондон, поступаете в кабаре стриптиза, находите своего сутенера и работаете на него в поте лица, а если вам повезет, то выходите замуж. Такой конец не так уж и далек. О да, мисс Уиллард, ваше место в Лондоне. А что вас держит здесь? Не понимаю.

— Раньше мне не хотелось уезжать отсюда из-за Короля.

— Расскажите о нем подробнее.

— Мы с ним полгода дружили. Он чудо. Понимаете, с ним здорово. Все ребята смотрят на него снизу вверх, так что с ним здорово было дружить.

— Здесь-то он кажется крупной рыбой, а вот там, где плавают настоящие рыбы, покажется головастиком.

— Вы рассуждаете не как полицейский.

— Нам ведь тоже присуще человеческое, может, даже больше, чем всем остальным. И мы всему знаем цену. Я мог бы помочь вам выбраться отсюда. — Норман смело встретился со взглядом ее темных глаз-бусинок. — Вы привыкли рассчитывать только на себя, но в данном случае можете рассчитывать на меня.

— Мне нравится виски.

Своей костлявой рукой с кроваво-красными ногтями она подвинула к нему свой стакан. Норман наполнил его до половины и столько же налил себе.

Она выпила, и Норман налил ей еще. Она снова потянулась к стакану. Норман сидел в глубоком кресле Николаса, обитом дорогой материей блекло-синего цвета, такой же, как и крышка стола. Она говорила толчками — так поступает вода из шланга, на который все время наступают.

— Только они появились в зале, я сразу усекла, что-то не так. Король вел себя вроде бы как всегда, подошел и заговорил с этой дегенераткой Сюзи, но по лицам Эрни и Тэффи я поняла: что-то не так. Эти оба еще молокососы, им бы за мамину юбку

держаться. Другой парень, Лес Гарднер, тот с Королем на равных. Конечно, он ему и в подметки не годится, но Король обходится с ним как с младшим братом. Его сестрица, Леса, я хочу сказать, сука первостатейная, но сам он парень хоть куда.

Так вот, с тех пор как мы с Королем рассорились — я ведь говорила вам, что мы рассорились, да? — Норман кивнул, не желая ее прерывать. — Это случилось взаимно, ясно вам? Так вот, с тех пор за мной стал ухлестывать Эрни Боган. Думает, я стану после Короля возиться с каким-то сопляком. Так вот, подходит он ко мне и говорит: «Мы в Фар Уэзер такое отмочили», а что именно, не говорит. Тут Король подходит, а он, как вошел, еще и слова со мной не сказал, а теперь подходит и спрашивает: «Что тебе сказал Эрни?» — «Он сказал, что вы были в Фар Уэзер на празднике Гая Фокса», — отвечаю я. Тут Король как рассвирепеет. Я таким его сроду не видела. Вы знакомы с Королем?

— Знаком, — кивнул Норман.

— Так вот, он обычно холодный, как огурец. А теперь он и говорит Эрни: «Я ведь велел тебе держать пасть закрытой». А Эрни и спрашивает у него, как быть с Роуки и Поляком, ведь их здесь нет, а Король и отвечает: «Если какой-нибудь скот хоть пикнет, его песенка спета. Я, — говорит, — сам об этом позабочусь. Усек, Эрни?» — Девушка замолчала и посмотрела на свой почти пустой стакан. Облизнула накрашенные губы. — Обо мне он тоже может позаботиться, — сказала она уже без малейшего намека на американский акцент.

— С тобой, девушка, он этого не сделает. Вот что я тебе скажу: когда кончится расследование, мы упечем твоего Короля Гарни туда, где он долге не сможет никому причинить вреда. Ну а что еще он сказал?

— Броде больше ничего. Эрни и без того намочил со страху штаны. А тут подходит Тэффи Эдвардз, и оба начинают пудрить мне мозги, что Эрни, дескать, меня разыграл. Тэффи и говорит: «Спроси у Короля с Лесом. Мы с Эрни тоже там были, но у нас нету ножей». — «А что они сделали? — спрашиваю я. — Банк, что ли, ограбили?» Тогда Тэффи и отвечает, что они будто бы поехали позабавиться с одним типом, тем, что вышвырнул их с каких-то танцев, что ли, набрали с собой кучу фейерверков, чтобы в него бросать, а вышло так, что порезали его. «Ножи были у Короля и у Леса», — снова говорит Тэффи.

Тогда Эрни и спрашивает: «А как быть с Роуки? Может, Роуки тоже в этом участвовал?» А Эрни ему: «Ты, Тэффи, перед тем, как ехать, доставал свой ножик». А Тэффи и говорит: «Это вранье». А когда я спросила, здорово они порезали того типа, Тэффи лишь хихикнул, а Эрни сказал: «Здорово».

«Очень здорово?» — снова спрашиваю я, а Эрни и отвечает: «Король думает, тот тип в ящик сыграл».

Ее стакан был пуст. Она посмотрела на Нормана.

— Еще хочу.

— Хватит. — Перед ней сидел уже не мужчина, а полицейский. — Ты поедешь со мной.

Она взяла его за руку.

— И ты обо мне позаботишься?

— Позабочусь.

Они поехали в участок, где Джин дала показания.

— Мне придется сходить в полицейский участок, — сказал в понедельник утром Лейну Хью. — Там сегодня проводят опознание. Вы, наверно, помните, что я тоже был в четверг в Фар Уэзер.

— Неужели ты думаешь, я мог об этом забыть? — пропел Лейн. — Ведь если ты не читаешь под столом «Бэннер» или не пишешь статейки для других центральных газет, которые все равно никто не напечатает, ты бежишь попить кофейку с этим твоим дружкой мистером Фэрфилдом. Вот тебе совет, мой мальчик: либо ты бросаешь все это к чертовой матери и занимаешься текущими делами для своей газеты, либо ты можешь не вернуться с одного из своих кофепитий. Усек своими возвышенными мозгами?

— Разве я что-то провалил?

— Провалил? — Лейн стал набивать одну из своих трубок. — Сегодня уже понедельник, мой мальчик. Уже произведены аресты, о коих мы сообщили читателям. Полицейский суд, сам процесс — вот те материалы, которые мы в свое время поместим на наших страницах. Но я не хочу, чтобы репортер «Гэзетт» ползал по всем углам и заглядывал под каждый камень. Усек мою мысль?

Майкл поднял голову от пишущей машинки.

— Кстати, сегодня состоится Сэвингтонский турнир по кеглям. Одним словом, делу время, потехе час.

— Очень забавно, — оценил Лейн. — И чрезвычайно остроумно. Но самое забавное состоит в том, что наш внештатный юморист прав. «Гэзетт» — издание местное, и наши читатели в первую очередь ищут в ней сообщения о местных событиях, о которых им больше негде прочесть. Ладно, валяй на свое опознание, но чтобы к двум часам был в редакции.

Хью шагал по Хай-стрит под реденьким и каким-то больно уж теплым для этого времени года дождем. В приемной уже ожидали кривобокий Джо Пикетт, мрачный и насупленный доктор Макинтош и девчушка, чьи фейерверки он зажигал в тот

злополучный вечер. Рядом с ней сидел незнакомый мужчина, наверное, ее отец. Вошли Твикер, Лэнгтон и сержант Норман.

— Сегодня мы проводим опознание, — обратился к присутствующим краснолицый флегматичный Лэнгтон. — Вы выйдете по одному во двор, где мы выстроили несколько человек, приглядитесь к ним спокойно, без спешки, а потом скажете нам, не видели ли вы кого-нибудь из этих людей на лужайке в Фар Уэзер вечером пятого ноября. Именно пятого, а не раньше или позже. Нас интересуют только те, кто был на лужайке в тот вечер. Ясно?

Первым вызвали доктора Макинтоша, за ним Морин Дайер с отцом.

— А я видел вас раньше, — сказал Хью Джо Пикетт. — Вы тот самый репортер, который был у нас в тот вечер. Верно?

— Прошу вас не разговаривать, — казенным тоном приказал стоявший у дверей Боб Пикеринг.

Наконец вызвали Пикетта, а вслед за ним Норман крикнул:

— Мистер Беннет.

Они шли рядом по коридору, и Норман развязно спросил:

— Так это вы работаете в «Гэзетт»?

— Да.

— Ваш нюх в этот раз здорово сработал. Интересно, скольких из них вы опознаете.

Они вышли на маленький дворик. Там выстроилось двенадцать подростков, все в плащах либо макинтошах, нахлебавшиеся, понурые. Хью медленно шел вдоль шеренги. Да, все это здорово смахивало на фарс, но фарс трагический, ибо он должен был указать пальцем на Гарднера. Но странно, сейчас он уже не чувствовал той уверенности в своей правоте, какая была у него в субботу утром. А ведь он надеялся именно на нее — что можно было разглядеть за тот короткий миг, когда в его душе не было и намека на предчувствие беды. Мимолетное впечатление... Оно могло оказаться ошибочным. На короткое мгновение лицо Лесли Гарднера полностью заслонило лицо Джилл: такой же курносый нос, короткая, как у ребенка, верхняя губа, которая почему-то не вызывала жалости, а лишь говорила о решимости характера. Но взгляд у парнишки еще совсем детский и какой-то испуганный. К Хью подошел Твикер и спросил:

— Узнали кого-нибудь? Может, еще пройдете разок вдоль шеренги?

— Нет. Я уже узнал его.

Хью уверенно указал пальцем на Гарднера. Тот пошатнулся под его пристальным взглядом.

Норман сделал в своем блокноте пометку.

— Я вас слушаю, — теребил Твикер Хью.

— Это тот самый, с которым мы боролись в тот вечер. Он вырвался от меня и побежал в сторону Корби.

— Ясно. Ну-ка, скажи что-нибудь, — велел он Гарднеру.

— Меня зовут Лесли Гарднер, — выдавил тот.

— Теперь скажи: «Всыпь ему, Король!»

Во взгляде Гарднера что-то дрогнуло.

— Всыпь ему, Король! — таким же бесцветным голосом сказал он.

Твикер вопросительно глянул на Хью. Тот пожал плечами:

— Трудно сказать. Ведь всего три слова. К тому же тогда я не обратил на них особого внимания.

— Ясно, — процедил Твикер. Норман захлопнул блокнот. Хью был свободен.

Начальник полиции только что позавтракал, и настроение у него было приподнятое.

— Итак, что мы имеем на сегодняшний день? — спросил он у Твикера.

Твикер докладывал сухо, но отнюдь не равнодушно. Лэнгтон сидел здесь же, как всегда бесстрастный, но внимательный. Норман что-то чертил в своем блокноте.

— Первое: все пять подростков арестованы. Это Боган, Жарков, Эдвардз, Гарднер и Гарни. Шестой, Джоунз, подвергся допросу, дал обвинительные показания, касающиеся двух сообщников, и после этого сбежал из дому. — Твикер сделал паузу. Норман перестал чертить в блокноте. Лэнгтон рассматривал свои большие руки. Начальник полиции поглаживал усы. — Не вызывает никакого сомнения, что все шестеро подростков замешаны в случившемся за две недели до этого инциденте на танцах. Не вызывает никакого сомнения и то, что все шестеро вечером пятого ноября были в Фар Уэзер, в чем они уже сознались, хотя поначалу и отрицали этот факт. Весь вопрос в том, кто именно совершил преступление.

Второе: у нас есть четыре свидетеля. Первый, Джо Пикетт, приходящий садовник, в четверг вечером стоял рядом с Корби. Он видел нож, хотя затрудняется сказать, в чьих именно руках. Гарни, которого его дружки зовут Королем, вожак их банды, так что вполне резонно предположить, что преступление было совершено им. Кроме того, Пикетт ошибочно опознал еще двух подростков.

Твикер замолк. Все остальные тоже молчали.

— Второй свидетель, доктор Макинтош, тоже какое-то время стоял рядом с Корби, но потом отошел от него. Он тоже утверж-

дает, что на Корби напало «два или три подростка». Сегодня утром он смог с уверенностью опознать лишь одного Гарни.

Третий свидетель — одиннадцатилетняя девочка по имени Морин Дайер, дочь местного фермера. Она опознала в Гарднере того подростка, который ее толкнул. Говорит, будто бы видела, как в его руке блеснул нож. Репортер местной газеты, Хью Беннет, тоже узнал в Гарднере парня, который сшиб девочку. Беннет боролся с Гарднером, нащупал в его кармане что-то твердое и видел, как тот бросился в сторону Корби.

Начальник полиции звенел в кармане мелочью.

— Хотел бы я знать, где скрывается этот Роуки Джоунз? Ничего не слышно о нем?

— Пока ничего, сэр, — ответил Лэнгтон. — Но он не убежит далеко.

— Да, весьма запутанное дело, — раздраженно буркнул начальник полиции. — Один видел это, другой видел то. А что говорят сами подростки? Небось плетут разные сказки?

Твикер добросовестно пересказал версии всех шестерых подростков и Джин Уиллард. В комнате было тепло и сыро, в газовой горелке шипело и потрескивало пламя, и Норман чувствовал себя вяло, с трудом вникал в смысл происходящего. Возле газовой печки стояло огромное кожаное кресло, Норман, глядя на отсутствующее выражение лица начальника полиции, догадался, что тот обычно дремлет в нем после обеда.

— ...Вытянуть из них правду, любыми способами вытянуть из них правду. — В голосе Твикера звучали стальные ноты. — С этими мерзавцами нужно обращаться только так.

Зазвонил один из трех телефонов на большом столе. Начальник полиции снял трубку и передал ее Лэнгтону. Суперинтендант выслушал то, что говорили на другом конце провода, произнес несколько односложных слов и бережно, точно заряженное оружие, положил трубку на место.

— Роуки Джоунз обнаружен, — доложил он. — В одном из этих проклятых коттеджей в поселке Плэтта.

— Хорошо! — воскликнул начальник полиции. — Теперь нужно постараться вытянуть из него как можно больше. Приступайте.

— Из него больше ничего не вытянуть. Он умер в результате ножевых ранений.

Поселок Плэтта был назван в честь его строителя, воздвигнувшего на болотистой низине два ряда четырехкомнатных коттеджей с коммунальными удобствами. Большинство из них

давно снесли, но два еще стояли. У них протекали крыши, окна были заколочены досками. Сырые, забрызганные грязью стены украшали фотографии кинозвезд и гангстеров. По углам валялись пустые бутылки из-под пива.

В той комнате, где обнаружили тело Джоунза, было три стула и бамбуковый стол. Тело лежало лицом вниз в луже засохшей крови. Вокруг него сновали криминалисты.

— Он получил восемь ножевых ран, — доложил полицейский хирург. — Возможно, они были нанесены двумя или несколькими ножами с идентичными лезвиями, но это установить невозможно. Других ранений как будто нет. Судя по всему, кто-то его держал, а другой наносил удары. Потом тот, кто держал, помог прикончить.

— Когда наступила смерть?

— Этого я сказать не могу. Вероятно, где-то между десятью часами вечера в пятницу и десятью утра в субботу.

— В пятницу он до полуночи находился в участке, — ехидно заметил Твикер.

— Что доказывает, как трудно по прошествии двух суток установить точное время смерти, — невозмутимо сказал хирург. — Быть может, точное время удастся установить по вскрытию, и то с колебанием в несколько часов в ту либо иную сторону.

Они провели в коттедже около получаса. Обнаружили в кухне пустые бутылки из-под пива и остатки пищи. Лестница, ведущая наверх, давно развалилась, и попасть туда было невозможно.

— Как же это могло случиться? — вслух размышлял Твикер. — Выходит, Джоунз не убежал из дома, как считает его отец. Та записка, которую он видел, повелевала ему явиться на встречу в коттедж, где обычно собирались мальчишки. Здесь его допросили, и он сознался, что раскололся нам. А может, они и без того знали, что он в их шайке самое слабое звено. Так или иначе, они его убили. Скорей всего это сделал сам Гарни, который собрал всю шайку и преподнес наглядный урок того, что рты следует держать на замке.

Лэнгтон кивнул.

— Похоже, так оно и было. Следовательно, мы опять-таки обнаружим здесь следы всей шайки, что не больно поможет нам опознать конкретного преступника.

Молчание нарушил Норман.

— Остается единственный способ, о котором и говорил шеф, — вытянуть все из них силой.

Фэрфилд с Хью сидели в «Гранд» и пили джин.

— Ну-с, молодой Хью, что вам подсказывает ваш инстинкт журналиста относительно дальнейшего хода событий?

— Сюда нагрянут репортеры из Лондона.

— Верно. И плакала ваша построчная оплата. Однако это не то происшествие, от которого впадают в экстаз наши редакторы. Мрачновато. Я полагал, все будет несколько по-другому.

— Твикеру нагорит?

— Само собой. Ему уже как-то нагорело. Но я хотел сказать, что такой поворот дела всколыхнет волну насилия. Будущие победители алчут крови.

Фэрфилд кивком велел бармену наполнить их стаканы. Хью хотел было отказаться.

— Не глупите, мой мальчик. Эти маленькие билетки в рай покупает нам «Бэннер». Я сказал, они алчут крови. Теперь полетят головы. Полиция постарается предъявить кому-нибудь из этих парней обвинение в убийстве и приложит все усилия к тому, чтобы оно сработало. В ход будут пущены самые жестокие методы. Уловили мою мысль?

— Нет, не совсем.

— Попытаюсь объяснить. Как я себе представляю, им едва ли удастся предъявить обвинение в убийстве всем пятерым, поэтому внимание сконцентрируется на ком-то одном, а остальных прижмут к стенке и заставят накапать на сообщников.

— Понимаю.

— А как вы думаете, он виновен, этот мальчишка Гарднер? Может ли такой хлюпик, как он, зарезать ножом человека?

Что он мог ответить на этот вопрос? Он вспомнил, как мальчишка вырвался из его рук и метнулся в сторону Корби.

— Я не верю, что он способен на такое, — рассуждал Фэрфилд. — Интересный тип этот его папаша, настоящий убежденный лейборист. А сестричка — девица с характером. Имея таких родственничков, можно быть беспечным дурачком, но только не убийцей.

Хью вытер ладонью лоб. В баре было душно.

— Надеюсь, он не убийца. Мне нравится Джилл. Но чем мы можем ему помочь?

— Если мы с вами придем к совместному внутреннему убеждению, что он не виновен, надеюсь, «Бэннер» захочет заплатить за его адвоката. А мы тем временем будем вынюхивать по всем углам улики в его пользу.

Их стаканы снова были полны. У Хью мелькнула мысль, что Фэрфилд завел этот разговор под действием алкоголя. Но нет,

потрепанная физиономия его друга была серьезна и даже сурова.

— А может, мы ставим телегу впереди лошади? Ведь еще неизвестно, предъявят ли Гарднеру обвинение в убийстве?

— Гарни как пить дать предъявят. А этот парнишка его самый близкий дружок.

— Остальные же скажут все, что угодно, лишь бы спасти свои шкуры.

— Ага, дошло-таки. — Фэрфилд пристально разглядывал содержимое своего стакана. — Чтобы спасти свои шкуры. Теперь полиция здорово их прижмет.

Так оно и случилось. На допрос бросили шестерых полицейских. Его направляли по двум руслам: дополнительные сведения, касающиеся обстоятельств убийства Корби, и обстоятельства убийства Роуки Джоунза. Твикер на первых порах не принимал участия в допросе. В восемь тридцать вечера в понедельник к нему в кабинет заглянул Норман и сказал:

— Жарков готов. Похоже, и Эдвардз тоже.

Ночной холод пробирал до самых костей, но с Нормана струился пот.

Они прошли лабиринтом коридоров в маленькую комнатку. Щуплый смуглолицый Тэффи Эдвардз, съежившись, сидел на стуле. Кроме него, в комнате было два детектива. Эдвардз стучал зубами и был блее стены.

— Хочешь кофе? — спросил у него Твикер.

— Да.

На лице подростка не было следов от побоев, но он прижимал ладонь к щеке.

— Вот его показания, сэр.

Норман подал Твикеру листок.

Суперинтендант пробежал его глазами. Эдвардз пел ту же песню, которую они слышали от Жаркова. Дескать, Гарни предложил эту поездку в Фар Уэзер, и они купили фейерверков. Он думал, это всего лишь забавы ради. Гарни часто носил при себе нож, в тот вечер он тоже у него был. Он видел нож и у Гарднера и думал, что у Жаркова тоже был нож. Да, он разговаривал в «Роторе» с Джин Уиллард, но он не видел, кто именно наносил удары. Он сказал Джин, что это сделали Лес с Королем, только потому, что видел у них ножи.

Эдвардз сознался, что их компания часто собиралась в заброшенном коттедже в поселке Плэтта, но упорно твердил, что о смерти Роуки Джоунза узнал уже в полиции.

— И это все? — спросил Твикер у Эдвардза.

— Все, — едва слышно пролепетал тот.

— Этого мало. Продолжите с ним, Норман.

— Слушаюсь, сэр.

— Не надо, прошу вас. Я больше не выдержу. Прошу вас, не заставляйте его продолжать, — скулил Эдвардз. — Прошу вас... Я тут ни при чем.

— Ты замешан в одном убийстве, если не в двух. — Твикер разорвал листок с показаниями Эдвардза. — А теперь говори правду.

— Я не знаю, чего вы от меня хотите.

— Когда я скажу «сидеть», вставай, а когда скажу «стоять», садись, — велел Норман. — Стоять.

Эдвардз медленно встал.

— Ах ты вонючий уэльский ублюдок, неужели ты не понимаешь человеческого языка?!

Норман пнул Эдвардза кулаком в живот. Тот упал на стул.

— Думаешь, мне это доставляет удовольствие? — Лицо Твикера было сурово и бесстрастно. — Но нам нужна правда. У тебя был при себе нож в ночь Гая Фокса? Отвечай!

— Я ничего не знаю.

— Говори «сэр», когда разговариваешь со мной. Стоять.

Эдвардз встал. Норман с размаху ударил его по щеке.

— Кретин, забыл, что я тебе говорил? Бестолочь несчастная. Был у тебя в тот вечер нож? Отвечай!

— Не было.

— Ты присутствовал при убийстве Роуки Джоунза?

— Нет, нет.

— Стоять, — сказал один из детективов.

— Это значит сидеть, — пояснил Норман.

Эдвардз разрыдался.

Твикер вышел.

В половине десятого к нему в кабинет вошел улыбающийся Норман. Эдвардз дал другие показания, где признался в том, что в четверг вечером у него был нож. Кроме того, он сказал, что слышал, как Гарни с Гарднером угрожали Роуки Джоунзу в пятницу ночью, после того как их освободили.

— Он уже наслаждается покоем в своей камере, — сказал Норман.

— Следов нет?

— Мальчишка будто из каучука. Мне кажется, и Боган готов.

Норман ушел, и Твикер долго смотрел в пустоту. Сделанного не воротишь, это он прекрасно знал, поэтому глупо думать о том, что все могло быть иначе. В молодости Твикер считал себя

миссионером, насаждающим правду и справедливость. Но можно ли насаждать их руками таких людей, как Норман? В последние годы он скрепя сердце пришел к выводу, что можно. Зазвонил телефон, и Твикер снял трубку.

— Говорят из лаборатории.

— Я вас слушаю.

В лаборатории исследовали одежду, которая была на подростках, а также брюки и куртки, найденные у них дома.

— До того, как вы получите наш официальный рапорт, вам, я думаю, небезынтересно узнать основные положения. Боган, Жарков, Эдвардз — ничего интересного. Следов крови не обнаружено. Куртка Богана местами прожжена, очевидно фейерверками. Теперь что касается Гарни и Гарднера. Начнем с Гарни. Он был в кожаной куртке с «молнией», перед которой весь забрызган кровью. Не в пятнах, а именно забрызган. На брюках тоже обнаружено два пятна, довольно больших. Все они свежие. Мы их исследовали и выяснили, что они принадлежат к группе О. У Корби тоже группа О. А у Гарни группа А. Левая штанина слегка разорвана возле колена. Так что ищите подходящий гвоздь.

— Возьму на заметку.

— Теперь что касается Гарднера. Был в черной куртке. На ней обнаружены пятна крови, причем довольно значительные. Слева, у самого плеча. Та же группа О. Но в данном случае это ни о чем не говорит. У самого Гарднера тоже группа О. Как вы знаете, это самая распространенная группа.

— Знаю. А у Джоунза?

— У него тоже группа О. Кстати, одна деталь, касающаяся брюк Гарднера. Очень хорошие модные габардиновые брюки, недавно отутюженные и, судя по всему, только из чистки. На обшлагах обнаружена странная пыль: смесь угольной с чем-то еще. Не думаю, чтобы это имело большое значение, но я доложу вам о результатах детального анализа.

Гарни и Гарднер, положив трубку, подумал Твикер. Всегда Гарни и Гарднер. Ему нужно лично побеседовать с ними, и, если они не захотят признаться добровольно, откуда эти пятна крови на их одежде, из них вырвут это признание силой.

Чем полиция и занялась.

— Твикер, кажется, допустил оплошность, — сказал помощник начальника управления, кладя шефу на стол рапорт.

— Так и есть, — кивнул шеф. — И не в первый раз.

Помощник нахмурился. Он уважал Твикера, хотя и не пи-

тал к нему особой симпатии. Начальник, который его чувства не разделял, апеллировал конкретными фактами:

— У нас в руках шестеро подростков, которые, что совершенно очевидно, по уши замешаны в преступлении. Зачем же было отпускать их на волю?

— Но ведь пока еще точно неизвестно, кто из них совершил преступление.

Это прозвучало неубедительно.

— Они все виновны, и это не вызывает никакого сомнения, как и то, что я не Алан Делон (это действительно ни у кого не вызывало сомнения). Просто ума не приложу, что это ему взбрело в голову?

— Хотите его отозвать?

— Пусть уж остается, — буркнул шеф. — Я дал ему хороший нагоняй.

— Который, я уверен, он вполне заслужил. — Помощник не любил лишних хлопот. — Теперь весь вопрос в том, что мы рекомендуем прокуратуре. Вы уловили ход мыслей Твикера?

— Больно уж он примитивен.

— Ну, я бы не сказал. Мы располагаем, если так можно выразиться, значительной огневой мощью, но ее не хватит для того, чтобы прикрыть всю линию фронта. Так что придется выбрать конкретные объекты, на которых следует сосредоточить огонь. Мое предложение сводится к следующему... — Эти предложения были направлены для рассмотрения в прокуратуру. Ими занимались два чиновника, один серьезный, второй с ветерком в голове.

— Против Гарни с Гарднером уйма улик, — сказал серьезный.

— Вот и давайте остановимся на этих двоих, — подхватил тот, что с ветерком в голове. — Тем более что остальные совсем еще сопляки и их не посадишь на хлеб с водой. Согласны?

— И все-таки у меня на душе не совсем спокойно, — сказал серьезный. — Я понимаю, эти трое нужны нам как свидетели, к тому же против них недостаточно улик, но на душе у меня не совсем спокойно.

Легкомысленный вздохнул. Он понимал, что для того, чтобы поставить все точки над «и» в этом деле и внести свои поправки в другие дела, потребуется не менее получаса. К счастью, до ленча оставалось еще сорок пять минут.

— Целиком разделяю ваше беспокойство, — сказал он. — Но нам следует отдавать себе отчет в том...

К концу их совещания было отпечатано и вложено в конверт заключение по этому делу. Поскольку полицейский суд не представил доказательств, на основании которых можно было бы завести уголовное дело против Эрнста Джона Богана, Владими-

ра Жаркова и Хайвела Дэвида Эдвардза, они фигурировали только как свидетели. Слушание дела Джона Аллена Гарни и Лесли Чарльза Гарднера было назначено на следующую выездную сессию суда. Против них было выдвинуто обвинение в убийстве Джеймса Рестона Корби и Фрэнка Джоунза.

— И вы поделились этой мыслью с отцом мальчика? — спрашивал у Фэрфилда Кроли.

— Пока нет. Один молодой человек по фамилии Беннет...

— Репортер «Гэзетт», что ли?

— Да. Он дружит со старшей сестрой этого мальчика. Ей года двадцать два — двадцать три. Девушка серьезная — преподает в начальной школе — и вместе с тем миловидная. Он поговорит сперва с ней. Думаю, она ухватится за это предложение. Ведь они рассчитывали, что до суда дело не дойдет, но теперь, когда назначен суд...

Фэрфилд закашлялся. В Лондон он вернулся накануне вечером, крепко выпил с приездом, и теперь у него саднило в горле.

На столе у Кроли стоял стакан с водой, и, когда Фэрфилд снова раскашлялся, Кроли сделал из него небольшой глоток.

— А других детей у них нет? Поменьше?

— Нет. Миссис Гарднер пять лет назад умерла от рака.

— Жаль. — Фэрфилд понял соображение Кроли: на суде маленькие дети выбивают у жюри слезу. — А кто отец?

— Настоящая дубина, причем из левых. Член местного совета. Гордится своими детками, нас считает посланцами сатаны. Денег у них ни гроша. Конечно, папаша может вытолкать нас в шею, но, если за него возьмется дочка, до этого дело не дойдет.

— Понимаю. А что представляет собой этот Беннет?

— Беннет? Отличный малый, совсем молод, но прыток. Очень помог нам. Мне он нравится.

Воцарилось молчание, после чего Фэрфилд всей своей кожей ощутил холодное прикосновение улыбки Кроли.

— Благодарю вас, Фрэнк. О дальнейшем сообщу вам в течение дня. Постарайтесь быть под рукой.

В те короткие секунды молчаливой созерцательности Кроли пришел к выводу, что идея не стоит того, чтобы специально ради нее беспокоить лорда Брэкмена. Он решил приберечь ее на десерт к их каждодневной беседе.

Кроли терпеливо выдержал беглый огонь едких замечаний босса по поводу нескольких текущих материалов. Стоит ли в такую минуту лезть с Гарднером? И все-таки он решил, что стоит.

— Теперь по поводу убийства в ночь на Гая Фокса, — начал

Кроли. — Вы, вероятно, обратили внимание на то, что дело Гарни и Гарднера передано в суд.

— Да. Это происшествие себя исчерпало. Довольно о нем до процесса.

— Фэрфилд не исключает возможности, что им удастся уговорить Гарднера-старшего дать свое согласие на то, чтобы мы оплатили его сыну адвоката. Разумеется, при том условии, если мы рискнем пуститься в крестовый поход.

Кроли хорошо преподнес это дело. Вышло так, что идея принадлежит ему, но тем не менее в случае неудачи всю ответственность можно будет спихнуть на Фэрфилда.

Лорд Брэкмен громко сопел в трубку.

— Расскажите мне об этом подробнее, Эдгар.

Кроли доложил ему все, что узнал от Фэрфилда. Его рассказ прерывался похрюкиваниями на другом конце провода. Выслушав, Брэкмен засопел еще громче.

В моменты эмоционального возбуждения он обычно выражался односложно. Как и сейчас:

— Во, Эдгар, во. По-моему, идет.

— Да, Брэк.

— И знаете, что больше всего мне импонирует? То, что отец этого парнишки лейборист. Покажем им, что у нас нет пристрастий. Нам нет дела, кто он и за кого голосует. Мы за маленького человека. Хотим помочь ему не упустить свой шанс. Эдгар, я бы хотел, чтобы вы ко мне заехали. Обсудим детали. Жду к ленчу. Пока.

Кроли положил трубку, снял свои очки с толстыми стеклами и тщательно их протер. Без очков его глаза казались маленькими и тускло-водянистыми. Он вызвал секретаршу и сказал, что едет к лорду Брэкмену.

Во время их переговоров тема виновности или невинности Лесли Гарднера не всплыла ни разу.

Городок приютился в самом устье реки. В нем была хорошая средняя школа, отличная больница. Он расчленялся на четыре улицы, сходящиеся к центральной площади, как спицы к ступице колеса. По словам местных жителей, здешние магазины ничем не отличались от лондонских. В центре ничего не напоминало о доках и консервных фабриках, вокруг которых сосредоточилась вся жизнь города. Один из двух ресторанов работал до десяти вечера, в последний год появилось три кафе-экспресса. Хью Беннет и Джилл Гарднер сидели в одном из таких кафе, называвшемся «Минутка».

— Сегодня мы с папой были у Лесли, — рассказывала девушка. — Я никогда не видела его таким подавленным. От Фрэнка слышно что-нибудь?

Оба уже называли его просто Фрэнком.

— Слышно. Он звонил мне в редакцию. «Бэннер» собирается взяться за это дело, то есть оплатить защиту.

— Никак не могу разобраться, хорошо это или плохо. Хотя, впрочем, решать не мне, а папе.

— Фрэнк хочет, чтобы мы вместе с ним поговорили. Я убежден, дело стоящее. Постарайтесь убедить отца. Конечно, шумиха подымет громкая. Ну, сами понимаете, в газетах появятся семейные снимки, интервью по личным вопросам и так далее. К тому же они покупают право на рассказ Лесли.

— Это если его оправдают, да?

— Какой он из себя, Джилл? Только честно? Мог ли он быть пособником убийцы?

— Не знаю. Но если мог, в этом виноваты отец и я.

— Не надо себя терзать.

Он потянулся и накрыл ладонью ее руку, лежавшую на мраморной крышке стола.

— Не бойтесь. Я не заплачу. Я никогда не плачу. Года два тому назад мы с одним парнем собирались пожениться. Он уезжал в Родезию, а я не захотела с ним поехать. «Ты размазня, Джилл, — сказал он мне. — И всю жизнь такой останешься». Он был прав, да?

— Я бы этого не сказал. Но, если даже и так, разве это плохо?

Около них стояла официантка, с интересом слушая их разговор.

— Восемь часов, — сказала она. — Мы закрываем.

Они вышли под открытое небо, с которого без устали сеял мелкий осенний дождь, точно лаком покрывший мостовые. Шурша и хлюпая по лужам, мимо проносились редкие машины. Хью Беннет шел рядом с Джилл в каком-то блаженном трансе; его рука изредка и как бы невзначай касалась руки девушки, а та все рассказывала о себе, о своей семье.

— Лесли был прелестным ребенком. Глаза такие же, как и у меня, серо-голубые, только куда больше. Ласковый, смывленный. Он еще и сейчас ребенок — ведь ему всего семнадцать. Просто диву даюсь, что с ним стряслось. Думаю, это началось с тех пор, как умерла мама. Понимаете, она его избаловала. После ее смерти он стал плохо учиться, все твердил: хочу пойти работать, чтобы иметь свои деньги. Как только ему сравнялось пятнадцать, бросил школу. В общем, со смертью матери в жизни Лесли что-то переменялось. С виду все осталось по-прежнему: мы жили в том же доме, и наш образ жизни не изменился, но изменилась ее суть. После смерти матери он стал якшаться с Джеком Гарни.

— А что из себя представляет этот Гарни?

— Кроме него, в семье еще шестеро детей, и все младше него. Отец католик, работает в доках, имеет хорошие деньги. Бьет мать. — Джилл горестно поджала губы и вдруг напомнила Хью своего отца. Поймав на себе его взгляд, улыбнулась: — Ужасные вещи я говорю, правда? Вот что значит вырасти на Питер-стрит — здесь ты либо в одном лагере, либо в другом. Либо за Гарни и Джоунзов, либо против них.

Джордж Гарднер ужинал на кухне. Перед ним на тарелке лежал кусок пирога с мясом и соленый огурец. В маленьком камине тлели угли, и на кухне было тепло и уютно. Он поцеловал дочь, кивнул Хью и снова принялся за пирог, который разрезал на маленькие кусочки и макал в рассол.

— Как прошло собрание? — поинтересовалась Джилл.

— Нормально. Налей-ка, дочка, молодому Беннету чайку, там в чайнике осталось. И себе тоже. Что у вас нового?

— Хью хочет потолковать с тобой о деле, — сказала она, наливая в чашки чай.

Гарднер внимательно слушал, что ему говорил Хью, не спеша жуя пирог. Покончив с пирогом, взял из вазы яблоко и стал медленно счищать с него ножом кожуру, потом разрезал яблоко на четыре части и ловким движением выковырял из каждой дольки сердцевину.

— А почему ваш Фэрфилд сам не изложил идею? Небось побоялся, что я залеплю ему по шее. Значит, вы тот самый троянский конь.

— Он сейчас в Лондоне и...

— Итак, вы предлагаете мне согласиться на то, что «Бэннер» заплатит за адвоката для моего сына в процессе по делу, сфабрикованному против него полицией. Давайте прикинем, кто и какую выгоду извлекает из этого предприятия. Выгоду «Бэннер» я вижу невооруженным глазом. Хорошая слава, душещипательные статейки литературных бабенок на тему, какой жуткий образ жизни мы ведем на Питер-стрит, какие там отвратительные условия и так далее. Все будут мусолить одно и то же: Питер-стрит — это трущобы, где нельзя сохранить порядочность. Одним словом, начнется подрывная пропаганда против лейбористского движения, которое я представляю в своем лице. А какую выгоду буду иметь от этого я? Как по-вашему, что скажут обо мне те, кто голосовал за меня на выборах в местный совет, когда до них дойдет, что мне оказывает финансовую поддержку газета тори?

— Кончай выпендриваться, папа, — спокойно сказала Джилл.

— Что? Что ты сказала?

— Судят не тебя за твои принципы, а Лесли за убийство.

Гарднер опустился за стол, застланный белой в красную полоску клеенкой.

— Ты хочешь сказать, что я должен принять предложение? Хочешь, чтобы наши фотографии печатались в газетах?

— Я хочу, чтобы ты взглянул на это дело с точки зрения Лесли, вот и все, — говорила между тем Джилл. — Хоть раз не думай о том, что тебе могут предъявить обвинения, будто ты продался тори. А вдруг это поможет вызволить Лесли? Не все ли равно, как это сделать? Откуда мы возьмем деньги для адвоката?

— Я обращусь в профсоюз.

Джилл расхохоталась.

— К тому же ему полагается бесплатный защитник. Они ведь не так уж и плохи, правда? — обратился он к Хью.

Джилл села и положила локти на стол.

— Ты пытаешься убедить меня в том, что адвокат, которого нам дадут в соответствии с законом о правах бедняков, будет таким же хорошим, как и тот, за которого заплатит «Бэннер»?

— Выходит, ты не веришь в то, что мой сын не виновен? Ты думаешь, он совершил это преступление? — Гарднер встал, держа в руке тарелку и чашку, и направился к раковине, но на полпути обернулся. — Виноват, дочка, я зря это сказал.

— Неважно. Наш Лесли в тюрьме только потому, что дружил с Джеком Гарни. Но почему он выбрал себе в дружки именно этого Гарни? С меня еще спросится за это, но даю слово, папа, с тебя еще больше. Разве не ты вдальбивал нам в головы, что от среды, в которой ты вырос, не денешься никуда?

Гарднер стремительно обернулся. У него был взгляд затравленного зверя.

— Джилл, ты ведь знаешь, у меня всегда были самые лучшие намерения.

— Одних намерений мало. А теперь запомни, что я скажу: когда Лесли освободят, он не останется на Питер-стрит. «Бэннер» собирается купить право на его рассказ. Сколько бы они ни заплатили... Кстати, сколько платят эти газеты? — спросила она у Хью.

— Не знаю. Может, пятьсот фунтов, а может, и тысячу.

— Думаешь, Лесли скажет тебе спасибо, если ты откажешься от такой суммы?

— Все не так просто, Джилл. Не так просто, как ты себе представляешь.

— Для меня все просто. Либо ты думаешь о себе, либо о Лесли. Проще некуда.

— Кажется, мне пора, — поспешил откланяться Хью. Его спокойный голос производил на него более гнетущее впечатление, чем крик.

— Теперь вы поняли, что я подразумевала, говоря об ответственности? — спросила она у него в узком и темном, насквозь пронизанном сквозняками коридоре.

— Думаю, что понял.

— Он согласится. Я сама за этим прослежу.

Они стояли совсем рядом. Он протянул руку и сжал ее плечо. Оно было упругое и податливое. Она коснулась его губ в мимолетной и равнодушной ласке и пожелала ему спокойной ночи. Он очутился на Питер-стрит, темной, мокрой, зловеще тихой.

На следующее утро Джилл позвонила ему в редакцию и сообщила, что отец согласен.

Из «Дейли Бэннер» от 10 декабря:

ЗНАМЕНИТЫЙ КОРОЛЕВСКИЙ АДВОКАТ ПОЛУЧИЛ ПРИГЛАШЕНИЕ ВЫСТУПИТЬ ЗАЩИТНИКОМ В ДЕЛЕ ГАЯ ФОКСА.

«Бэннер» поручила Магнусу Ньютону защиту Лесли Гарднера.

Мистер Магнус Ньютон, королевский адвокат, который в последние десять лет был барристером в целом ряде нашумевших процессов по делу об убийстве, согласился взять на себя защиту Лесли Гарднера. Говорят, в настоящее время мистер Ньютон является самым высокооплачиваемым адвокатом в уголовной практике. Подсчитано, что в последние пять лет его годовой доход превысил 25 тысяч фунтов стерлингов. Все расходы по защите берет на себя «Дейли Бэннер».

Обнародуя вчера это решение, владелец газеты лорд Брэкмен, в частности, сказал: «Проблема детской преступности остро стоит в современном обществе. Я глубоко убежден в том, что обвиняемому должна быть предоставлена привилегия иметь самого лучшего защитника, чей гонорар оплатит моя газета. Я восхищен тем, что мистер Магнус Ньютон, барристер с мировым именем, счел возможным взяться за это дело. Что касается политического аспекта, то здесь он полностью отсутствует. «Бэннер» остается лишь уповать на то, что правосудие не просто свершится, а свершится самым справедливым образом».

Конечно же, лорду Брэкмену известно то, что мистер Джордж Гарднер, отец обвиняемого, член местного совета лейбористской партии. Вчера вечером мистер Гарднер сказал: «Я не согласен с «Бэннер» в политических вопросах, но благодарен газете за щедрость, которую она проявила, наняв для моего сына адвоката».

(Фотографии семьи Гарднеров у себя дома и портрет Магнуса Ньютона в профиль смотрите на 6-й странице.)

Для Хью Беннета эти несколько недель общения с Фрэнком Фэрфилдом прошли будто в тумане, таком же густом и вязком, как и тот, что висел в зимнем воздухе. Уличный туман проникал во все щели, и даже репортерская в «Гэзетт» плавала в легкой дымке. И лицо Фэрфилда он видел словно сквозь эту дымку. Они общались только в барах, а может, ему так казалось задним числом. Еще ему казалось сквозь дымку времени, что Фэрфилд, как правило, ничего не ел, если не считать сжеванную на ходу сосиску или сандвич, но пил по-страшному, причем без заметного эффекта. Лишь к концу вечера его подернутые волокой глаза начинали как-то странно поблескивать. Он всегда говорил, что угощает «Бэннер», и репортеры «Гэзетт», привыкшие к тому, что каждый шиллинг жалованья приходится буквально выколачивать у брюзгливых бухгалтеров, завидовали щедрости, с которой их угощали.

— Ты знаешь, кто твой друг Фэрфилд? — спросил как-то у Хью Майкл. — Алкоголик. Самый настоящий законченный алкоголик. А я их не перевариваю.

— Просто не понимаю, как этот Фэрфилд еще держится на работе, — как-то после долгих посиделок в «Козле» сказала Клэр. — Он ведь пьет днями напролет и, как мне кажется, ни черта не делает.

Однако откровенней всех высказался Фермер Роджер. Однажды, просидев с Фэрфилдом в каком-то кабаке до самого закрытия, он нетвердой походкой вернулся в редакцию и зазвал Хью в закуток, служивший ему кабинетом.

— Давно я наблюдаю за твоим развитием, юный Хью, и считаю тебя парнем, который далеко пойдет, ибо есть у тебя журналистская хватка, да и стремлением к совершенствованию не обидел тебя господь. Однако жизни, мой мальчик, присущ естественный ритм. В ней все идет своим чередом, без резких взлетов.

— Что-то я не ухватил вашу мысль.

— Я не сомневаюсь в том, что этот твой приятель из большой прессы парень хоть куда, но только гляди не преувеличивай его возможностей. Он, Хью, человек без корней, несомый течением по морю людскому, любитель покопаться в чужой грязи, паразит, присосавшийся к акуле. — Роджер икнул. — Как видишь, мои сравнения выходят за рамки сельской тематики.

— Чего нельзя сказать о ваших мыслях.

Но Хью не мог всерьез обижаться на Фермера Роджера за его глупости. Он лишь подивился внезапности, с какой в его глазах глубокомыслие превратилось в бесконечно нудное брюзжание. Постепенно менялось его отношение и к остальным коллегам: Лейн теперь уже не казался всемогущим колоссом, а

всего лишь озлобившимся неудачником, крикливым и высокомерным; болтовню Майкла про «кобылиц» и «куколок» он больше не считал изысканной, а безнадежно провинциальной и избитой; погоня Клэр за всем модным лишь говорила о ее беспросветной серости. И этим прозрением он был обязан общению с Фрэнком Фэрфилдом, хотя за все время их знакомства репортер уголовной хроники не сказал ни одного худого слова ни о «Гэзетт», ни о ее сотрудниках. Казалось, смысл его жизни составляли эти бесконечные попойки в барах, где он молча восседал у стойки, улыбаясь шуткам друзей и изредка бросая отрывочные фразы. И тем не менее этот потрепанный жизнью человек, на котором, точно знамя на древке, болтался старый замызганный плащ, казался Хью самым воплощением журналистской совести.

— А знаешь, Хью, ты какой-то уж больно неуверенный в себе парень, — сказал ему Фэрфилд как-то вечером. — А уверен ли ты в том, что на самом деле видел в тот вечер Лесли?

Хью в который раз прокрутил в мозгу события той ночи. Лицо Лесли (они оба называли его теперь только по имени), освещенное призрачно-зеленым светом, потом это же лицо на Питер-стрит, полное напрасной решимости обрести волю. На него тут же наплыло лицо его сестры.

— Да, — выдавил Хью.

— А после нащупал в его кармане что-то твердое, что могло оказаться ножом. Знаешь, а ведь парень отрицает, что у него был нож.

— Знаю.

Лицо, выхваченное в отблесках призрачного света, какой-то предмет, которого лишь на короткую долю секунды коснулись пальцы, — от таких вот случайностей зависела свобода мальчишки.

— Понимаешь, все дело против Лесли построено на одних случайностях, — выразил вслух его мысли Фэрфилд. — Если бы он не был другом Гарни, вряд ли бы ему пришили дело. Спору нет, все уголовные дела так или иначе построены на случайностях, однако в данном деле больно уж расплывчаты письменные показания. Эти дурные мальчишки, которые, к тому же, еще и выдают своих сообщников, никогда не пользуются симпатией у присяжных. С другой стороны, я бы не сказал, что Гарни можно на что-либо надеяться. Хорошо, если бы их судили по отдельности.

— На это есть шансы?

— Ну, я бы сказал, шестьдесят против сорока. Но нам до зарезу нужен свидетель, который заявил бы во всеуслышание, что все эти опознания гроша ломаного не стоят, потому как пятого вечером темень стояла кромешная.

— Там был один тип в байковом пальто, — неожиданно вспомнил Хью. — Он сказал, что все видел, но было слишком темно, чтобы разглядеть лица. Как же его звали?.. Ах, да, Морган.

Они двинулись в Фар Уэзер во взятой Фэрфилдом напрокат машине, которую он вел с возмутительной небрежностью. Джордж, хозяин «Собаки и утки», хорошо знал Моргана.

— Этот парень всегда ходит в байковом пальто. Такой длиннолицый и вечно небритый. Да, живет на шоссе, в двух милях отсюда. Ферма «Прозрачная вода». Развалюха из красного кирпича.

Ворота фермы были распахнуты настежь, но в доме, казалось, нет ни души. Фэрфилд трижды постучал в дверь. Наконец она распахнулась. На пороге стояла женщина под сорок, красота которой роняла свои последние лепестки. На ней было грязное домашнее платье и сатиновые шлепанцы. Зато красивые руки женщины были выхолены.

— Миссис Морган? Не могли бы мы поговорить с вашим мужем?

— Он возится со своими грибами. — Она указала в сторону трех железнодорожных вагончиков, ярдах в тридцати от порога. — А что вы от него хотите?

— Я из «Бэннер». Моя фамилия Фэрфилд. А это мой коллега, Хью Беннет.

Лицо женщины оживилось.

— Подождите меня минутку, и я помогу вам его найти.

Они прождали минут десять, наконец она ползнула на порог, принарядившаяся, с накрашенными губами.

Моргана не оказалось ни в первом, ни во втором вагончике. Здесь пахло сыростью, сквозь рыхлую поверхность перегноя проклевывались толстые мясистые ростки.

Не успели они взяться за ручку третьей двери, как она распахнулась сама. На пороге стоял Морган.

— Дорогой, вот джентльмены из прессы, — сказала миссис Морган, неестественно жеманничая.

Морган даже не удостоил их взглядом.

— Ты оставила дверь открытой, — сказал он, указывая на вход в вагончик. — Вчера вечером.

Она прижала к накрашенным губам свои пальцы с кроваво-красными ногтями, изображая тревогу.

— Не может быть. Это ветер.

— Пропал мой урожай. Коту под хвост целая неделя труда.

— Прощу тебя, дорогой, не ругайся. По-моему, вы, мистер Фэрфилд, сказали, что вы из «Бэннер»?

— И что вам от меня нужно? — уныло спросил Морган.

— Может, пройдем в дом и обсудим все за чашечкой кофе? — предложила миссис Морган и кокетливо хихикнула.

Вся гостиная была завалена журналами для женщин. Их груды громоздились на подоконниках и на столах, валялись на каждом стуле. Через открытую дверь гостиной была видна кухня, заваленная грязными тарелками и сковородками, и Хью с удивлением отметил, что и туда проникли журналы для женщин, точно какой-то монстр из научной фантастики.

— Догадываюсь: это по поводу того происшествия в ночь Гая Фокса, — сказал Морган. — Но я уже разговаривал с полицией, и она ничего путного от меня не добила.

Фэрфилд опустился на стул, который заскрипел и зашатался под ним.

— Мы не из полиции. Моя газета «Бэннер» наняла Гарднеру защитника.

Фэрфилд сделал знак Хью.

— Я сам был на лужайке в тот вечер, — сказал тот. — И видел вас. Помню, вы сказали, что, хоть и стояли совсем рядом с Корби, все равно никого не разглядели в темноте.

— Правильно, а я стоял от него в какой-нибудь парочке ярдов.

— После, в пивной, когда Джо Пикетт стал хвалиться, что смог бы узнать двоих из тех подростков, вы сказали, что было темно и ни черта не видно.

— А вот и я.

На пороге гостиной появилась миссис Морган с подносом, на котором стояли четыре чашки с дымящейся жидкостью и тарелка с бисквитами. Но это был не кофе, а какой-то синтетический заменитель.

— Тебе удалось помочь этим джентльменам, дорогой? — спросила она у мужа.

Морган даже не взглянул в ее сторону.

— Я мог ошибиться, — сказал он.

— Или же ошибся Пикетт, — ввернул Фэрфилд.

— Я принадлежу к породе людей, которые не любят зря трепать языком. И я бы ни за что не сказал, что Корби сам на это напросился, если бы знал, что он испустит дух. Понимаю, это оставило неприятный осадок. А то, что я говорю, вы печатаете в газетах?

— Нет. Мы попросим помощника адвоката заехать к вам и записать ваши показания. Потом вас попросят выступить в суде.

— Значит, в газетах про нас не напишут, — разочарованно протянула миссис Морган.

— Ты лучше не лезь куда не следует, — огрызнулся муж. — И так уже натворила делов в теплице.

— Ну, что же, если ты хочешь, чтобы этому Джо Пикетту все сошло с рук, пусть будет по-твоему.

— Не в том дело. Просто я сам не желаю лезть в петлю.

— Значит, было слишком темно, чтобы разглядеть лица?

— Да. Ни я, ни Джо Пикетт не могли их разглядеть. Я знаю, где в эту минуту стоял Джо, — футах в двух от меня.

— Решайте сами, — равнодушно сказал Фэрфилд.

Морган захрустел бисквитом, отхлебнул из своей чашки и свирепо уставился на жену.

— Это не кофе. Если не умеешь варить кофе, так и скажи.

Он шагнул к окну, сбросил с подоконника кучу женских журналов и выплеснул кофе в палисадник.

Миссис Морган разрыдалась и кинулась к двери.

Морган приблизился к Фэрфилду.

— Я это сделаю. Присылайте своего адвоката. Я выйду и скажу на суде, какой вран этот Джо Пикетт.

Отъезжая, они слышали всхлипывания, долетавшие из верхнего окна.

Хью Беннету казалось, что с той самой минуты, как он познакомился с Фэрфилдом, началось его духовное освобождение, которое повлекло за собой переоценку былых ценностей. Фэрфилд умел раздвигать горизонт, подниматься над обыденностью, чего нельзя было сказать о его коллегах из «Бэннер». Действительно, у Фрэнка не было ничего общего с двумя фотографами и женщиной из отдела очерка, Сэлли Бэнстед, которые как вихрь налетели на их город. Сэлли была красотка хоть куда: стройная, подвижная, в девять утра уже накрашенная и причесанная как картинка. Сэлли пила виски, но отнюдь не была выпивохой. Отыскав Фэрфилда в «Козле» или в «Гранд» (что ей приходилось делать не раз за три дня пребывания в городе), она разговаривала с ним уважительно и в то же время как-то раздраженно. Нет, она не осуждала таких людей, как Фрэнк, — просто у нее не было времени решать бесполезную загадку их личности.

Куда ходила Сэлли и чем она там занималась, Хью узнал от обычно сдержанной и спокойной Джилл.

— Это было просто ужасно, Хью, — взволнованно рассказывала девушка, зайдя к нему домой на Пайл-стрит. — Они налетели на нас как смерч. Это все равно как если бы тебя... ну... окатили какой-то гадостью. Так что пусть уж Магнус Ньютон приложит все силы.

И она рассказала ему то самое, о чем он не раз слышал, но чего никогда не видел своими глазами. Оказывается, Сэлли

Бэнстед поручили взять интервью у родственников всех ребят, замешанных в преступлении, а также их сфотографировать. Боганы отказались давать интервью и сниматься. Пока миссис Боган объясняла, почему они не хотят давать интервью, Сэлли сумела стащить из гостиной фотографию Эрни Богана. Отцу Гарни она задавала такие интимные вопросы, что тот замахнулся на нее палкой. Фотограф успел снять Гарни-старшего, стоящего у двери с поднятой палкой, а Сэлли попыталась отомстить ему, вытащив на свет божий его прошлые грешки.

— Нас и раньше недолюбливали на Питер-стрит, но теперь их просто передергивает, когда упоминают нашу фамилию. Нам придется оттуда съезжать — даже папа об этом поговаривает.

— А как он все это воспринял?

— Мы сами знали, во что ввязываемся, так что приходится терпеть. Она спрашивала, есть ли у меня любовники, а еще они обыграли тот факт, что отец принадлежит к оппозиционной партии, а я работаю учительницей, — дескать, он был полон решимости воспитать из своих детей порядочных людей. — Она вздрогнула. — Почему это журналисты так любят копаться в грязи?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Как Лесли?

— Не знаю. Когда мы у него бываем, он лишь смотрит на нас и твердит, что у него все нормально. По-моему, он не хочет с нами видеться. — Она опустила глаза. — Я не плачу. Я ведь говорила тебе, что никогда не плачу.

Он обнял ее и поцеловал нежно, но не страстно.

— Эта Сэлли Бэнстед не женщина, а тихий ужас. Я знала, что на свете существуют такие люди, начисто лишённые всего человеческого, но встречаться с ними до сего времени не приходилось.

Фэрфилд замотал головой, когда Хью повторил ему рассказ Джилл.

— Она ошибается. Сэлли не такая уж и машина. Она заботится о своих родителях. Ее отец ослеп, мать парализовало, но она не отдает их в дом престарелых. Сама платит человеку, который за ними присматривает.

— А если бы с ней такое случилось? Если бы кто-то ворвался к ним в дом и украл бы фотографии? Что бы она подумала про того человека?

— Она бы расстроилась. Но сама бы ни капельки не изменилась. Жизнь нельзя переделать, с ней можно лишь примириться. — И, как бы в продолжение своих рассуждений, Фэрфилд стал рассказывать про Твикера: — Пятнадцать лет тому назад он был младшим детективом-суперинтендантом в уголовно-следственном отделе, где числился человеком умным и перспектив-

ным. Отличительная особенность Твикера заключается в том, что он страстно ненавидит преступления и преступников. Он не просто выполняет свою работу, а вкладывает в нее весь свой пыл. Твикер кристально честен, неподкупен, лишен всякого тщеславия, чего не скажешь о его коллегах по Скотленд-Ярду, и до мозга костей предан делу служения справедливости.

— Одним словом, идеальный полицейский.

— Я бы этого не сказал.

И Фэрфилд поведал Хью о событиях минувшей давности. Человека по фамилии Уэстон подозревали в убийстве девушки. Расследование поручили Твикеру. Против Уэстона была собрана масса улик, но этого не хватало, чтобы предать его суду. Твикер был убежден в виновности Уэстона, и тот факт, что убийца разгуливает на свободе, переполнял его душу благородной яростью. Он старался всеми возможными способами испортить Уэстону жизнь, доводил до сведения его квартирных хозяек, что человек, который снимает у них комнату, все еще подозревается в убийстве, наносил неофициальные визиты людям, у которых Уэстон работал, чтобы те знали, кого пригревают под своим крылышком. Уэстон терял работу за работой, переезжал с одной квартиры на другую, ибо его хозяйкам всегда почему-то вдруг требовалась его комната. Он пробовал жаловаться, но Твикер уж больно ловко заметал следы. Наконец Уэстон сдался. Он пошел в полицейский участок и сказал, что хочет видеть суперинтенданта Твикера, чтобы сделать ему добровольное признание. В присутствии Твикера Уэстон сознался в убийстве девушки, сообщил подробно детали преступления и даже сказал, что кинул оружие в ближайшую канаву. В канаве ничего не нашли, но Уэстона арестовали, и вот он предстал перед судом.

На суде Уэстон сказал, что признание сделал только для того, чтобы доказать свою невиновность. Последнее время он подвергался страшному преследованию и поэтому хотел раз и навсегда очистить свое имя от грязи и стать свободным человеком. Он сказал, что в его признании нет ни одной невыдуманной детали.

Явных улик против Уэстона не было, если не считать его собственного признания, и судья, прежде чем дать слово прокурору, обратился с речью к жюри, в которой намекнул, что обвинительный приговор чреват последствиями. Жюри оправдало Уэстона, даже не удаляясь на совещание.

— А Твикер?

— Твикер оказался в дураках. И так с тех пор в них и сидит.

— Теперь я понимаю, почему он отпустил в ту ночь ребят.

— Да. Один раз он уже ошибся и не хотел повторять ту же самую ошибку.

— Ошибка — это слишком мягко сказано. Ведь он преследовал невинного человека.

— Это не совсем так. Твикер и все остальные знали, что Уэстон виновен. Три года спустя он убил другую девушку, за что и был отправлен на виселицу.

В середине декабря наступила оттепель, и на улице было сыро и мрачно. Фэрфилд, Сэлли Бэнстед и все остальные репортеры центральных газет отбыли в Лондон. Большинство из них собирались вернуться к процессу, объявленному на январь, сейчас же у них были другие дела. Хью пошел проводить Фрэнка Фэрфилда. Они зашли на вокзале в бар.

— Только ты, Хью, не забудь сообщить мне, если раскопаешь что-либо полезное для Лесли, — напутствовал своего младшего коллегу Фэрфилд. — Я тут же примчусь.

— А что думает об этом деле Магнус Ньютон?

— Сильные мира сего таких, как я, в советники не берут. Говорят, Магнус настроен радужно. — Он отхлебнул из своего стакана и зажег сигарету. — Предположим, Лесли оправдают, ты тогда признаешь, что игра стоила свеч?

— Конечно.

— А твоя подружка Джилл?

— Джилл тоже, я в этом уверен.

— Она девица с характером. А что говорит по этому поводу ее отец, наш наивный лейборист, который так не любит «Бэннер»?

— Не знаю. Он очень огорчен из-за всей этой шумихи. Но если все кончится хорошо, как-нибудь переживет.

— Что ж, если хочешь поесть омлета, приходится разбить яйца. Так-то, мой юный Хью.

Фэрфилд подхватил свою сумку и был таков.

К своему удивлению, Хью почувствовал себя одиноким.

Через пару дней его пригласили на Питер-стрит поужинать. Джилл подавала поджаренные на гриле отбивные, которые они запивали пивом. Джордж Гарднер почти все время молчал, и ужин прошел уныло. Уже под самый конец он спросил у Хью:

— Итак, ваш друг Фэрфилд собрал всю падаля и улетел вместе с остальными стервятниками?

Возившаяся у раковины Джилл с грохотом уронила сковородку.

— Гляди, не понравилось, — сказал Гарднер. — Она считает, что мне надлежит быть благодарным.

— Я не прошу тебя быть благодарным. Но ведь мы заключили сделку, верно? Выходит, мы знали, на что идем.

— Я не представлял себе, как это будет выглядеть на самом деле. Мне и в голову не могло прийти, что старик Слэттери, этот примерный лейборист, скажет, что на следующих выборах в совет он будет голосовать за тори. Или Боган; этот бездельник Фрэд Боган, станет трепаться на каждом углу, будто я накликал беду на всю улицу.

— Но ты ведь знал, кто они такие. Сам нам рассказывал, что представляет из себя капиталистическая пресса.

— Да, но то я говорил отвлеченно, а теперь, когда столкнулся воочию...

— Не надо так много думать о себе. Думай о Лесли. Как будто мне нравится, что говорят в школе? — Она поставила на полку миску и сказала Хью: — Пошли пройдемся.

Конечно, мне жаль папу, — сказала Джилл уже на улице. — Но ему не станет лучше, если он об этом узнает.

— Далеко не всегда делаешь так, как лучше. Правда?

— Но надо стараться. Стараться контролировать свои чувства, быть сильным. Я всегда восхищалась отцом за то, что он был сильным. А теперь...

Они зашли на Пайл-стрит, и он сварил кофе. Расставаясь, Джилл крепко его поцеловала.

— Прости. Я так жутко себя веду. Когда все кончится, я буду другой. Мы его спасем, да?

— Спасем.

Дело Гая Фокса было на время забыто. О том, что рождество на носу, забыть было невозможно. За одну неделю Хью Беннет посетил семнадцать различных базаров, ярмарок, распродаж и благотворительных мероприятий. Он догадывался, что Лейн умышленно подверг его такому марафону, а Майкл с Клэр лишь злорадствуют, глядя на его безумную беготню. Другу великого лондонского репортера указали его место в иерархии «Гэзетт». Но он сдержался даже тогда, когда Лейн, обнажив в ехидной усмешке свои желтые зубы, начал нахваливать его за удачное преподнесение материала:

— Ты правильно уловил рождественскую тональность, мой мальчик, — сказал Лейн, пребывающий в превосходном расположении духа. — Впервые встречаю человека, от которого прямо-таки брызжет диккенсовским весельем. Ну а теперь, мой мальчик, разнообразия ради валяй-ка в Уэлби, где сегодня днем состоится выпускное мероприятие религиозного учебного центра. И дай нам по этому случаю небольшой отрывочек из своей бессмертной прозы.

Хью снял с крючка свой плащ и направился в Уэлби. Впервые за все это время он позволил себе признаться в том, что

ему наскучила редакционная рутина. Во время ужина он поделился этой мыслью с Майклом.

— Ты заразился лондонской лихорадкой. Говорил я тебе: не забивай себе голову всякими идеями.

— Ты так думаешь?

— Ну-ка, только честно, разве ты не лелеял мечты о том, что тебе предложат работу в Лондоне?

— Может, ты и прав. Но это не всерьез.

— Мы все прошли через это, мой мальчик, все до единого. Помню, какое меня охватило возбуждение, когда «Нью-Стайтсмен» напечатала мою статью о репертуаре местных драмкружков. Я видел сны, я грезил наяву, и вот я отправился в Лондон. Мне дали отрецензировать книгу, посвященную театру. Написать всего пятьсот слов. Я написал блистательнейшую рецензию, над которой изошел кровавым потом. И что ты думаешь? Забастовка печатников. Моя рецензия так никогда и не увидела света.

Хью вздохнул. Он уже несколько раз слышал эту историю, причем в различных вариантах.

— Может, ты и прав.

— Конечно, я прав. Забудь про дело Гая Фокса. Ты заработал на нем построчно, и больше ничего. Давай выйдем и спрыснем это дело.

— Я готов.

Даже себе он не смел признаться в том, что ему скучно и что он с нетерпением ждет процесса.

Ровно за неделю до рождества Магнус Ньютон и его поверенный Чарльз Эрл почтили своим присутствием город. Они сидели в отдельном кабинете в «Гранд», ожидая Гарднера и его дочь. Магнус Ньютон прошелся на своих коротких ножках по комнате, выглянул из окна на мокрые улицы и недовольно проворчал себе под нос:

— Отец — пламенный лейборист-активист. Верно?

— Говорят.

— Но нам ни к чему путать сюда политику. И без того дело запутанное. Однако, коль папаша член совета, мальчишка должен быть неплохо воспитан. Во сколько у нас с ним встреча?

— В четыре часа.

— Хорошо, что я надел толстое пальто — в наших тюрьмах собачий холод. Здесь тоже. Почему бы им не затопить камин вместо этих проклятых радиаторов?

Поверенный отлично знал причину недовольства Ньютона. В наши дни мало кто из барристеров имеет желание беседовать с клиентом, интересы которого он защищает в деле об убий-

стве. Они предпочитают посредничество поверенных. В данном же случае «Бэннер» настояла на том, что Ньютон должен навестить своего клиента самолично. В отеле ждал фотограф из «Бэннер», который должен был сфотографировать Гарднеров, беседующих с Ньютоном и Эрлом, сделать снимки барристера и солиситора возле тюремных ворот, а также запечатлеть их в Фар Уэзер и в поселке Плэтта. Это будет целый сюжет в картинках, а Ньютон был очень охоч до рекламы. И тем не менее вел себя весьма неучтиво.

Обмениваясь рукопожатиями с Гарднерами, Ньютон постарался составить о них впечатление. Отец ему, в общем, понравился, да и дочка ничего, только уж больно скромна и проста. Ньютон, преклонявшийся перед броской красотой, не удостоил ее особым вниманием.

Минут через пять в комнату заглянул фотограф.

— Ну, можно уже? — спросил он.

— Можно, — сказал Эрл.

— Пожалуйста, сядьте потесней. Мистер Ньютон пусть будет посередине. Занят беседой с мистером Гарднером.

Ньютон стряхнул пепел, который почему-то всегда собирался на его жилетке. Гарднер встал.

— Что все это значит?

— Этот джентльмен из «Бэннер», — пояснил Эрл. — Он будет нас снимать.

— Новый фокус с вашей рекламой?

— Просто он щелкнет пару снимков, вот и все.

— Пару снимков. Они только тем и занимаются, что делают свои безцеремонные снимки и суют носы в чужие дела. У меня прямо-таки руки чешутся разбить эту проклятую камеру. — Гарднер шагнул в сторону фотографа, и тот в испуге попытался назад. — А я-то думал, это будет серьезное совещание по делу моего сына. На самом же деле мы снова прыгаем через обруч, а «Бэннер» щелкает бичом. Вот что: я не намерен сниматься. Либо он уйдет отсюда, либо я.

— Мистер Гарднер. — Ньютон вскочил со своего места и теперь смотрел на Гарднера снизу вверх — маленький краснолицый бычок, собравшийся поддеть противника рогом. — Вы вступили в соглашение с «Бэннер».

— Да, но я и представить не мог, во что все это выльется.

— Тем не менее вы знали, что это так или иначе повлечет за собой гласность. Если не хотите соблюдать уговор, так и скажите. Мы с мистером Эрлом откажемся от этого дела. Если же хотите, чтобы мы продолжали защищать интересы вашего сына, извольте сесть на место.

Гарднер сел и скрестил на груди руки.

Совещание продолжалось двадцать пять минут. Говорить им было действительно не о чем. Когда оно кончилось, Эрл поздравил Ньютона с успехом.

К тюрьме они подкатили в такси, фотограф ехал следом. Он сделал пару снимков на фоне тюремных ворот: задумчивый Ньютон стоит под дождем с непокрытой головой, а рядом Эрл с портфелем под мышкой.

Ньютон беседовал с Гарднером наедине, в малюсенькой комнате с двумя стульями. Лесли Гарднер был очень бледен и выглядел моложе своих семнадцати. Ньютон уже знал основные моменты его рассказа, однако снова пробежался по ним. Итак, в четверг вечером они поехали в Фар Уэзер, где бросали фейерверки. Он не сбивал никакой девчухи и не боролся ни с каким молодым человеком. Он не кричал: «Всыпь ему, Король!» На следующую ночь, в пятницу, когда убили Роуки, он был освобожден полицией одновременно с другими ребятами, отправился прямо домой и лег спать.

— Теперь, что касается пятен крови на твоей кожаной куртке. Они той же группы, что и твоя кровь. Группы О. Не припомнишь, когда мог их посадить?

— Должно быть, раньше, на той неделе.

— А если точнее? Может, в одну из своих поездок на мопеде? Может, ты носишь эту куртку дома?

— Нет. Вроде бы никогда не носил.

— Могла она лежать в таком месте, что, когда ты порезал палец, на нее капнула кровь?

— Могла, наверно.

— Ну, так что же? — Ньютон мысленно обругал себя за то, что позволил разговору направиться в это русло. Реакция Гарднера произвела на него такое впечатление, о котором лучше не вспоминать на барристерском месте.

— Вроде бы не припомню.

— Если вспомнишь, немедленно свяжись с мистером Эрлом. Это может оказаться очень важно для тебя. Понял? — И Ньютон с удовольствием переменял тему: — А теперь я бы хотел поговорить о Гарни.

Мальчик впервые за все время их разговора оживился.

— Король замечательный парень. Он ко мне замечательно относился.

— Он имел на тебя влияние?

— Он на всех влиял, кто его знал. Король все делает лучше всех. Я сам видел, как он запросто спрыгнул с двадцатифутовой стены, глазом не моргнул. И нож он может бросать...

Ньютон кашлянул.

— К чему я и веду разговор. Выходит, в вашей... компании ты был его лучшим другом?

— Ясное дело. Мы с Королем лучшие друзья. А все остальные просто прилипали.

— Во время процесса тебя, возможно, постараются заставить сказать, как будто бы ты так восхищался Гарни, что мог ради него сделать все, что угодно.

Лесли вскинул на Ньютона глаза и быстро отвел их в сторону.

— Например, мог держать этого мальчика Джоунза, когда Король наносил ему удары ножом. Но мне кажется, ты не похож на подростка, который станет выполнять приказы своего сверстника. Твой отец и сестра воспитали тебя в другом духе.

— Я их ненавижу.

— То есть как?

— Джилл-то ничего, а вот отца я ненавижу. Он покоя мне не дает. День и ночь читает морали про образование, про работу и разное такое. Не хотел, чтобы я школу бросал. А она у меня давно в печенках сидит. Ну, в общем, они обращаются со мной как с младенцем.

— Понимаю.

— В общем, он и дома разговаривает так, будто на митинге выступает. Говорит «ради тебя, твоего блага» и разное такое. А я никогда и ничего не просил делать для меня. Джилл тоже другой раз как заведется, но с ней хоть разговаривать можно. В ней человеческое есть.

— Я виделся сегодня с твоим отцом. Знаешь, ведь это он договорился насчет твоей защиты.

— Я его об этом не просил. А кто Короля будет защищать?

— Ну, это уже не моя печаль, — чопорно ответил Ньютон. — Лучше не забудь про эти пятна на куртке. Это важно. Он вернулся к Эрлу, и они побрели через тюремный двор к выходу.

— Отвратительная погода, отвратительный город, отвратительные люди. Удивляюсь, почему здесь так мало убийств, — жаловался он Эрлу уже в такси.

На следующий день его снимали на лужайке в Фар Уэзер. Из-за плавающих в воздухе клочьев тумана не получилась задуманная композиция а-ля Наполеон с Ньютоном в главной роли, окидывающим взглядом поле битвы. Другой снимок был сделан в поселке Плэтта. На нем Ньютон указывал пальцем в сторону коттеджа и что-то говорил Эрлу. Затем барристер с солиситором стбыли в Лондон.

Сразу же после рождественских каникул Твикер сделал то самое открытие, которое, как предполагалось, должно было намертво спутать сетью Лесли Гарднера. Он в который раз изучал

образцы пыли, взятые с обшлагов брюк мальчика, при этом помня брошенные мимоходом слова лаборанта: «Очень хорошие, модные габардиновые брюки, недавно отутюженные и, судя по виду, только из чистки». Про пыль он сказал, что она необычная, с примесью угольной. На самом же деле она оказалась еще необычней, чем можно было предположить. Она содержала примерно поровну желтых и черных крупинок, и в окончательном рапорте говорилось, что в ее состав входит мелкая угольная пыль и песок. Где можно отыскать песок? На строительной площадке. У Твикера была хорошая зрительная память, и он попытался окинуть мысленным взором лужайку в Фар Уэзер с пятном от костра посередине и буйными зарослями старого мокрого бурьяна вокруг. Никакой угольной пыли и песка. Тогда откуда она? Твикер вынул из памяти этот слайд и заменил его другим, на котором был запечатлен интерьер заброшенного коттеджа в поселке Плэтта. Он прошелся по коттеджу: передняя, кухня, верхние комнаты. Везде полы покрыты коркой застывшей грязи. А снаружи? Снаружи так грязно, что ноги разъезжаются. Ну а сзади? Что там сзади?

И тут Твикер громко вскрикнул.

После ленча Твикер с Норманом сели в машину, прихватив с собой эти самые габардиновые брюки, а также образец пыли, обнаруженной на их обшлагах. Полицейская машина остановилась возле коттеджей, и Твикер выпрыгнул из нее с прытью молодого терьера, учуявшего самку. Впервые за много дней с неба не капало, но стоило им вылезти из машины, как ноги разъехались в грязи. Норман, скривив губы в презрительной гримасе, едва поспевал за своим слишком уж прытким шефом.

Твикер не пошел внутрь, а сразу же направился на задний двор. «Вот оно!» — услышал Норман торжествующий крик суперинтенданта.

Когда-то в этом коттедже жили дети, и любящие родители соорудили для них песочницу. Рядом с песочницей был угольный бункер. Твикер поднял крышку. Бункер оказался почти пуст. Его деревянное дно прогнило от сырости, и подхваченные потоками дождя частички угольной пыли смешались с остатками песка. Твикер наклонился и стал собирать в полиэтиленовый мешок верхний слой песка.

— В ту ночь, в пятницу, мальчишка проник сюда с заднего хода, — сказал он. — Скорей всего это и есть его обычная дорога. Стояла крошечная темень, и он угодил ногой в песочницу. Конечно же, туфли тоже запачкались, но он, очевидно, вычистил их, а вот про брюки забыл.

— Может быть, — кивнул Норман. — Но это зависит от того, когда их отдавали в чистку.

— Вот это вы и выясните. Если удастся сделать это втайне от Гарднеров, тем лучше. Прежде всего выясните, какой прачечной они пользуются. Захватите с собой брюки и узнайте на месте, ведется ли там учет сданных вещей. Если не узнаете ничего в прачечных, зайдите в ближайшие химчистки.

— Ясно.

— Пара габардиновых брюк, недавно отутюженных и только из чистки, — медленно повторил Твикер. — Старая песочница, старый угольный бункер. Если эти брюки и в самом деле только что из чистки, они могут оказаться тем самым звеном, которого так недостает в нашей цепи.

В каждом деле рано или поздно наступает такая минута, когда все наконец-то становится на свои места. От родных Тэффи Эдвардза Норман узнал, что Гарднеры сдают вещи в химчистку-прачечную «Быстро и чисто» на Лэмб-авеню. Управляющая прачечной оказалась на редкость услужливой дамой.

— Мы собираем белье в районе Райской Долины по субботам, а в следующую пятницу развозим заказы, — рассказывала она. — На каждую сданную в чистку вещь выписываем отдельную квитанцию. К тому же делаем запись в своем реестре.

— У вас есть реестр Гарднеров?

— Думаю, что да. Хотите взглянуть?

— Хочу, — с видом заговорщика сказал Норман. — Только пусть это останется между нами. Не надо, чтобы про это знал кто-то третий.

— Понимаю.

Управляющая была пухлая жеманная дама неопределенного возраста, но все еще привлекательная. Принесли реестр, на котором было написано: «Гарднер, Питер-стрит, 24», и она молча вручила его Норману.

Он отыскал запись, помеченную 31 октября. Она была сделана аккуратным почерком, и он понял, что это рука Джимми. Внизу прочитал: «В чистку. Одна пара серых брюк».

— И эти брюки были вручены заказчику в следующую пятницу, то есть шестого ноября? — спросил он.

— Совершенно верно.

— Что, существует соответствующая квитанция?

— Я же сказала вам, что на каждую сданную в чистку вещь выписывается квитанция. Хотите взглянуть на ее копию?

Он кивнул. Она вышла и вернулась с какой-то книгой.

— Пожалуйста. Перед вами копии всех квитанций. А вот и ваша. Фамилия: Гарднер, 24, Питер-стрит; название предмета: серые брюки; номер заказа: 41 622. С доставкой. И дата, то есть день развоза готовых заказов, 6 ноября.

— А можно каким-либо образом проверить, те ли это брюки? Можно ли получить какое-то доказательство того, что

31 октября в чистку была сдана именно эта пара габардиновых брюк?

Она покачала головой.

— Мы не записываем, из какого материала вещь. Пара серых брюк, и больше ничего.

— Вы потеряли этот реестр, — сказал управляющей Норман.

— Позвольте...

— Вы его потеряли, — решительно повторил он и положил реестр себе в карман. — Так им и скажите. И выдайте новый.

— А это на самом деле важно?

— Очень. — Норман присел на краешек стола и улыбнулся. — Но важно не только это. Важно и то, чтобы о потере этого реестра не знал и даже не подозревал кто-то третий. Помоему, такая девушка, как вы, умеет хранить секреты.

Он больно ущипнул ее за пухлую руку.

— Все сходится, — сказал Норман, переступив порог кабинета Твикера. — Гарднер отдал их в чистку 31 октября, назад получил 6 ноября, так что, по-видимому, до вечера надеть не успел. Выходит, наше дело выгорело.

Твикер молчал, храня бесстрастный вид.

— И что мы будем делать с этой уликой? — поинтересовался Норман. — Я хочу сказать, поставим их в известность или нет? Такое открытие их здорово потрясет.

Твикер ничего не ответил, даже не потрудился напомнить Норману, что все вещественные улики, обнаруженные в ходе следствия, должны быть доведены до сведения защиты. Документ, озаглавленный «Кое-какие дополнительные улики по делу», попал на стол Магнуса Ньютона лишь за три дня до начала процесса, и барристер не без тревоги стал читать о том, что «показывает под присягой Чарльз Джеймс Норман, сержант уголовно-следственного отдела». От Ньютона сведения о дополнительных уликах просочились к Эдгару Кроли, а от него к Фрэнку Фэрфилду.

«Дейли Бэннер» от 11 января:

«СЕГОДНЯ НАЧИНАЕТСЯ ПРОЦЕСС ГАЯ ФОКСА. ДВА ПОДРОСТКА ОБВИНЯЮТСЯ В ДВОЙНОМ УБИЙСТВЕ».

Галерея для публики была забита до отказа. Фрэнк Фэрфилд и Майкл Бейкер вошли в здание суда, предъявили свои удостоверения и заняли места за невысоким барьером, на котором было написано «Пресса». Накануне процесса Лейн объяснил Хью елейным голоском, что, раз его вызывают в суд в качестве сви-

детеля, ему неловко появляться там заранее. В силу этих обстоятельств главный редактор решил, что ход событий будет освещать Майкл. В день открытия процесса Хью все утро проторчал на малых сессиях в Уэлби, где разбирались восемь дел о нарушениях уличного движения, три о задолженности алиментов и два о сквернословии в публичных местах. Однако про него не забыли. Ровно в половине одиннадцатого Майкл наклонился к Фэрфилду и шепнул: «Жаль бедного Хью».

Подсудимые, смуглый и нагловатый Гарни и бледный и робкий Гарднер, заняли свои места за загородкой.

— Джон Аллен Гарни, вы признаете себя виновным? — спросил клерк.

— Я не виновен, — громко и отчетливо ответил Гарни.

— Лесли Чарльз Гарднер, вы признаете себя виновным?

— Не виновен, — мрачно буркнул Гарднер.

Клерк сел. Со своего места медленно встал Магнус Ньютон. Судья Брэкклз свирепо глянул на него поверх своих очков с полуплинзами и сказал скрипучим голосом, так не подходившим к его благородному морщинистому лицу:

— Мы вас слушаем, мистер Ньютон.

— Милорд, я представляю интересы Гарднера. Он поручил мне обратиться к вам с просьбой, которую считает очень серьезной. Он просит, чтобы ваше величество дало указание слушать каждое дело по отдельности...

— Ну, началось, — прошептал Фэрфилд. — Теперь развезет на целый час.

На самом деле мелодичный баритон Ньютона три четверти часа сотрясал своды зала, перечисляя противоречия и разногласия в показаниях свидетелей, касающихся одного и другого обвиняемых, делая основной упор на то, что, если оба дела будут слушаться вместе, на Гарднера неминуемо падет тень Гарни. Ньютон пространно цитировал своих авторитетов, открывая книги на заложенных страницах. Судья время от времени задавал ему односложные вопросы.

— Разумеется, все это на усмотрение судьи, — продолжал нагнетать Ньютон. — Однако в свете тех обстоятельств, которые я довел до сведения вашего величества, прошу ваше величество дать указание рассматривать каждое дело по отдельности.

Он с размаху плюхнулся на свое место. Тут же на ноги вскочил Гэвин Эдмондз, вертлявый, безвкусно одетый человек лет сорока, представляющий интересы Гарни.

Эдмондз тоже выступил в поддержку этого прошения. Он говорил сухим, сдавленным голосом, резко контрастирующим с сочным баритоном Ньютона. И тоже цитировал своих авторитетов. Судья начал проявлять признаки нетерпения, и Эдмондз

ограничился двадцатиминутным выступлением. Вслед за ним со своего места медленно и величественно поднялся Юстас Харди, королевский прокурор. Судья Брэкклз уставился на него поверх своих очков.

— Мне кажется, у меня нет причин беспокоить вас, мистер Харди.

Юстас Харди с довольным видом опустился на свое место.

— Прощения подобного рода удовлетворяются в тех случаях, когда со стороны подсудимых могут быть выдвинуты взаимные обвинения или хотя бы со стороны одного из подсудимых. В данном деле таковых не имеется. Напротив, как мне кажется, обвиняемые близкие друзья. А тот факт, что показания до некоторой степени противоречивы, еще не является причиной для удовлетворения просьбы о раздельных процессах. В таком случае огромное количество свидетельских показаний придется повторять перед двумя жюри. Таким образом, я вынужден отказать в этой просьбе.

В галерее зашаркали ногами, за судейским столом зашуршали бумажками. Джилл Гарднер обменялась мимолетным взглядом с братом, улыбнулась ему и отвернулась. Гарднер-старший сидел, положив руки на колени, и не мигая смотрел на облаченного в парик и мантию судью.

Наконец настала очередь Юстаса Харди. Он заговорил голосом, не похожим ни на сдавленное шипение Эдмондза, ни на сочное, но монотонное жужжание Ньютона. У Харди был голос, который и по сей день называют серебряным, нежный и звонкий голос. В его манере сквозило истинное превосходство, естественное высокомерие по отношению к тем, кто стоит ниже его на социальной и интеллектуальной лестницах, что обычно возбуждало против него непримиримое предубеждение. Однако его слегка смягчала присущая Харди особая ясность формулировок, язвительность, а также поразительная виртуозность в ведении перекрестного допроса.

— Ночь стояла темная, но место преступления освещалось светом костра, а также зелеными вспышками фейерверков, горевших в ту минуту. Освещения было вполне достаточно для того, чтобы те, кто стоял рядом с Корби, могли разглядеть атакующих. Вы услышите, что Джо Пикетт, местный садовник, видел, как на Корби напали двое подростков, в которых он узнал обвиняемых. Вы услышите показания доктора Макинтоша, видевшего, как совершалось нападение, и опознавшего Гарни. Вы услышите показания Морин Дайер, девочки, которую Гарднер сшиб с ног, направляясь в сторону Корби, а также показания местного репортера по фамилии Беннет, вступившего в борьбу с Гарднером и впоследствии его опознавшего. Все названные свидетели играют существенную роль в вынесении окончатель-

ного решения по поводу того, кто из подростков нанес Корби смертельные ранения.

Далее, леди и джентльмены, обратите внимание на поведение этих шестерых подростков после преступления, особенно четверых из них, которые в тот вечер были в танцклубе «Ротор», и вы поймете, что их разговоры, увещевания и даже угрозы, употребленные Гарни, считавшимся, по общему признанию, их главарем, проливают свет...

Фэрфилд что-то писал в своем блокноте, и Майкл, глядя на него, тоже взялся за ручку.

— ...Теперь мы знаем, что Роуки Джоунз никуда не убежал, — продолжал Харди. — Он был слишком напуган для того, чтобы убегать. На самом деле он отправился на назначенную встречу в заброшенный коттедж в поселке Плэтта, который служил подросткам штаб-квартирой, где был зверски убит. На его теле засвидетельствовано восемь ножевых ранений, нанесенных одной или несколькими руками.

В соответствии с показаниями медицинского эксперта, леди и джентльмены, Джоунз был убит между полночью в пятницу и шестью утра в субботу. Исходя из того, что подростки были отпущены полицией после допроса уже за полночь, вытекает, что убийство имело место рано утром в субботу. Я не стану предпринимать попыток проследить за перемещением подсудимых в этот отрезок времени, когда они, по логике вещей, должны были спать в своих постелях. Но я предоставляю в ваше распоряжение то, что мне кажется неопровержимой уликой их виновности, уликой, основанной на лабораторном исследовании одежды Гарднера и расследованиях, произведенных детективом суперинтендантом Твикером и детективом сержантом Норманом, из которой вытекает, что Гарднер в ту ночь побывал в коттедже. Именно в ту ночь, леди и джентльмены, а не в какую-то другую. А это означает, что Гарднер присутствовал при убийстве Джоунза.

Харди сделал короткую паузу и перешел к изложению очередного аспекта. Кто бы мог подумать, что в ходе суда возникнет сенсация? Вряд ли нашлись бы такие. Судья Брэкклз, возвышавшийся над всеми в своей красной мантии, поднес руку ко рту и ловко подавил зевок.

— Разрешите к вам подсесть? — спросил Фэрфилд у Гарднера.

— У нас свободная страна, — буркнул тот.

— Знаю, вы не любите меня.

— Не вас лично, а газету, на которую вы работаете.

У Гарднера было что-то с речью.

— Все из-за зубов, — пояснила Джилл. — Сегодня утром он сломал челюсть. Она почему-то оказалась на полу, и он на нее наступил.

Теперь Фэрфилд заметил, что у Гарднера запали щеки, от чего полностью изменилось выражение его лица. Когда он отрезал от своего пирога кусочек и осторожно положил его в рот, Фэрфилд даже почувствовал к нему жалость.

— Я бы хотел поговорить с вами по поводу этих серых брюк. Наверно, к вам уже заходили поверенные защитника. А, вот и Хью.

— Как дела? — спросил тот.

— Все еще только началось. Так что про эти брюки? — допытывался Фэрфилд у Джилл.

— К нам заходил кто-то из юристов. Но я ничего толком не поняла. Лесли тоже.

— В пятницу ночью Лесли отправился прямо в постель и проспал там до самого утра, — прошамкал Гарднер.

Фэрфилд даже не удостоил его взглядом.

— Послушайте, а полиция не спрашивала у вас про брюки? Выходит, они получили информацию прямо из чистки.

— Они спрашивали у миссис Эдвардз, матери Тэффи, в какую прачечную мы сдаем белье, — сказала Джилл.

— Выходит, они действовали за вашей спиной. Я видел эти новые улики, и защита представляет, куда клонит полиция, но, сумей мы выяснить точно, каким образом получена эта информация, мы бы оказались на коне.

— А как ты собираешься это выяснить? — поинтересовался Хью.

— Один человек из «Бэннер», некто Кроли, был когда-то знаком с хозяином чистки-прачечной «Быстро и чисто». Его фамилия Бостик. Я договорился, что подъеду к нему в половине шестого. Хочешь со мной, Хью?

— Конечно.

— Вы так много для нас делаете, — сказала Джилл. Только не подумайте, что мы неблагодарные.

Она перевела взгляд на отца. Джордж Гарднер только что положил в рот последний кусочек пирога и теперь облизывал пальцы.

С изяществом балетного танцовщика Харди воссоздал перед собравшимися события ночи Гая Фокса. После скучных отчетов полиции и медика на свидетельское место был вызван доктор Макинтош, который, по его словам, в момент нападения стоял примерно в шести ярдах от Корби.

— Расскажите нам, пожалуйста, все, что вы видели.

— Я уже говорил, что подростки швырялись зажженными фейерверками. Потом двое или трое из них набросились на Корби, и завязалась драка. Я слышал, как кто-то крикнул: «Всыпь ему, Королю!», потом вопль.

— Вы сказали, двое или трое. А если поточней?

— Затрудняюсь сказать. Была страшная сутолока.

— А света было достаточно, чтобы разглядеть их лица?

— Да.

— Вы были на опознании и опознали одного из тех подростков, которого видели в ту ночь. Верно?

— Да.

— Этот подросток здесь присутствует?

— Вот он.

Доктор указал пальцем на Гарни.

Гэвин Эдмондз устроил перекрестный допрос, цель которого сводилась к тому, чтобы доказать, будто бы доктор мог узнать Гарни по снимкам в газетах. Ньютон был краток, но впечатляющ.

— Значит, вы не смогли опознать второго подростка, напавшего на Корби. Так я вас понял?

— Так.

— К тому же вы не можете с уверенностью сказать, сколько подростков участвовало в потасовке, двое или трое.

— Верно. Ночь стояла темная.

— И вы стояли от Корби примерно вот на таком расстоянии.

Ньютон шагнул вперед и оказался почти рядом с доктором. Юстас Харди приподнялся со своего места и теперь презрительно взирал сверху вниз на адвоката.

— Милорд, обвинение не предприняло никакой попытки утверждать, что этот свидетель мог распознать и подсудимого Гарднера. Так неужели мой ученый друг считает необходимым развлекаться тем, что, по его представлению, называется сценическим искусством?

— Эта демонстрация преследует какие-то определенные цели, мистер Ньютон? — поинтересовался судья Брэкклз.

— Совершенно верно, милорд. Но если вы позволите, я бы задал свидетелю свой последний вопрос.

— Прошу вас, мистер Ньютон, продолжайте.

— На таком примерно расстоянии? — повторил Ньютон обращенный к Макинтошу вопрос.

— Кажется, на таком, — неуверенно ответил тот. — При свете дня все видится совсем по-иному.

Ньютон устремил свой взгляд в сторону жюри, будто стараясь прсчертить в их умах эту воображаемую черту.

Похожий на кособокий портновский манекен, Джо Пикетт не внушал никакого доверия как свидетель, однако, ведомый уверенной рукой Харди, рассказал довольно связную историю. По режиссерскому сценарию Харди этому свидетелю была отведена главная роль: еще бы, он имел возможность видеть подростков вблизи, когда те приезжали на танцы; он стоял возле Корби, когда на того напали два подростка, видел, как блеснул нож, и сумел на опознании узнать и Гарни и Гарднера.

Что касается самого опознания, то тут Гэвин Эдмондз сумел нанести болезненный удар, но Харди был к нему готов.

— Итак, на опознании вы узнали обоих подсудимых, — сказал Эдмондз. — Вы совершенно уверены в том, что не ошиблись?

— Уверен совершенно.

— Вы опознали еще нескольких подростков, — Эдмондз говорил медленно и неестественно громко, точно разговаривал с дебилом, к тому же еще тугим на ухо. — Вы всех опознали правильно? Мистер Пикетт, я вас спрашиваю.

— С двумя вышла осечка, — буркнул Пикетт.

— Выходит, вы опознали четверых подростков, из коих двое оказались совершенно невинными людьми, не имеющими никакого отношения к преступлению. Так, что ли, мистер Пикетт?

Пикетт через силу выдавил «да».

С места медленно поднялся Магнус Ньютон.

— В тот вечер вы стояли рядом с Корби, не так ли? — спросил он своим слегка глуховатым мелодичным баритоном.

— Да, это так.

— На каком расстоянии? — вкрадчиво поинтересовался Ньютон. — Смогли бы дотронуться до него рукой?

— Нет, не смог бы, как мне кажется. Нет, не думаю, чтобы смог дотянуться.

— Но вы стояли ближе, чем доктор Макинтош?

— Ага, ближе, чем доктор. Так близко, что мог их разглядеть.

Наступила гробовая тишина, и тут Ньютон важно шагнул в сторону той воображаемой линии, которую недавно прочертил.

— Скажем, я Корби. Вы на таком расстоянии от него стояли?

— Может быть. А может, на фут или парочку подальше.

— На фут или парочку подальше. Но ближе доктора Макинтоша?

— Ага, ближе доктора.

Ньютон мотнул головой. Его физиономия налилась кровью.

— Это то расстояние, на котором, если верить доктору Макинтошу, он стоял от Корби в момент убийства. Вы стояли ближе?

Пикетт точно воды в рот набрал.

Ньютон повторил свой вопрос.

— Может, ближе на парочку футов, — выдавил Пикетт.

— На пару футов ближе доктора? Но не больше чем на пару?

— Нет, наверно.

— Доктору Макинтошу удалось опознать только одного подростка. Мне кажется, что и вам удалось разглядеть не больше.

— Нет же, я нормально их разглядел.

— Выходит, вы считаете себя наблюдательней доктора Макинтоша?

Джо Пикетт прищурил свои маленькие глазки и ухмыльнулся.

— Вообще-то нет. Но доктор был тогда без очков. А он без них плохо видит.

По залу прокатился легкий шумок. Ньютон измерил Джо Пикетта свирепым взглядом и медленно вернулся на свое место, откуда и продолжал задавать вопросы. Но эффекта, на который он рассчитывал, не получилось, хотя не исключено, что он заронил в умах жюри зерно сомнения.

Генеральный директор прачечной-химчистки «Быстро и чисто» мистер Бостик, цветущий и с виду добродушный толстяк, встретил гостей крепким рукопожатием, усадил в полукруглые кресла с металлическими подставками, обивка которых была чуть светлей ковра, и открыл бар. Наливая розовый джин для себя и Фэрфилда и «Дюбонне» для Хью, Бостик все говорил и говорил:

— Давенько я не получал весточки от Эдгара Кроли. Мы с ним раньше дружили и все знали со школьной скамьи, что он парень выдающийся. Я помню то небольшое эссе, которое он написал о франко-прусской войне. Вы мне не поверите, джентльмены, но, помню, все мы говорили, что у Эдгара прекрасное будущее. И мы оказались правы. Заметьте, мы все знали, что у Эдгара зоркий глаз.

— Таким он у него и остался, — сказал Фэрфилд.

— Когда я услышал по телефону голос Эдгара, я понял, что раз уж он вспомнил про такого старого труженика, как я, значит, ему от меня что-то нужно.

На этот раз он рассмеялся так безудержно, что Хью с Фэрфилдом были вынуждены разделить его веселье, правда, не так бурно.

— И вы не ошиблись, — сказал Фэрфилд.

— Эдгар сказал, что дело это важное. Значит, оно так или иначе связано с убийством в день Гая Фокса. Угадал?

— Угадали. — Фэрфилд резко поддался вперед и расплескал свой джин. — Вы читали отчет о событиях сегодняшнего дня?

— Я занятой человек. И газеты читаю уже дома, у камина.

— А к вам не заходили из полиции по этому делу?

— Нет. А что им здесь делать? — Внезапно его радушие куда-то делось. Хью понял, что Бостик принадлежит к разряду людей, которые от всех ждут подвоха и поэтому стараются первыми его подложить. — Вы Беннет из «Гэзетт»? — в упор спросил он у Хью. — Мне кажется, я вас где-то видел.

— Прошу прощения, но в данный момент мы с Хью проводим неофициальное расследование, — как-то смущенно сказал Фэрфилд.

— Разумеется, для защиты. Я читал, что «Бэннер» поддерживает Гарднера. По-моему, ловко придумано, только парню не выкрутиться. Но, ей-богу, не пойму, какое все это имеет отношение ко мне.

— Часть дела против Лесли Гарднера зиждется на уликах, представленных вашей прачечной.

— Что за улики?

— Касающиеся чистки пары серых брюк.

— У нас?

— У вас.

— И вам бы хотелось знать, кто их представил. Мне тоже.

— Гарднеры пользуются услугами вашей прачечной.

— Да? Что ж, одно могу сказать вам: ко мне полиция не обращалась. — Бостик нажал кнопку на своем столе и сказал в микрофон: — Попросите ко мне мисс Плай. Пожалуйста, срочно. Она управляющая, — пояснил он Хью с Фэрфилдом и не проронил ни слова, пока та не вошла в кабинет. Лишь постукивал кончиком карандаша по зеленой коже стола.

— А, мисс Плай, — приветствовал Бостик вошедшую толстуху издевательски-добродушным тоном демократичного начальника. — Не ответите ли вы на один мой вопросик?

— С удовольствием.

— Не обращалась ли к вам полиция по поводу одного дела, касающегося нашей прачечной? — Он испытующе глядел на толстуху. Ее пухлые щеки покрылись пунцовым румянцем. — Ну так как?

— Я вам все объясню.

— Был бы вам очень признателен, особенно если вы потрудитесь объяснить, почему сочли необходимым скрыть это от меня.

— Они велели хранить это в тайне.

— Кто «они», мисс Плай?

— Человек из Скотленд-Ярда. Сержант Норман. Я думала, он сам с вами свяжется.

— Поэтому и решили хранить это в строгой тайне?

— Естественно, я встревожилась. Но мне не хотелось нарушать данное слово.

— Да что вы говорите? В вашем понимании это называется проявить личную инициативу. Так это у вас называется?

— Я...

— Да? Так это у вас называется? А теперь послушайте, как это называется у меня. У меня это называется предательством по отношению к делу, которое вас кормит и поит. Хотите, я расскажу вам о последствиях вашего поступка? Благодаря вам наша прачечная оказалась замешанной в серьезном деле об убийстве. Вы нанесли ущерб нашему делу, пока трудно сказать какой. — Бостик говорил громко, сжимая своими жирными ладонями крышку стола. Потом резко откинулся в кресле. — Гордитесь содеянным?

Мисс Плай разрыдалась. Фэрфилд, скривясь, смотрел на пустой стакан в своей руке, будто только что проглотил отраву.

— Быть может, еще не все потеряно. Если только вы, мисс Плай, подробно расскажете нам, как все было, — вмешался Фэрфилд.

— Если ее это не очень затруднит. И если это не значит нарушить слово, данное сержанту Норману, — съязвил Бостик.

Всклипывая, мисс Плай пересказала все дословно. Бостик сидел, скрестив на груди руки, и сверлил ее презрительным взглядом.

— Значит, Норман взял себе книжку Гарднеров, — медленно сказал Фэрфилд. — И на него произвели впечатление даты. Понимаю.

— Он ее не брал — мисс Плай сама любезно вручила ее, — сказал Бостик. — Хотите еще что-нибудь узнать? Все? Тогда вы свободны, мисс Плай. Я побеседую с вами позже.

Когда она вышла, Бостик воздел к потолку руки.

— Ну что ты с ними поделаешь? Только дубиной по шее. Клянусь вам, старина Эдгар не вытерпел бы ее и пяти минут.

— Разумеется, она должна была доложить об этом вам. Но, надеюсь, вы не захотите...

— Не захочу от нее избавляться? Они все кретины, так что какой толк одного заменять другим? Но, уверю вас, ее ждет несколько черных денечков. — Бостик злорадно потер руки. Хью почувствовал, что ему жаль мисс Плай. Бостик открыл бар, но Фэрфилд впервые за все время их с Хью знакомства отказался от выпивки.

Со стен нежилой гостиной на Питер-стрит на них смотрели репродукции картин Ван-Гога и Утрилло. Выслушав рассказ Фэрфилда, Джилл нахмурилась.

— И что все это означает? — спросила она.

— Это означает, что полиция уверена в том, будто она нашла неопровержимое доказательство причастия Лесли к убийству Роуки Джоунза. Брюки были доставлены из чистки в пятницу днем. Вы помните, что получали их?

— Я помню, как подъехал фургон из прачечной.

— И привез пару серых брюк?

— Этого я не помню. С тех пор прошло два месяца. Пропасть у нас ничего не пропадало. Могу справиться с книжкой.

— Она у полиции. Разве вы не поняли, что она утеряна? Ведь вам выдали новую.

— Ах, да. Но я об этом как-то не подумала.

Наблюдая за Фэрфилдом, который с мрачной решимостью дергал за ниточку, медленно разматывая клубок мерзостей, за Фэрфилдом, чей затуманенный взор вдруг прояснился, а на бугристый лоб упала прядка прямых волос, Хью наконец понял, чем этот репортер уголовной хроники обязан своей громкой славе.

— Итак, допустим, брюки были получены в пятницу днем. Полиция взяла Лесли прямо после работы. На нем был старый коричневый костюм. Домой он вернулся после полуночи. В субботу утром его взяли прямо из постели, а обшлага его брюк уже были выпачканы в этой смеси песка с углем. Откуда могла появиться на них эта грязь, если он не надевал их в пятницу ночью?

— Вы считаете, Лесли это сделал, — вдруг сказала Джилл. — Вы считаете, он выходил из дома для того, чтобы убить Роуки Джоунза. Да?

— То, что считаю я, не имеет никакого значения. Я говорю вам, что думают полицейские. Ведь именно из этого мы и должны исходить. Как вы, Джилл, того не поймете?

Джилл спрятала лицо в ладонях. Хью обуревали сомнения. Лесли Гарднера он считал ничтожеством, как, впрочем, и всех уголовников, так к чему мучить себя вопросом, могло ли это ничтожество принимать участие в убийстве чужого человека и своего товарища? «Главное — факты, — любил повторять Лейн. — Остальное — ерунда». Но как быть, если эти факты намертво запутаны?

— А что все-таки думаешь по этому поводу ты? — в отчаянии спрашивал он у Фэрфилда.

Фэрфилд, сидевший под автопортретом Ван-Гога, которого отдаленно напоминал своей житейской умудренностью, вещал точно оракул:

— Я ведь сказал, что в данный момент это не имеет никакого значения. Играя в игру, мы должны придерживаться ее правил. Иначе нельзя в нее играть, иначе нельзя выиграть.

— Вы еще надеетесь, что мы можем выиграть? — спросила Джилл.

— Конечно, мы можем выиграть. А теперь, Джилл, я бы хотел, чтобы вы описали мне одежду Лесли, что он носит, когда, как часто отдает ее в чистку. Одним словом, все, что вспомните. Ничего не упускайте, даже мелочей.

— Постараюсь. — Из кухни послышался свист. — Это чайник. Сейчас я заварю чай.

Хью вышел за ней в кухню. Джилл прижалась к нему, крепко поцеловала.

— Хью, ведь это не конец?

— Если кто и сможет нам помочь, то только Фрэнк.

Он и сам понимал, как уклончив его ответ.

— Да. Хью, я так беспокоюсь за папу. Он переменялся. На прошлой неделе пропустил собрание — я такого не припомню.

— Может, это из-за зубов?

— Это еще до того, как он сломал протез. Он теперь ведет растительный образ жизни: ходит на работу, ест, пьет и спит. Он взял отпуск на эту неделю, но, мне кажется, его не больно интересует процесс, то есть я хочу сказать то, что там происходит. Сегодня вечером он поужинал и сразу же лег спать. Хью, что я ему сделала?

— А нас когда-нибудь напоят чаем? — спросил Фэрфилд, просунув в приоткрытую дверь голову. Они вернулись в гостиную, и он с терпеливой неумолимостью продолжил свои расспросы.

— Итак, что Лесли обычно надевал, отправляясь в тот заброшенный коттедж?

— Откуда мне знать? Я понятия не имела, что он туда ходит.

— Ну, скажем, когда он не садился на свой мопед, а говорил, что идет к ребятам?

— Главным образом свой коричневый рабочий костюм. Если мне не изменяет память.

— А сколько у него пар серых брюк?

— Две. Одни шерстяные, другие габардиновые...

Они ушли уже за полночь, и Хью чувствовал, что ничего полезного разведать не удалось.

Майкл, облаченный в красный в зеленую полоску халат, сидел с ногами в кресле.

— Как дела, Ромео? — поинтересовался он.

— Заткнись.

— Ты был сегодня в роли Ромео или любимого сына сыщика? А знаешь, ты не пропустил ничего по-настоящему интересного в суде. Если не считать этих сладеньких интерлюдий между защитой и обвинением, которые в народе называют стычками. На сцене они проходят так бурно, а в жизни, оказывается, довольно мирно.

— Я про это слышал.

— Ах, я совсем забыл. Ведь ты получаешь все сведения, что называется, из первоисточника. Кстати, как он поживает? А «Бэннер» уже предложила тебе работу?

— Пока нет.

— А если предложит, что ты ответишь?

— Не знаю...

— А я знаю, что ответил бы я. Меня бы отсюда как ветром сдуло. Послушайся меня, мой мальчик: если тебе выпадет удача выбраться из этой дыры, хватайся за нее руками и ногами и не обращай внимания ни на чьи пересуды. — На Майклайной раз накатывали моменты удивительной откровенности. Он уронил на пол «Пьесы для пуритан» Бернарда Шоу, его взор стал мечтательным. — Сегодня вечером я познакомился с восхитительной «кобылкой». Знаешь, при каждой больнице, оказывается, есть свой радиоузел. Так вот, меня попросили выступить и рассказать про наши театральные новости, и когда я зашел в студию, там сидела эта рыжая и зеленоглазая, с восхитительными длинными ногами...

Хью приготовил себе чашку шоколада и минут тридцать слушал на сон грядущий болтовню Майкла про его новую «кобылку».

Существует веками отработанная практика обращения с детьми на свидетельском месте. Их нельзя пугать, принуждать и даже торопить. Если они почему-то теряют дар речи, их лучше отпустить, чем силой вытягивать каждое слово. Юстас Харди ни на минуту не забывал об этих правилах (которые, разумеется, относились только к хорошим деткам, но не к малолетним преступникам — с теми можно было обращаться как угодно). С детьми он вел себя безукоризненно. Был им снисходительным (в меру, конечно) отцом, который никогда не опускался до сюсюканья. Ходили слухи, вне всякого сомнения, не такие уж и преувеличенные, что Харди брался лишь за те дела, в которых, по крайней мере, хоть одним свидетелем был ребенок. Он знал, что во время его допроса, прямого или перекрестного, ему удастся временно или даже навсегда склонить жюри на свою сторону. Вот и сейчас Морин Дайер оттаивала на глазах, осыпанная легкими вопросиками, пропетыми серебряным голоском, и уже спокойно рассказывала про дядю, который сбил ее с ног, про ножик, блеснувший в его руке.

— Вот он, этот дядя. — Морин указала пальцем на Лесли Гарднера. Она отвечала уж слишком охотно, и Харди понял, что, задай он ей еще несколько вопросов, и девчонка покажется болтуньей. Он сел на место.

Наступила очередь Магнуса Ньютона. Он принял важную позу и заулыбался Морин как дядя, у которого припасено в кармане полкроны для девочки, правильно ответившей на все его вопросы.

— Морин, а какие у тебя были фейерверки в ночь Гая Фокса?

— Желтые драконы, хлопушки и еще бенгальские огни.

— И когда этот дядя сбил тебя с ног, они все упали на землю?

— Нет. Бенгальские огни не упали. Я уже сожгла их тогда. Я их меньше всего люблю.

— Значит, самое лучшее ты оставляешь напоследок, — сказал Ньютон, деланно рассмеявшись. Было ясно, что в обращении с детьми ему далеко до Харди. — А потом твои золотые драконы попадали на землю, да?

— Желтые. Да. Но один хороший дядя помог мне их собрать и зажечь. Они ярко горели.

— Замечательно. Значит, тебя больше всего интересовали твои фейерверки, и у тебя было мало времени разглядеть того дядю, который тебя сшиб. Верно?

— Нет, я его разглядела. Ведь я узнала его после.

— И ты уверена, что не ошиблась? Ведь у тебя было совсем мало времени на то, чтобы его разглядеть?

— Нет, я его разглядела. Он был очень близко от меня.

— Вот ты сказала, что почувствовала у него в кармане что-то твердое и острое. А как ты узнала, что оно острое?

— Узнала, вот и все.

— Может, ты порезала через одежду руку?

— Нет. Просто я почувствовала через одежду, что оно острое.

— Но как можно почувствовать через одежду острое?

— Не знаю. Я почувствовала. А после увидела. Это был ножик.

С каждым вопросом тон Ньютона становился все меньше и меньше похож на тон веселого дяди. Полкроны могли вот-вот ускользнуть из-под носа.

— Значит, тебя сшибли с ног. А когда ты встала, сразу же занялась поисками своих желтых драконов. Верно?

— Да.

— Когда же ты могла видеть ножик?

— Он вытащил его, когда бежал от меня. Я видела, как он блеснул.

— Ты могла увидеть это, только когда встала. А не кажется ли тебе, что ты могла ошибиться?

— О, нет.

Ни о каких полкронах уже и речи быть не могло — в воздухе вот-вот мог засвистеть кнут.

— Тогда почему ты не сказала про ножик, когда у тебя спрашивали про все это в первый раз?

Нижняя губа девочки задрожала, но она не заплакала.

— Просто, наверно, я об этом не подумала.

— Не подумала, — нараспев повторил Ньютон, обращаясь к жюри.

Больше он не рискнул задавать ей вопросы. Харди же решил, что ему стоит загнать на свои места еще пару гвоздей.

— Когда ты, Морин, была на опознании, ты сразу узнала того дядю?

— О, да. Их там было много, но я его сразу узнала.

— Значит, ты ни капельки не сомневалась?

— Нет, нет, — решительно замотала головой девочка.

— И ты так же точно уверена в том, что видела нож?

— Да. Он ведь блестящий.

Харди кивнул, улыбнулся девочке и сел.

— Можете идти на свое место, молодая леди, — проскрипел судья.

Морин Дайер вышла из-за загородки и направилась к отцу. Тот вручил ей огромного игрушечного медвежонка. Магнус Ньютон наклонился к Тоуни Бэндери и прошептал: «Проклятая маленькая бреховка».

Хью Беннет точно во сне шел на свидетельское место, на ходу подбирая нужные слова. Он чувствовал, что не может смотреть на ребят на скамье подсудимых, боясь... чего боясь? Что он на лице Лесли Гарднера прочтет обвинительный приговор тому, кто тоже несет ответственность за его теперешнее положение. Разумеется, ерунда, но не без привкуса правды.

Хью медленно припоминал события того злосчастливого дня: разговор с Корби, знакомство с Морин Дайер. Все это не представляло никакого интереса для суда.

— Скажите, пожалуйста, а что вы сделали, когда увидели, что этот юноша показывает на Корби?

— Я положил ему на плечо руку, он ее сбросил. Тогда я обхватил его обеими руками и нащупал в его кармане что-то

твердое. Он вырвался от меня и налетел на девочку. Потом бросился к Корби.

— Вот вы нащупали в его кармане что-то твердое. Это могло быть ножом?

— Затрудняюсь ответить.

— Но вы, очевидно, представили себе очертания этого предмета. Ведь вы же его нащупали.

— На какую-то долю секунды. Вся наша борьба длилась считанные мгновения. Это был твердый предмет с твердыми краями. Но я не могу сказать с уверенностью, что это был именно нож.

— Несколько дней спустя вы были на опознании и узнали того подростка, с кем боролись, верно?

— Да.

— Он сейчас здесь?

— Да. — Хью указал пальцем на Лесли Гарднера и произнес те слова, которые давно рвались с языка: — Но я больше не уверен в этом.

В зале воцарилась гробовая тишина. Хью Беннет глядел прямо перед собой. О своем решении он не сказал никому, даже Фрэнку Фэрфилду, считая, что обязан принять его без чужого участия.

— Я не уверен, что правильно вас расслышал, — нарушил тишину судья Брэкклз.

— Я сказал, что больше не уверен в том, что это он, — дерзко повторил Хью. — Я не могу утверждать, что Лесли Гарднер тот самый человек, с которым я боролся вечером пятого ноября на лужайке в Фар Уэзер.

По залу прокатился гул изумления.

Мозг Юстаса Харди напоминал прекрасно сконструированную машину, умеющую мгновенно взвешивать все «за» и «против». Краем уха он слышал, что этот молодой человек связан каким-то образом с «Бэннер», этой падкой до сенсаций газетой, которая оплатила Гарднеру адвоката. Конечно, он мог добиться разрешения у вопросительно глядящего на него судьи обратиться с Беннетом как с враждебным свидетелем, но ведь Беннет не был основным свидетелем по этому делу, к тому же, судья по всему, отличался решительным характером. Уж лучше задать ему несколько уничтожающих вопросов, и пусть себе катится на все четыре стороны. Однако на решение, к которому он пришел, прежде всего повлияло его искреннее отвращение ко всякого рода сценам. Юстас Харди был полной противоположностью великим адвокатам-актерам первой четверти нашего века, обожавшим сценические эффекты.

— И когда вы приняли это решение, мистер Беннет? — спросил Харди без тени иронии.

— В последние дни меня все больше и больше одолевали сомнения. Однако к окончательному решению я пришел всего два дня назад.

— Но во время опознания у вас не было никаких колебаний, так?

— Нет, не было.

— Чем вы это объясните?

— Я присутствовал при аресте Гарднера, — медленно сказал Хью. — К тому же познакомился с его сестрой. Они очень похожи.

— Вы, разумеется, состоите с мисс Гарднер в дружеских отношениях?

Это была всего лишь блистательная догадка, основанная на чистой интуиции.

— Да.

— Благодарю вас. Если мисс Гарднер присутствует в зале, я попрошу ее встать, чтобы жюри могло видеть, насколько велико ее сходство с братом.

Джилл встала и прошла вперед. Хью показалось, что сейчас она особенно похожа на своего мертвенно-бледного брата. Юстас Харди кивнул и сел на место, довольный тем, что избрал правильную тактику в этом щекотливом, но несущественном вопросе. Однако его помощник Картер считал (о чем говорил впоследствии в тесном кругу), что старик здорово поскользнулся, не захотев разнести этого молодого нахала Беннета в пух и прах.

Хью встретился с Джилл и ее отцом уже на улице.

— Я хочу тебя поблагодарить, — сказала девушка.

Ему хотелось объяснить ей, как все на самом деле сложно, сказать, что ее лицо настолько заслонило в его глазах лицо ее брата, что он больше ни в чем не уверен и ему, очевидно, следовало с самого начала заявить, что он некомпетентный свидетель в этом деле. Но, конечно же, у него ничего не получилось.

— Это было смело. Правда, папа?

— Я никогда не сомневался в Хью, никогда, — прошамкал Гарднер.

— Мы пойдем перекусим. Тебе, я думаю, лучше держаться подальше от нас.

Она пожала ему руку, и в ее взгляде ему почудилось что-то заговорщицкое.

Передав по телефону только что написанную статью, Фэрфилд вернулся в «Козел», где его поджидал Майкл со стаканом пива в одной руке и сэндвичем с ветчиной в другой. Дрожащей рукой Фэрфилд поднял свой стакан с розовым джином, выпил его в два глотка и заказал еще.

— Ваш мальчик оказал вам сегодня хорошую услугу.

— Он не мой мальчик.

— Да бросьте вы. Только не говорите мне, будто ничего не знали. Вы ведь на пару рыскали в поисках добычи.

— Я ничего об этом не знал.

— Я тоже, а ведь живу с ним под одной крышей. Выходит, нас таких обманутых двое, наш Хью себе на уме, не так ли?

— У нашего Хью есть своя точка зрения, — торжественно изрек Фэрфилд.

Примерно в то же самое время Эдгар Кроли говорил то же самое лорду Брэкмену, только иными словами. Столовая длинной в тридцать футов казалась еще больше из-за огромного окна, открывающегося на природу. Брэк с Кроли сидели на черных металлических стульях за столом из белого мрамора. Лорд Брэкмен ел свой обычный ленч: тонкий кусочек вареного мяса, салат из свежих протертых овощей и запивал минеральной водой. Кроли возился с бифштексом, который запивал превосходным кларетом.

— Интересно, очень интересно, — комментировал Брэк. Важнейшие положения из статьи Фэрфилда были сразу же переданы по телефону ему на квартиру. — Этот мальчик Беннет... Что он из себя представляет?

Кроли решительно ничего не знал об этом Беннете, но прекрасно понимал, что тут не обойтись расплывчатым ответом. Редактор «Бэннер» обязан знать все и по любому вопросу иметь свое мнение, на основании которого Брэк составит свое. Вот почему Кроли, не колеблясь, сказал:

— Мне он представляется интересным.

— На него повлиял Фэрфилд?

— Нет. Мы и предположить не могли, что дело примет такой оборот. — Кроли отпил из рюмки кларет. — Честно говоря, он сам до этого дошел. Без посторонней помощи.

— Прекрасно сработано. Мне пришла в голову хорошая мысль. Вы ведь знаете, я люблю людей независимых. Этот мальчик может оказаться находкой. — Брэк рывком встал со стула, отшвырнул салфетку и прошел в противоположный угол комнаты, где плюхнулся в оправленное в металл кресло-качалку. — Мальчик губит свою жизнь в провинции. Когда все кончится, вызовите его сюда. — Он неожиданно перескочил на другую тему: — А этот пожар? Почему мы не напечатали про него в утреннем выпуске? «Мэйл» напечатала, «Экспресс» тоже.

Кроли понял, что ему не суждено доестъ свой бифштекс и допить кларет. Он встал от стола, придвинул свой стул к Брэку и пустился в объяснения. По его слсвам, редактор отдела новостей неважно справлялся со своей работой.

Порой случается, что самая важная часть уголовного процесса оказывается наименее драматичной. Так было и в деле Гая Фокса. Днем на свидетельском месте по очереди побывали Жарков, Тэффи Эдвардз и Эрни Боган и рассказали каждый свою версию той шутки, которая, как они выразились, неожиданно для них обернулась трагедией. Харди терпеливо, шаг за шагом, воссоздавал картину преступления: вот подростки, набив карманы фейерзерками, садятся на свои мопеды и едут в Фар Уэзер. Он ненавязчиво, но в то же время настойчиво убеждал жюри в том, что эти ребята, отставшие в умственном развитии от своих сверстников, были лишь послушными орудиями в руках их признанного вожака Гарни-Короля и его доверенного «лейтенанта» Лесли Гарднера. Он не старался вызвать к ним симпатию, а просто представил их как недоумков, подвластных чужой воле. Жарков и Эдвардз признались, что у них были при себе ножи, от которых они избавились по дороге из Фар Уэзер. Они это сделали по приказу Короля. Король и Лесли Гарднер тоже выкинули свои ножи. Они бросили их в реку Фарлоу, протекающую возле дороги. Все трое твердили, что не видели, как Гарни с Гарднером напали на Корби, но привели избобличающие фразы из их разговоров.

— Когда вы остановились возле речки, чтобы выбросить ножи, было ли сказано что-нибудь такое, имеющее отношение к убийству? — спросил Харди у Тэффи Эдвардза.

— Да. Король мне сказал: «Ты про это никому, Тэффи. Нас там не было, понял?» Я сказал, что не скажу, но спросил, что там случилось, потому что не знал. И Король мне ответил: «Мы пришили этого скота».

— Что он хотел сказать этой фразой?

— Как, разве не понятно? Он сказал, что они пришили Корби.

— Что они на него напали, да?

— Ну да, вроде так.

— А что он подразумевал под этим «мы»?

— Что это сделали они с Лесом.

— То есть с Лесли Гарднером. Ну а вернувшись, вы расстались?

— Ага.

— И условились встретиться снова?

— Ага, в «Роторе». А Роуки Джоунз и говорит, что ему это дело не нравится и что он, наверно, не придет. Король ему тогда: «Придешь, если дорожишь своей шкурой. Мы должны вместе держаться. «Ватаге с Питер-стрит» доносчики не нужны».

— А Гарднер что-нибудь сказал?

— Да. Он сказал: «Делай, как Король велит, Роуки, не то накличешь на свою голову беду».

— Про случившееся в Фар Уэзер было что-нибудь сказано?

— Роуки спрашивает, что там такое случилось, говорит, не понял он толком, а Король тогда: «Мы угостили его ножом». А потом говорит: «Не удивлюсь, если старик коньки отбросит. Значит, — говорит, — не повезло ему».

После того как на свидетельском месте побывали все трое подростков и Джин Уиллард из «Ротора», дело против Гарни было готово. Гэвин Эдмондз изо всех сил старался смягчить сказанное ими, даже постарался обыграть тот факт, что Джин Уиллард была подружкой Гарни, которой дали отставку, и все равно дело против Гарни разбухало прямо-таки на глазах. Сам же Гарни стоял, вцепившись своими смуглыми руками в край загородки, и презрительно взирал на происходящее.

Что касалось этих свидетелей, то тут задача Магнуса Ньютона была не так уж и сложна, поскольку никто из них не привел прямых улик против Гарднера.

— А когда Гарни сказал: «Мы этого скота пришили», он не назвал имени Гарднера? — спросил Ньютон у Эдвардза.

— Нет. Но ведь они были закадычные дружки.

— А ты видел, как Гарднер нападал на Корби? — зычно спросил Ньютон.

— Нет.

— А Гарни говорил, что Гарднер нападал на Корби?

— Нет. Он никакую фамилию не называл.

Ньютон сделал паузу, окинул испытующим взглядом жюри и понесся дальше. Если до них не дошло в этот раз, то дошло потом, когда Ньютон спрашивал то же самое у Жаркова и у Богана. Чего он достиг этим, или, по крайней мере, хотел достичь, так это отмежевать Гарднера от Гарни.

Если Магнус Ньютон, в общем-то, был доволен развитием событий, то и Юстас Харди тревоги не проявлял. Что касалось убийства Корби, то тут действительно в деле Гарднера не хватало той определенности, которая могла бы убедить жюри в его виновности. Но ведь вся надежда возлагалась на эти проклятые серые брюки. Первый выстрел этой смертельной схватки прогремел уже к концу дня, когда на свидетельское место был

вызван криминалист, коротко рассказавший о результатах анализа «значительных пятен крови на куртке подростка» и обнаруженной на обшлагах его серых габардиновых брюк смеси песка с угольной пылью.

— Вы указали в своем рапорте о состоянии этих брюк? — спросил Харди.

— Да. Я указал, что это были очень хорошие модные брюки, отутюженные и, судя по всему, только что побывавшие в чистке.

— Однако их носили после чистки?

— Да, носили. Но очень недолго.

Харди с самодовольным видом уселся на свое место. Встал Ньютон и, выпятив вперед живот, так долго раскачивался на своих коротких ногах, что судья не выдержал и проскрипел:

— Мы вас слушаем, мистер Ньютон.

— Да, милорд. Итак, мистер, мистер... — Ньютон нагнулся и посмотрел в свой блокнот, разыгрывая забывчивость. — Ага, мистер Прайс. Прежде всего давайте займемся вопросом о так называемых «значительных пятнах крови на куртке Гарднера». Слово «значительные» чисто технический термин, не так ли?

— Я бы не сказал. Это означает, что пятна не микроскопически малые, а могут быть заметны невооруженным глазом.

— Ха. Благодарю вас. Но это, насколько я понял, ни в коем случае не означает — не так ли? — что эти пятна, где бы и когда бы их ни посадили, имеют прямое отношение к нашему делу.

— Это не мне решать.

— Пятна имеют ту же группу крови, что и кровь Гарднера, верно?

— Да.

— Из чего вытекает, что он мог когда-то порезаться сам и посадить на свою куртку пятна.

— Только не «когда-то». Эти пятна были посажены незадолго до того, как я проводил анализ.

— А именно? Можете назвать точную дату?

— Нет. Это сделать невозможно.

— Значит, они вполне могут оказаться кровью самого Гарднера, что можете подтвердить вы как научный эксперт. Реально?

— Да, вполне.

— Благодарю вас. А теперь, мистер Прайс, я бы хотел возвратиться к брюкам. Насколько я понимаю, суть этой улики сводится к тому, что Лесли Гарднер якобы надевал эти брюки в ночь шестого ноября, когда был убит Джоунз. А не сумели

бы вы, опираясь на свои научные знания, сказать, в какой именно день эта смесь песка и угольной пыли попала на обшлага?

— Нет. Оно основано на моей наблюдательности.

— По-вашему, это могло произойти и шестого ноября, и шестого октября?

— Да.

— А это ваше наблюдение относительно того, что брюки только что из чистки, оно тоже основано на ваших научных познаниях?

— Нет. Оно основано на моей наблюдательности.

— Благодарю вас. А теперь, мистер Прайс, представьте себе, что вы приходите домой за полночь, после того, как вас несколько часов поджаривали, да, да, именно поджаривали в полиции, а потом выходите из дому с намерением кого-то убить, станете вы надевать только что вычищенные и отутюженные брюки?

Прайс ухмыльнулся и пожал плечами. Судья Эрэлз укоризненно взглянул на Ньютона и уже собрался было сделать ему едкое замечание, как тот вдруг плюхнулся на свое место.

Это выступление дало Юстасу Харди повод задуматься над тем, куда может клонить защита. Однако Харди был не из той породы людей, которые отдаются делу душой и сердцем, поэтому эксцентричные выходки защиты его несколько не обеспокоили. К тому же он придерживался классических канонов в юриспруденции, а в жизни был романтиком, далеким от действительности. В тот вечер, забыв про все на свете, он с упоением читал в кровати третий том «Истории Англии» Маколея.

Твикер же почувствовал сильное беспокойство. В шесть тридцать он провел совещание с Норманом, Лэнгтоном и начальником полиции. Они решили, что эта улика, касающаяся брюк, неопровержимо доказывает вину Гарднера и тут все зависит лишь от них самих. Просто Ньютон цепляется за все, что попало, и всю паясничает. Однако Твикера не больно удовлетворили эти аргументы. В ту ночь он, можно сказать, не сомкнул глаз.

Хью Беннет не почувствовал облегчения, на которое так уповал, признавшись на свидетельском месте, что не может опознать Гарднера. Казалось бы, последняя мимолетная встреча с Джилл должна была подготовить его к тому приему, какой оказали ему в редакции, и все-таки он был застигнут врасплох, когда Лейн, выпустив клубы синего сигарного дыма, изрек:

— Значит, ты все-таки отважился на этот шаг. Когда же отходит твой поезд?

— Вы о чем?

— Я слышал, они собираются учредить «Беннет спешал экспресс», — сказал Лейн. — Для молодых репортеров, пробивающихся наверх. В Лондон, я имею в виду.

Хью все понял. Он молча сел за пишущую машинку, достал блокнот и стал ожесточенно печатать абзац из светской хроники.

— Еще один мальчик из провинции унюхал сладкий запах успеха, — продолжал Лейн. — Ну, ладно, ладно, Хью, я молчу. Только не забудь в следующее рождество положить монетку в шляпу старого Лейна, побирающегося на углу, — большего я от тебя не прошу.

Через полчаса в комнату вошла Клэр и положила ему под нос номер «Ивнинг стандарт».

— Ты попал на первую полосу.

Хью пробежал глазами заголовок: «СЕНСАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ГАЯ ФОКСА. МЕСТНЫЙ РЕПОРТЕР ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ СВОИХ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ». Он кивнул и сложил газету. Клэр уселась на его стол и вытянула свои длинные ноги.

— Мне кажется, твой друг Фэрфилд обладает прекрасным даром убеждать. Чего же он наобещал тебе, Хью? Место дублера? Сказал, тебе осталось подождать совсем недолго до той поры, когда у него начнется белая горячка?

-- Фэрфилд ничего про это не знал.

— Ну, скажу тебе, ты и рванул. Знаешь, я бы тоже хотела попасть в Лондон, но есть вещи, на которые я не отважусь даже во имя карьеры.

Хью вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. В коридоре лицом к лицу столкнулся с Грейлингом.

— Вижу, вы снова в гуще событий, — без малейшего намека на улыбку сказал Грейлинг. — Похоже, вы жить без этого не можете.

— Меня вызвали дать свидетельские показания.

— Да, тягостная необходимость. Но сказать сначала, что вы кого-то опознали, а потом вдруг сказать, что не опознали, это, скажем прямо, довольно сенсационное событие.

— Но ведь я не покривил душой.

— Приведу вам высказывание нашего председателя, с которым только что говорил по телефону. Он сказал: «Да, Грейлинг, все это указывает на тревожный симптом, а именно: отсутствие у молодых людей чувства ответственности». И я был вынужден с ним согласиться.

— Вы хотите сказать, что если я когда-то сделал ошибочное утверждение, то так и должен его отстаивать?

— Молчу, Беннет, молчу.

Дверь в комнатку Фермера Роджера была открыта настежь.

— А, Хью, мой мальчик, заходи, — окликнул его тот. — Перед тобой художник, испытывающий муки творчества. Оттачивание, оттачивание и еще раз оттачивание — вот первая и главная заповедь стилиста. Кажется, это Стивенсон сказал? А кто из наших читателей это оценит, спрашиваю я тебя? Мы делаем это ради собственного удовольствия, ради того, чтобы удовлетворить это загадочное нечто, которое вынуждает нас лезть вон из кожи, устремляясь на штурм вершин. — Фермер Роджер хитро прищурил глаза. — А что это болтают о тебе, мой мальчик? Не уходи, мне нужно с тобой серьезно поговорить.

«Как так может вдруг случиться, что человек, совсем недавно казавшийся мудрецом, выходит на поверку старым трепливым занудой?» — мучительно спрашивал себя Хью. Он старался отгородиться от стремительного потока обрушившихся на него фраз, но кое-что оседало в мозгу: «...сияющая мечта, вечно ускользающая от нас... Честертон сказал, что ее блеск так же ярок, как блеск золота... дурное влияние этого дьявольского отродья... прибегая к грубому сравнению, это называется гадить в собственное гнездо... Что там сказал Хаксли об этой шлюхе, богине Успеха?..»

— Да заткнись ты, старый лицемер! — неожиданно для себя крикнул Хью. — Я изменил свои показания только потому, что сам в них больше не уверен. Неужели ни у одного из вас не хватает порядочности это понять?

В тот вечер он впервые в жизни напился в стельку. Он осушал стакан за стаканом в американском баре «Гранд», и даже сам Фэрфилд едва за ним поспевал. По пути зашел в несколько пивных. Хью не помнил почти ничего из того, что говорил в тот вечер, но одна фраза напрочь засела в мозгу:

— Ведь ты, Фрэнк, знаешь правду. Ты не знал, что я скажу на свидетельском месте. Правда ведь, да? — весь вечер твердил он.

— Правда. Ты сам на это решился.

Хью грохнул ногой по стойке.

— Но почему этому никто не верит?

— Я думаю, Майкл этому поверит, — серьезно сказал Фэрфилд.

— Дружище Майкл. Но почему Джилл мне не верит? Если бы ты только видел, как она на меня посмотрела.

Он весь вечер долдонил одно и то же, Фэрфилд говорил очень мало — казалось, он спрятался за завесой алкоголя. До Хью дошло задним числом, что это тактичное молчание бы-

ло лучше любых слов утешения. Фэрфилд отвез его домой в такси. Хью казалось, что лестница под ним колышется как ступень. На верхней ступеньке его встретил Майкл.

— А, пропащий свидетель. Заходила твоя подружка. Оставила записку. Да ты, я вижу, набрался.

— Где записка?

Слова прыгали у него перед глазами, но, к счастью, их было немного: «ХЬЮ, МНЕ КАЖЕТСЯ, Я СКАЗАЛА СЕГОДНЯ ЧТО-ТО НЕ ТО. У ТЕБЯ БЫЛ ТАКОЙ ВИД. ПРОСТИ. ТЫ БЫЛ ВЕЛИКОЛЕПЕН. Я НЕ ДО КОНЦА ТЕБЯ ПОНЯЛА. ВЕДЬ Я ГОВОРИЛА ТЕБЕ, ЧТО Я РАЗМАЗНЯ. ЛЮБЛЮ. ДЖИЛЛ.»

Осилив эти строки, Хью плюхнулся в кресло и расхохотался. Фэрфилд с Майклом уложили его в постель.

На следующее утро Харди наконец раскрыл свои карты, обнаружив улики, о которых не сообщалось в печати. Первым номером он выпустил Твикера, подтянутого, мрачного и взволнованного, который рассказал о посещении им поселка Плэтта, о пробе песка и угольной пыли, взятой с обшлагов брюк Гарднера. Его место занял грузный и развязный Норман, рассказавший о расследованиях, проведенных им в прачечной-химчистке «Быстро и чисто».

— Вы представите суду реестр, который вам дала мисс Плай? — поинтересовался Харди.

— Да.

— И в этом реестре помечено, что пара серых брюк была доставлена Гарднерам в пятницу, шестого ноября?

— Совершенно верно.

— А есть ли в реестре другая запись, касающаяся поступления в чистку серых брюк?

— Да.

— И что вы скажете относительно этой записи?

— Она всего одна и сделана в июне.

Чтобы стянуть узел обвинений еще туже, был вызван водитель фургона, который показал, что в пятницу шестого ноября он, как обычно, вручил брюки мисс Гарднер. Они были в отдельном пакете из оберточной бумаги.

— Не вижу, с какого боку сможет копнуть Ньютон под эту улику, — говорил Харди своему помощнику накануне открытия утреннего заседания. — Все выстроено в изумительной последовательности. Логично, ясно.

— А если бы вы были на месте Ньютона, за что бы вы зацепились?

Лицо Харди выражало предельное удовольствие. Такая софистика была ему очень даже по душе.

— Я бы на его месте ограничился бы минимумом вопросов. Не касаясь главного, проделал бы небольшие бреши по мелочам, а потом постарался бы убедить жюри в том, что все это яйца выеденного не стоит. — На лице Харди появилось то самое выражение презрительного превосходства, из-за которого у него почти не было друзей. — Но, мне думается, Ньютон ни за что не догадается подойти к делу именно с этого бока.

Однако Ньютон подошел к нему с нужного бока. Он не задал ни единого вопроса ни Твикеру, ни водителю фургона, а его вопросы, обращенные к Норману, звучали робко и как будто неуверенно.

— Откуда вы узнали, что семья Гарднеров пользуется услугами прачечной-химчистки «Быстро и чисто»?

— Я провел расследование в этой местности.

— Вы получили информацию от кого-нибудь из Гарднеров?

— Нет, — уклонился от прямого ответа Норман.

— А не проще ли было спросить у них самих, куда они сдают белье?

Всем своим видом Ньютон подразумевал, что так бы поступил каждый нормальный человек.

— Я решил, сэр, что в данном случае целесообразней спросить об этом посторонних людей.

— Понимаю ваш ход мыслей. Надеюсь, вы разговаривали с самим директором прачечной, мистером... Бостиком?

— Нет, сэр. Я говорил всего-навсего с мисс Плай, управляющей.

— И это опять-таки для того, чтобы сохранить все в тайне?

— Вы правы. Я хотел, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

— Уж не для того ли вся ваша секретность, чтобы подольше скрыть это от защиты? — вкрадчивым голосом спросил Ньютон.

Харди вскочил на ноги как ужаленный.

— Я уведомлен о том, что защиту поставили в известность в должное время. Еще до начала процесса, милорд, — заявил он, обращаясь к судье.

— Вы беретесь оспаривать этот факт, мистер Ньютон? — проскрипел судья Брэклз, устремив на Ньютона взгляд поверх своих очков.

— Беру назад свое предположение, милорд, — игривым тоном парировал Ньютон.

— Это был самый неуместный вопрос за весь процесс, — презрительно констатировал судья Брэклз.

— Итак, обнаружив, что серые брюки были вручены мисс Гарднер шестого ноября, вы прекратили все расследования в этом направлении. Я не ошибся? — поинтересовался Ньютон у Нормана.

— Вы не ошиблись.

Вслед за этим Харди кратко изложил основные положения, пытаясь намертво закрепить в мозгу жюри тот факт, что Гарднер мог надеть эти серые брюки не раньше, чем ночью шестого ноября.

— Остальное решать королевскому суду, — сказал он.

Судья Брэкклз кивнул и взглянул на свои часы.

— А сейчас пора сделать перерыв для ленча, — объявил он.

Хотя эта новая улика и представляла некоторый интерес, в целом журналисты были разочарованы ходом утреннего заседания. Не было на нем ни обмена колкостями, ни завуалированных обвинений во лжи, одним словом, всего того, из чего получается хороший материал. Кое-кто из репортеров даже высказал предположение, что Ньютон отступился, пустив все на самотек, другие считали, что он еще не раскрыл своего козырного туза.

— По-моему, этот процесс здорово смахивает на те, про которые пишут в своих пьесах Мэри Дугган и Агата Кристи, — рассуждал Майкл. — Того и гляди на сцену выйдет какая-нибудь потрясающая актриса, к примеру, та же Нита Элвин, что выступала на прошлой неделе в Королевском театре, и закричит со свидетельского места: «Этот мальчик невиновен! Он провел ту ночь со мной!» Верно?

— Неверно.

— Я так и думал. Но ведь вам известно, что случится, да? Ну хотя бы в общих чертах.

Фэрфилд лишь ухмыльнулся.

— Не вижу, с какой стороны можно копнуть под эти брюки. В пятницу днем их получили из прачечной, а в субботу вечером на них уже была эта пыль из поселка Плэтта. Просто невтерпеж знать, что предпримет защита.

Однако Майклу пришлось еще долго ждать. Пока не произнесет свою речь Гэвин Эдмондз, пока не выговорится Магнус Ньютон, на этот раз сделавший особый упор на то, что защита выставит свидетеля, который скажет, что вечером пятого ноября было слишком темно, чтобы разглядеть лица. Майкл думал, что Ньютон постарается обойти молчанием эти серые брюки, но он, наоборот, оставил их на закуску.

— Леди и джентльмены, одно из положений, на которое обвинение делает особый упор, касается брюк, принадлежащих Лесли Гарднеру, пары серых брюк, отданных в прачечную-химчистку «Быстро и чисто» и возвращенных заказчику днем шестого ноября. Честно говоря, во всей этой неразберихе догадок и предположений, из которых обвинение выстраивает против моего клиента дело, это положение выпячивается вперед как неопровержимый факт, якобы связующий воедино все остальное. Согласно услышанному в этих стенах эти брюки были обнаружены на следующий день после убийства подростка Джоунза и в их обшлагах были найдены следы песка и угольной пыли. Такая смесь якобы существует лишь в поселке Плэтта, так что сие якобы свидетельствует о том, что Гарднер побывал там в пятницу ночью. Как вы могли заметить, леди и джентльмены, я не стал тратить много времени на перекрестный допрос по этому вопросу. И это связано с тем, что сам Гарднер даст вам на него полный и исчерпывающий ответ. Он вскорости займет свидетельское место, и вы услышите от него, что эти серые брюки вовсе не поступали в химчистку-прачечную «Быстро и чисто», а значит, и не могли быть доставлены оттуда, что это была другая пара брюк того же цвета...

Репортеры лихорадочно застрочили в своих блокнотах. Выходит, секрет вот-вот раскроется? Но Ньютон сел на свое место, и их любопытство надолго осталось неудовлетворенным, ибо настал черед Гарни давать свои показания. А этот, по общему мнению, был пропащим, для него не осталось и проблеска надежды. Конечно же, он это знал, ибо вел себя надменно и вызывающе, как загнанное в угол большое животное.

— Он восхитителен, — прошептал Майкл, склонившись к Фэрфилду. — Правда, он восхитителен?

В ответ Фэрфилд произнес одними губами: «Взгляни на другого». Майкл повернул голову и увидел, что Лесли Гарднер так и подался вперед, замороженно глядя на своего друга. Для него, Лесли Гарднера, смысл был лишь в одном: в том вызове, который бросал всему миру Гарни. А этот Гарни, в чьих ответах сквозила наглая ложь, казался впечатлительному Майклу Бейкеру человеком, на которого не распространяются никакие права, даже право быть отданным под суд. Да, он оставляет за собой право вести себя как заблагорассудится: ворваться на мопеде в Фар Уэзер и походя убить человека, уничтожить любого, нарушившего созданный им свод законов. Нет, Гарни не признавался во всех этих проступках, весь смысл его выступления сводился к тому, что он прав, даже если бы и совершал их.

По общему мнению, впечатление, которое произвел Гарни на жюри, крепко поставило под сомнение шанс его друга Лесли Гарднера быть оправданным, хотя в уголовном кодексе и нет специальной статьи за дружбу с преступником.

Хью до полудня не мог поднять с похмелья головы. Наконец собрался с силами и, выпив несколько чашек чаю, отправился в редакцию. Весь день он брал интервью у самых различных людей, темой которых было сооружение огромного автопарка на месте пустоши в центре города. Он шел домой, согнувшись под встречным ветром, который насквозь пронизывал его тоненький плащ. Снеговые тучи, так до сих пор и не просыпавшиеся на землю, висели низко над городом, угрожая ненастьем. Хью продрог до самых костей и, когда в дверь позвонили, долго не мог решиться вылезти из-под теплого одеяла. Спустившись вниз по провонявшей капустой лестнице, он впустил Джилл.

— Тебя сегодня не было в суде, — сурово сказала она.

— Я был болен. Да нет, не болен. Просто я вчера набрался.

— Набрался? — с отвращением переспросила она. — С чего это?

— Похоже, меня доконало выступление в суде. А тут еще всякие разговоры в редакции. Спасибо тебе за записку.

— Понимаю. Мне жаль, что я...

— Что ты...

— Да нет, ничего. Ты дрожишь?

— Я замерз.

— Иди ляг. Я приготовлю что-нибудь горячее.

Хью надел пижаму и лег.

— Просто не пойму, что творится с папой: он так странно себя ведет, — говорила она с ним из кухни. — Знаешь, нам придется переехать.

— Что ты сказала?

— Нам придется переехать в другое место. Всем троим. Нам нельзя оставаться на Питер-стрит. — Она появилась на пороге с дымящейся чашкой. — Как только Лесли выпустят, мы переедем.

— Ясно.

У Джилл дрожали губы. В лице не было ни кровинки.

— Ты считаешь, он виновен? Да? Его осудят? О, Хью, как я несчастна!

Она осторожно поставила чашку на обшарпанный комод и рухнула к нему на кровать. Ее губы были горячи и податливы. На его ласки она отвечала не со страстью, а с отчаяньем

человека, нуждавшегося в утешении. Между ними было сказано всего несколько слов. После она раза три всхлипнула, а он стал пить чай, который давно остыл.

Хью больше не дрожал.

На следующее утро настала очередь Лесли Гарднера занять свидетельское место. Он выглядел совсем юным, и Ньюто́ну предстояло сыграть на юности Гарднера, но в то же время начисто отмести любую попытку представить все дело так, будто этот парень мог оказаться слепым орудием в чужих руках. В чем сам Гарднер, надо сказать, оказывал ему дурную помощь. Даже в его манере одеваться чувствовалось желание подражать Гарни. Он заговорил робко и тихо, но когда судья попросил его говорить громче, стал дерзить. В общем, Ньютон был к этому готов. Мальчишке следовало дать время угомониться, и сначала его вопросы касались всяких пустяков.

— Так, значит, в тот день, в день Гая Фокса, вы закупили фейерверков и поехали в Фар Уэзер?

— Да.

— И что вы собирались там делать?

— Мы собирались проучить этого типа Корби. Попугать его фейерверками.

— Скажи-ка мне, только честно: вы не замыслили напасть на Корби?

— Конечно, нет.

— А у тебя был в кармане нож?

— Да, — нехотя сказал Гарднер. Он согласился признаться в этом лишь под значительным нажимом со стороны Ньютона во время их второго свидания в тюрьме. Ньютон был убежден, что признание подсудимым этого незначительного, но тем не менее неоспоримого факта лишь укрепит его позицию в других, более важных вопросах.

— Где ты его носил?

— В кармане брюк.

— И ты собирался им воспользоваться?

В зале воцарилась мертвая тишина. Гарднер сделал над собой почти видимое усилие казаться серьезным:

— Нет, сэр.

— Тогда зачем ты носил его при себе?

— Вместо бляхи. У нас у всех были ножи.

— У вас у всех были ножи. Ты в этом уверен?

— Нет. То есть я хочу сказать, что мы их друг другу не показывали. Просто носили забавы ради.

— Такие у вас были .

Ньютон достал тонкую финку, нажал кнопку, и лезвие, щелкнув, разогнулось. Гарднер кивнул. Ньютон раскрыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут вмешался судья:

— Минуточку, мистер Ньютон. Мне показалось, будто ты сказал, что ножи были у вас чем-то вроде бляхи и что вы никогда ими не пользовались. Правильно я понял?

— Правильно.

— Значит, ты утверждаешь, что никогда не пользовался лезвием своего ножа? Никогда в жизни?

— Ну, я не знаю... Может, строгал им деревяшку или что-нибудь еще делал, — пробормотал Гарднер.

— Сперва ты сказал, что никогда не пользовался своим ножом. В буквальном смысле слова это означает, что ты вообще не открывал его лезвия. Если же ты хотел сказать, что все-таки пользовался им изредка, ты бы вспомнил точно, для чего. Ясно? — Гарднер кивнул, не сводя зачарованного взгляда с судьи. — А теперь я хочу спросить у тебя — только помни, что ты поклялся говорить только правду, — угрожал ли ты кому-нибудь своим ножом?

Гарднер замотал головой еще до того, как судья закончил свой вопрос.

— Нет, нет. Никогда.

— Может, ты видел, как это делал кто-то из твоих друзей?

— Нет. Никогда.

Судья, израсходовав свой небольшой запас энергии, повалился в кресло. Ньютон медленно встал, с трудом скрывая накипавший гнев. По выражениям лиц членов жюри было ясно, что они думают об ответах мальчишки. Ну не кретин ли? Но сейчас главное — его не напугать.

— А теперь я бы хотел, чтобы ты сам подробно рассказал жюри, что все-таки произошло, когда вы приехали в Фар Уэзер.

— Мы заглушили моторы, но перед этим осветили место фарами, чтобы знать наверняка, туда ли попали. Потом вышли на лужайку. Король, то есть Гарни, кажется, шел впереди, но было очень темно и ничего не видно. Кто-то крикнул: «Всыпь ему, Король!» Я увидел, что Корби стоит у костра, и кинул в него свои фейерверки.

— Кто сказал: «Всыпь ему, Король!»?

— Не знаю. Вокруг так галдели.

— А где стоял в это время ты?

— Где-то посередине. Понимаете, мы шли вразброд. Потом я услышал какие-то крики, чей-то вопль и как кто-то скомандовал: «Поехали». Мы бросились к своим мопедам и уехали.

Такова была версия Гарднера. Согласно ей он не толкал никакой Морин Дайер, не боролся с Беннетом, не кричал: «Всыпь ему, Король!» Он не отрицал того, что сказали остальные подростки по поводу замечания Короля («Мы пришили этого ублюдка»), но утверждал, что под этим «мы» Король вовсе не подразумевал его. По мере того как словесная паутина Ньютона становилась все тоньше и изысканней, Гарднер делался спокойней и его речь звучала связно и плавно. Постепенно складывалось впечатление, что он, Лесли Гарднер, имеет такое же отношение к смерти Корби, как и другие приспешники Гарни. А какие, собственно говоря, выдвигались против него обвинения, кроме весьма расплывчатых показаний нескольких свидетелей, якобы разглядевших его в отблесках костра? Итак, благополучно миновав это скользкое место, Ньютон перешел к событиям следующего дня.

— Что произошло после того, как вы кончили работу?

— Нас забрала прямо с фабрики полиция и отвезла в участок.

— Вам сообщили причину?

— Уже в участке. Но мы и так догадались.

— Вы догадались, что это связано с нападением на Корби?

— Да.

— И долго вас продержали в участке?

— Нас отпустили домой после полуночи.

— Так, так. После полуночи. Выходит, вы пробыли в участке шесть часов. Вас хоть покормили?

— Мне дали чашку чаю с сэндвичем. Но только после того, как я дал показания.

Юстас Харди медленно встал со своего кресла. Его физиономия скривилась в брезгливую гримасу, будто он учуял дурной запах.

— Милорд, я не вижу необходимости задавать подсудимому вопросы подобного рода, если только мой ученый друг не хочет сделать утверждение, что свидетеля заставили дать показания силой.

— Если вы разрешите продолжить мне, милорд, то в самом ближайшем времени поймете уместность такого вопроса.

Судья пристально посмотрел на Харди, потом перевел взгляд на Ньютона.

— Прошу вас продолжать, мистер Ньютон, — милостиво позволил он.

— И у тебя нет никаких жалоб по поводу того, как с вами

обращались в полиции? — зычным голосом спросил Ньютон.

Наступила мучительно долгая пауза.

— У меня нет никаких жалоб, — едва слышно ответил Гарднер.

— Сколько человек тебя допрашивало?

— Иногда один, самое большее два. Они менялись.

— Понятно. И как ты себя чувствовал после допроса?

— Я был совершенно вымотан и хотел одного — спать.

— Тебе хотелось одного — спать, — медленно повторил Ньютон. — Вполне тебя понимаю. Ты поел перед тем, как лечь?

— Я буквально свалился в постель. Мне было не до еды.

— Ты носил записку Джоунзу?

— Нет, конечно.

— Ты принимал участие в ночной расправе над ним в поселке Плэтта?

— Нет. Я спал в своей кровати.

— Хорошо, хорошо. — Внезапно Ньютон оживился. — Прошу вас обратить внимание на экспонат номер 31. — Экспонатом под номером 31 оказалась пара серых брюк, на обшлагах которых была обнаружена та самая злосчастная смесь песка с угольной пылью, на которую возлагало столько надежд обвинение. Гарднер взглянул на брюки и кивнул. — Как ты слышал, здесь было высказано предположение, будто ты надевал их в пятницу ночью. Это верно?

— Но я в ту ночь никуда не выходил.

— Очень хорошо. Далее: здесь было выдвинуто предположение, что эти брюки были доставлены из прачечной «Быстро и чисто» в пятницу днем. Это верно?

— Нет, это неверно.

— Ты в этом уверен?

— Но ведь я сам носил эти брюки в чистку и сам их оттуда брал.

— Как название химчистки, в которую ты сдавал брюки?

— «Кобург». На Хай-стрит.

— И какого числа ты их оттуда забрал?

— Я забрал их оттуда в среду, четырнадцатого октября, — спокойно ответил бледный подросток, по-видимому, не подозревая о том, какую реакцию в суде вызовет его ответ.

— Что это вдруг ты запомнил точную дату? — с наигранной издевкой поинтересовался Ньютон.

— Просто у меня сохранилась квитанция.

Ньютон порылся в лежавших перед ним бумагах и вытащил небольшой листок.

— Вот эта квитанция, милорд. Я попрошу прикрепить к ней ярлык и тоже считать ее экспонатом.

Судья Брэклз удостоил бумажку беглым взглядом.

— Очень хорошо.

У стола, где лежали все экспонаты, засуетился клерк. Потом судебный пристав изрек:

— Это экспонат номер 39.

— Благодарю вас. Может, жюри захочет на него взглянуть?

Члены жюри молча передавали друг другу этот небольшой клочок бумаги. Когда она попала к Юстасу Харди, тот удостоил ее равнодушным взглядом и снова впился глазами в Ньютона.

— Откуда у тебя такая уверенность в том, что ты носил в чистку «Кобург» именно эти брюки, а не другие?

— Но ведь это же габардиновые брюки, да?

— А, да, да. Так сказано и в квитанции, верно? «Одна пара габардиновых брюк. Чистка и глажение», — громко прочитал Ньютон, держа квитанцию на вытянутой руке. — Есть какая-то особая причина, почему вдруг ты запомнил эту пару габардиновых брюк?

— Да. У «Кобурга» чистят габардиновые брюки особым способом, чем-то пропитывают, что ли. Мне так сказали там, когда я принес их в первый раз. До этого я отдавал их в «Быстро и чисто», но там их плохо почистили.

Гарднер говорил тоном придиричивого щеголя. И держался он теперь как-то уж слишком свободно.

— Ты забрал эти брюки из чистки четырнадцатого октября. Между этим числом и пятым ноября ты был хотя бы раз в поселке Плэтта?

— Конечно, был. Мы проводим там свои собрания.

— И надевал туда эти брюки?

— Да. Три или четыре раза.

— И ты входил через задний вход?

— Да. Всегда только оттуда. И несколько раз спотыкался о старую песочницу.

Пора было подвести финальную черту. Ньютон заявил, что у Лесли Гарднера всего одна пара габардиновых брюк, а затем достал и показал как экспонат пару серых шерстяных брюк, вычищенных, отутюженных и явно после этого не ношенных, и высказал предположение, что именно эти брюки побывали в прачечной «Быстро и чисто». Вслед за этим на свидетельское место вызвали приемщицу из «Кобурга», которая припомнила разговор с Гарднером по поводу специальной обработки габардиновых брюк. Но это уже прозвучало как издевка над побежденным врагом.

Климат в суде резко переменялся. Это почувствовали даже люди, мало сведущие в делах подобного рода. Еще бы, Ньютон так и светился от радости, а бледные щеки Лесли Гарднера, казалось, вот-вот нальются цветущим румянцем. Для Хью Беннета такой поворот дела не был неожиданным. Они с Фэрфилдом внимательно следили за ходом событий с того самого момента, как поняли, какое значение имеет эта вторая пара серых брюк, упомянутая Джилл. Об этой улике они сразу же поставили в известность Джорджа Эрла, помощника барристера, и теперь лишь ждали, когда Магнус Ньютон захлопнет ловушку. Хью, сидевший двумя рядами сзади Джилл и чуть сбоку от нее, видел, что девушка вся превратилась в слух. Рядом с Джилл сидел ее отец, неподвижный, погруженный в сонное оцепенение. Его склоненная набок голова нет-нет да подергивалась, губы беззвучно шевелились. Казалось, он сейчас возьмет и рассмеется.

Сидевший на репортерской скамье Майкл Бейкер смотрел на Ньютона точно замороженный.

— Так вот в чем дело, — прошептал он, наклонясь к Фэрфилду. — Брюк-то оказалось две пары.

— Брюк оказалось две пары, — эхом откликнулся Фэрфилд.

— А они даже не потрудились проверить.

— Они были слишком уверены в своей непогрешимости. К тому же им не хотелось тревожить своими расспросами Гарднеров.

— Честное слово, покатится с плеч чья-то голова, — с благоговейным страхом прошептал Майкл.

Лишь только стали ощутимы масштабы катастрофы, постигшей обвинение, в их рядах началась сумятица, незаметная нетренированному глазу. Там искали какие-то несуществующие бумажки, в недоумении склоняли друг к другу увенчанные париками головы, шепча какие-то растерянные оправдания. Все это говорило о том, что обвинение не проявило должного любопытства или же просто посчитало недостойным для себя делом проверить все детали, касающиеся пары серых брюк. Вообще-то это было делом полиции, и уж кто-кто, а Твикер это знал. Суперинтендант сидел точно изваяние и, скрестив на груди руки, молча глядел в пространство перед собой. Он обернулся всего один раз, но при этом измерил Нормана таким взглядом, от которого тому и вовсе сделалось не по себе. К чувству собственной вины примешивалась еще и жалость к человеку, чья гордыня была повергнута в прах. Норману хотелось крикнуть, что это несправедливо, вопиюще несправедливо позволять защите сыграть с ними такой ловкий трюк. Но спроси у него, в чем конкретно заключалась эта несправедливость, он бы всего-

навсего ответил, что защита не имеет никакого права преподнести сюрприз подобного рода перед заключительным словом обвинителя. Что касается собственной вины, то тут Норман не испытывал особого раскаяния. Он знал, что полиции все равно никогда не добиться от родственников обвиняемого того, чего способна добиться от них защита. Просто в данном случае им не повезло. Но не исключено и то, что их могли обвести вокруг пальца.

Самым равнодушным среди всеобщего возбуждения казался Юстас Харди. Он обладал способностью не падать духом ни при каких поворотах фортуны. Еще бы, построить всю обвинительную речь вокруг одного сильного довода и вдруг внезапно обнаружить, что все опоры, на которых она зиждется, напрочь расшатаны, — такое могло деморализовать кого угодно, но только не Юстаса Харди. Со свойственной ему беспристрастностью он оценил, что время для бомбы выбрано самое что ни на есть подходящее, и отметил чутье Ньютона, воздержавшегося загонять в угол своими вопросами Твикера и Нормана, — в таком случае его сюрприз мог бы оказаться преждевременным. Королевский прокурор успокоил себя тем, что отныне поставил этот вопрос с брюками в ряд несущественных, и все свое внимание сосредоточил на отыскивании слабых мест в броне, которой Ньютон окружил хрупкую фигуру подсудимого. Когда Харди встал, чтобы задать свой вопрос теперь уже слишком уверенному в себе Лесли Гарднеру, в его манерах сквозило все то же самоуверенное презрение ко всем окружающим, а в серебряном голоске даже появились изящные обертоны горного хрусталя. Первый же его вопрос, заданный с томной непринужденностью, заставил Лесли Гарднера вздрогнуть от неожиданности, как будто он наткнулся в темноте знакомой комнаты на предмет, стоящий не на своем месте.

— Тебе нравится Гарни?

Гарднер посмотрел на темноволосого парня, стоявшего за перегородкой, но лицо его друга оставалось бесстрастным.

— Да, — ответил он и откашлялся. — Он мне нравится.

— По-моему, он тебе нравится больше всех остальных ребят в вашей группе или, как вы ее называете, «ватаге», да?

— Да, наверное.

— Что значит это твое «наверное»? Ты ведь точно знаешь, так это или нет. Значит, он тебе нравится больше всех остальных?

— Ну и что, если даже так?

— А я разве сказал, что это предосудительно? Но он тебе очень нравится, верно?

— Да, — отрывисто бросил Гарднер.

Хью Беннет, найдя глазами Джорджа Гарднера, прочитал

на его лице страстное, нетерпеливое желание не пропустить ответ сына. Как будто от этого ответа зависело решение проблемы, над которой он бился полжизни.

— Твоя мать умерла, да? — продолжал выводить свои рулады серебряный голосок Харди. — Кто на тебя имеет большее влияние: Гарни или твой отец?

— Я плевать хотел на то, что говорит мне отец.

— В самом деле? Значит, ты идешь своей дорогой, да?

— Да, я иду своей дорогой, — с вызовом сказал Гарднер, но было в этом вызове что-то жалкое, ибо на лице подростка было написано, что ему самой судьбой предназначено брать напрокат чужие мысли и желания, что его мечты искусственны — жалкое эхо подслушанного в кино и с экрана телевизора.

— Твой отец пытался на тебя влиять?

— Он только и знает, что читает мне проповеди, — громко сказал Гарднер. — И вечно ко мне придирается.

— Ты с ним пререкаешься?

— Да он слушает только себя.

Джилл положила руку на локоть сидящего рядом с ней отца, который не отрывал глаз от сына.

— Значит, ты обижаешься на своего отца. А Гарни-Король ближе тебе по духу. Он что, твой лучший друг?

— Да.

— Ты им восхищаешься?

— Да, — дерзко бросил Гарднер.

Магнус Ньютон проковырял концом своей шариковой ручки дырку в лежавшей перед ним бумажке.

— Он предпочитает тебя всем остальным?

— Да. Мы с ним большие друзья.

И Лесли Гарднер глупо ухмыльнулся.

— А если бы Гарни попросил тебя в ту ночь пойти с ним в поселок Плэтта, ты бы пошел?

Ответ сорвался с губ прежде, чем мальчик успел подумать:

— Он меня об этом не просил.

— Но ведь он знает, что на тебя можно положиться, что ты обязательно исполнишь то, о чем он попросит, потому что ты им восхищаешься.

— Но он никогда меня об этом не просил.

— А когда ты пришел туда, ты понял, что Гарни хочет убить Роуки Джоунза?

— Нет, это неправда.

— Представим себе, что ты идешь вместе с Гарни в этот заброшенный коттедж. А когда ты видишь, что он намеревается убить Джоунза, ты ему помогаешь. Так это было?

— Ничего подобного не было. — Лесли Гарднер обвел умо-

ляющим взглядом зал. Он взывал к судье, к своему адвокату, к темной фигуре Гарни, но только не к своему отцу.

— На твоей куртке обнаружена кровь. Откуда она?

— Не знаю. Я ведь уже сказал, что не знаю.

— Неужели?

— Наверно, я порезался.

— А ты не помнишь, при каких обстоятельствах это случилось?

— Нет.

— Может, ты объяснишь мне, каким образом тебе удалось, порезавшись, посадить пятна чуть ли не на плечи куртки?

Ньютон вскочил со своего места, но его опередил судья:

— Мистер Харди, свидетель уже сказал вам, что он не знает, откуда на его куртке пятна крови. Полагаю, вам следует удовлетвориться его ответом.

— Как будет угодно вашей чести, — надменно ответил Харди.

Гарднер шел к скамье подсудимых с низко опущенной головой. Очутившись рядом с Гарни, робко взглянул на своего товарища. Тот одобрил его поведение коротким кивком.

С появлением на свидетельском месте грибовода Моргана наступил тот спад, которым отмечены почти все процессы. Утверждение Моргана, что Пикетт никак не мог разобрать в такой темноте лица, было подвергнуто легкому сомнению со стороны Харди, заметившего с иронией, что ведь Морган смог узнать Пикетта, к тому же костер обычно отбрасывает много света. Но Моргана уже никто не слушал. Вопрос о том, можно ли было разглядеть Гарднера в ночь Гая Фокса, теперь казался второстепенным. Всех волновало одно и то же, а именно: что произвело большее впечатление на жюри — досадная промашка обвинения с брюками или же урон, нанесенный Гарднеру перекрестным допросом Харди.

— А что думаешь по этому поводу ты? — спросил Хью у Фэрфилда, восседавшего за стойкой в «Козле». — Каковы шансы на победу?

— У Гарни никаких. У Лесли примерно пятьдесят на пятьдесят.

— Не лучше?

— Нет. Он показал себя с дурной стороны.

— Но ведь все обвинение было построено именно на этих брюках.

— Харди вовремя переключился. Он был великолепен. А Лесли перетрусил. — У Фэрфилда был подавленный вид. —

Мне все это уже надоело до чертиков. Поговорим о чем-нибудь другом. И выпьем. За «Бэннер».

Они выпили. Потом Хью отправился в Райскую Долину. Дверь ему открыла Джилл. Ее лицо казалось застывшей маской.

— А, это ты. Входи.

— В чем дело?

— Да папа. По-моему, он рехнулся. Сегодня вдруг заявляет мне, что мы уезжаем в Австралию. Вдвоем. А Лесли вроде бы не его сын. Прошу тебя, поднимись к нему.

— Где он?

— В спальне. Он там ужинает.

В результате переделок, связанных с пристройкой ванной комнаты, на втором этаже получилось три конурки. В одной из них Хью и нашел Джорджа Гарднера. Тот сидел на кровати и ел рис с карри, жадно засовывая в рот ложку за ложкой. На нем была пижама, через расстегнутый ворот которой виднелась волосатая грудь. Он поднял ложку в знак приветствия. Выглядел он абсолютно нормально.

Все стены в комнате были увешаны фотографиями. С большого портрета в рамке глядела красивая девушка, чем-то похожая на Джилл, но с более мягкими чертами.

— Моя жена, — буркнул Гарднер с набитым ртом.

— Джилл похожа на нее. — Гарднер промолчал. — Я слышал, вы собрались в Австралию.

— И как можно скорей. Завтра поеду в Лондон разузнать насчет отъезда.

— А как быть с Лесли? Ведь пока неизвестно, чем все кончится.

— Плевать мне, как оно кончится. Как суд решит, так и будет. — Он засунул в рот полную ложку риса. — Да, жизнь тебе такое преподносит...

— Вы про что?

— Да про все. Мой отец с детства приучил меня к общественной деятельности. И Лесли я воспитывал в том же духе. Когда он был ребенком, таскал его на плечах по собраниям. Сам я с двенадцати лет участвую в митингах протеста.

— Да, да.

— Но почему он стал таким? А вот почему, скажу я вам. Потому что он не мой ребенок. — И он указал в сторону маленького комодика.

Сперва до Хью не дошел смысл его жеста. Потом он увидел

на комодике фотографию школьника в кепке, задорно и весело смеющегося.

— Это Лесли?

— Он не мой ребенок. Я ведь сказал вам, что воспитывал его так же, как меня самого воспитывали. Мой ребенок не позволил бы какому-то хулигану командовать над собой. Нет, он не мой ребенок.

И Гарднер пустился рассказывать про свою жену, сообщая повергнутому в смущение Хью подробности из ее интимной жизни, перечисляя мужчин, с которыми она проводила время, хвастаясь, как ловко их застукивал. И при этом с невыносимым удовольствием смаковал самые грязные подробности. Хью несколько раз пытался ему возразить, но он лишь изрыгал потоки брани. На тарелке еще оставалось немного риса, и, когда Гарднер сделал паузу и набросился на еду, Хью поспешил выскочить вон.

— Что он тебе говорил? — спросила внизу Джилл. — Про мать?

— Да, немного, — смущенно пробормотал Хью.

— Это все неправда, понимаешь? Он врет. Они были очень счастливы, преданы друг другу душой и телом. Мама больше ни на кого не глядела. — Она прижалась к нему, беззвучно рыдая. — О, Хью, как мне быть?

Они до полуночи пили на кухне чай, беседуя ни о чем и обо всем, как это обычно бывает у влюбленных, упиваясь одними взглядами и случайными пожатиями рук.

Наверху было тихо.

Письмо пришло на следующее утро. На плотной бумаге с грифом «Бэннер», отпечатанное крупным шрифтом и подписанное Эдгаром Кроли, редактором. Краткое, как и большинство писем за подписью начальства.

«ДОРОГОЙ МИСТЕР БЕННЕТ!

Я С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ ОЗНАКОМИЛСЯ С ВАШИМИ МАТЕРИАЛАМИ, КАСАЮЩИМИСЯ УБИЙСТВА В ДЕНЬ ГАЯ ФОКСА, А ТАКЖЕ МНОГО СЛЫШАЛ ПРО ВАС ОТ ФРЭНКА ФЭРФИЛДА. СВЯЖИТЕСЬ СО МНОЙ, КОГДА БУДЕТЕ В ЛОНДОНЕ, И МЫ ОБСУДИМ С ВАМИ ЗА ЛЕНЧЕМ КОЕ-КАКИЕ ДЕЛА».

Майкл точно замороженный глядел на листок бумаги. У него подгорел тост.

— Ну, мальчик, ты, кажись, поймал свою золотую рыбку. Ну и ну. Вот уж никогда не думал.

— Я пока ничего не поймал.

— Поймаешь. Иначе бы он не приглашал тебя на ленч.

— Еще не знаю, приму ли его приглашение.

— Ну, это ты брось. Такое везение случается раз в жизни и того реже. В ту ночь в Фар Уэзер ты попал прямо в компостную яму, а уж обо всем остальном позаботится матушка-природа, как говорит Фермер Гайлз.

— Ты пока помалкивай.

— Буду нем как могила. Слушай, а почему бы тебе сию же минуту не черкнуть ему ответ с приветом?

— Я еще подумаю. Майкл, а тебе не кажется, что это, так сказать, гонорар за мои показания?

— Не будь кретином.

— Спасибо тебе за все, Майкл, — сказал Хью, на мгновение задержав взгляд на красивом и безвольном лице друга, улыбка которого светилась доброжелательностью.

— Нашел кому говорить. Да я задыхаюсь от ревности, и стоит тебе скрыться с горизонта, как я начну распускать о твоей особе самые ужасные сплетни. Но не пойму, чего ты мудришь. Пошли ему телеграмму.

То, что произошло засим в редакции, лишь проиллюстрировало слова Майкла. В ехидной ухмылке приветствовавшего его Лейна сквозило неподдельное изумление. С этой ухмылкой он и отправил Хью взять интервью у человека, сорвавшегося вместе с лифтом с четвертого этажа, потом в местный аэроклуб, где запускали планер. Когда Хью ехал в пригород Нэтли к селекционеру, обладателю самой богатой в Англии коллекции морозостойких кактусов, ему вдруг безумно захотелось последовать совету Майкла и послать в «Бэннер» телеграмму.

— Разнообразие — вот что придает нашей жизни острый привкус, — изрек Лейн, ощерив свои желтые зубы. — Ты еще помянешь меня добрым словом, мой мальчик. Скажешь, был он упрямый и такой-сякой, но писать меня все-таки выучил.

— Так уж и помяну, — вяло огрызнулся Хью, беря со стола листок с адресом кактусовода.

— Мне ужасно жаль, мой мальчик, что ты не успеешь на заключительную часть процесса, — глумился Лейн, перекатывая во рту сигару. — Уж кто-кто, а Магнус Ньютон сумеет блеснуть в своем заключительном слове. В общем, весьма прискорбно, юный Хью, но ничего не поделаешь.

Клэр подняла глаза от журнала мод и как-то странно хихикнула.

Лейн окинул ее оценивающим взглядом.

— У вас новая прическа.

— Вам нравится? Дело рук Мориса с Пикард-стрит. Он настоящий мастер своего дела.

— Очень рад за вас, — сказал Лейн, пародируя ее псевдо-

лондонский акцент. — Дело в том, что сегодня в три тридцать по местному времени Морис делает прическу одной из наших типичных домохозяек, миссис Джексон. Слыхали про такую? Кстати, ей сорок восемь лет. Морис проводит специальный показательный сеанс новой стрижки «криспа». Так, кажется, ее обозвали? Попрошу вас прогуляться в те края и взять интервью у миссис Джексон. У Мориса тоже можете взять, если, конечно, тому есть что сказать.

— О господи!

Клэр схватила блокнот, хлопнула крышкой своего стола и выскочила вон.

Итак, Хью Беннету так и не довелось услышать это, как его окрестили впоследствии, «самое блистательное выступление Магнуса Ньютона». Кактусовод оказался на редкость экспансивным человеком. Он пустился в долгие и нудные рассказы о семенах, о своих любимых сортах, а под конец, когда в блокноте Хью скопилось материала на целую статью и он решил, что наконец-то его страдания кончились, кактусовод повел его на крышу полюбоваться мясистыми уродцами. В город Хью попал в четыре, а когда в десять минут пятого подъезжал к зданию суда, увидел у входа возбужденную толпу людей. Он спрыгнул с подножки трамвая и пустился бегом.

Дорогу ему преградила женщина с хозяйственной сумкой, которая вдруг оказалась на тротуаре и из которой во все стороны раскатилась картошка. «Виноват, виноват», — бормотал Хью, собирая картофелины, а совсем рядом гудела толпа, манила его к себе, обещая ответить на те вопросы, на которые нет и не может быть ответа. Наконец все картофелины, яблоки и бисквиты были на своем месте в сумке, и Хью нырнул в гущу толпы, бросая направо и налево: «Ну, что там?». В ответ слышалось что-то бессвязное. Он стиснул плечо какой-то толстухи, похожей на склеенные вместе воздушные шары. Женщина выпростала руку и с криком «Убери лапы!» больно хлестнула его по щеке своей увесистой мясистой ладошкой.

Он пробормотал извинения. Она прошла мимо, задев его своим могучим боком. «Что произошло?» — допытывался он у коротышки с озабоченным лицом и усами, похожими на зубную щетку.

— А я почему знаю?

— Вы разве не были в суде?

— Не, не был. Я занят был...

Хью так и не узнал, чем был занят коротышка. Легкое колыхание в толпе изменило ее рисунок, как меняется узор при

повороте калейдоскопа. Теперь перед его носом маячила длинная физиономия фермера-грибовода Морган в синем байковом пальто, застегнутом на все пуговицы. Еще одно колыхание, и они оказались прижатыми друг к другу.

— Морган! — окликнул Хью.

— Приветствую вас. Давайте выберемся отсюда и пропустим по стаканчику.

— Что произошло?

— ...пропустим по стаканчику.

Они медленно плыли сквозь людское море.

— Я не был в суде, — прокричал Хью. — Чем там все кончилось?

— Гарднера оправдали, Гарни признали виновным, — прокричал ему в ответ Морган. — Уж больно мудрый этот Харди, как бы ему это боком не вышло. Значит, встречаемся в «Пиковом тузе» на Кло-стрит.

Хью отчаянно работал локтями и наконец очутился на свободе. Точно вынырнувший из глубин пловец, он смотрел на сомкнувшиеся за ним волны людского моря, лишь сейчас обратив внимание на то, что толпа не столь уж и многочисленна. Человек сто, не больше. Теперь до него долетали обрывки фраз: «...Гарднеру повезло... Неосновательные обвинения парню предъявили... под суд отдали по ошибке...» Неужели все это говорили и тогда, когда он был частью толпы?

На Хай-стрит Хью поймал такси и велел шоферу ехать в Райскую Долину. По пути попытался разобраться в своих ощущениях и был удивлен, обнаружив, что вместо радости впал в какое-то оцепенение. Все было кончено, дело выиграно, и на душе было пусто. Пока длился судебный процесс, все шло своим чередом, но вот он закончился, и в его жизни назрели перемены...

Такси затормозило у дома Гарднеров.

— Ого, да тут целая компания! — присвистнул водитель.

Хью вышел из машины и огляделся. Возле дома стояло с полдюжины автомобилей, у ворот сновали люди с фотоаппаратами. Распахнулась дверь дома, и на пороге появилась белокурая Сэлли Бэнстед, элегантная, модно причесанная.

— Вам, мальчики, придется оставить эту затею, — звонким голосом сказала она. — Лесли слишком утомлен, чтобы беседовать.

— Пусть он сам это скажет, — крикнул кто-то. Другой голос поддержал:

— Тащи его сюда, Сэлли.

— Ладно, — неохотно согласилась та. — Сейчас он к вам выйдет. Только ограничимся одними снимками. Парень на самом деле вымотан.

В дверном проеме появился Лесли Гарднер. Из-за его плеча выглядывали Сэлли и Фрэнк Фэрфилд. На парня устремилось штук пять объективов. Со всех сторон посыпались вопросы:

— Каково оно на свободе?

— Тебе было страшно, Лесли?

— Какие у тебя планы на будущее?

— Что ты думаешь о своем адвокате, мистере Ньютоне?

— Кто раскопал вторую пару брюк?

Лесли шатался как былинка на ветру. Сэлли положила ему на плечо руку, что-то прошептала на ухо и вышла вперед.

— Он не в состоянии ответить на ваши вопросы, мальчики, — сказала она. — Сами видите, как он устал. Хватит вам и снимков.

— Так что будьте пайнками и катитесь ко всем чертям, — съязвил кто-то. Раздался взрыв смеха. Хью протолкался к калитке.

— Фрэнк! — окликнул он Фэрфилда. Тот обернулся, махнул ему рукой и придержал дверь.

Хью очутился в узком и темном коридоре бок о бок с Фэрфилдом. Сэлли окинула его подозрительным взглядом и скривила гримасу.

— Кто ты такой? — грозным шепотом вопрошала она. — Ах, да, тот самый, из местной газеты. Ему можно доверять? — спросила она у Фрэнка.

— Разумеется.

— Откуда мне знать о ваших отношениях? И какого черта ты привез эту семейку сюда? Их надо было свезти в какой-нибудь отельчик.

— Сэлли, голубушка, да разве после всего этого они бы поехали в отель? — терпеливо и тоже шепотом увещевал ее Фэрфилд.

— Но ведь мы оплатили защитника. В чем же дело?

— Наберись терпения, и все образуется.

— И что на них наехало? Можно подумать, они мечтали об обвинительном приговоре.

— В таком случае все было бы куда проще.

— Что-то ты мудришь. — Сэлли вся кипела от негодования. — Ну, ладно, пошли попробуем еще разок.

Джилл сидела рядом с отцом на красном плюшевом диванчике в маленькой гостиной. Ее руки беспомощно лежали на коленях, щеки были белее мела. Взгляд Джорджа Гарднера был прикован к противоположной стене, на которой висел автопортрет Ван-Гога. Он даже не повернул головы, когда они вошли в комнату. Лесли походил на изваяние — живыми были лишь пальцы, без устали барабанившие по подлокотнику кресла. Четвертым в комнате был фотограф в спортивной куртке.

Он положил фотоаппарат и вспышку на стол и теперь со скучающим видом стоял у стенки. Мрачное безмолвие этой живой картины нарушило решительное вторжение Сэлли Бэнстед.

— Ну, наконец избавились от них. Ты был просто изумителен, Лесли. А теперь за дело. Может, щелкнем для начала семейное фото?

— Я ведь сказал вам, мы не будем сниматься, — нарушил свое молчание Джордж Гарднер.

— Хватит тянуть резину. Вы заключили с «Бэннер» сделку. Извольте выполнять ее условия.

Пальцы Лесли перестали барабанить по подлокотникам.

— Я не заключал никакой сделки.

— Ты знал, что тебя будет защищать Магнус Ньютон. Тебе все растолковали самым подробным образом.

— Я не заключал никаких сделок. И ничего не подписывал. Сэлли достала маленький, украшенный драгоценными камнями портсигар и щелкнула такой же зажигалкой.

— Чего ты добиваешься? Еще денег?

— Нам не нужны ваши чертовы деньги, — сказал Джордж Гарднер. Его беззубый рот произнес не «чертовы», а «шортовы».

Сэлли сделала две глубокие затяжки и загасила сигарету.

— Фрэнк, ну-ка прояви инициативу.

Фэрфилд заговорил вполголоса, точно повторяя давно затверженный урок:

— Давайте-ка двинем всей компанией в бар. Там оно куда веселей. Отпразднуем нашу победу.

— Мне не до праздника, — изрек Джордж Гарднер.

Фэрфилд будто его не слышал.

— Только давайте сразу же поставим все точки над «и». Вкжу, вы не любите «Бэннер» и не хотите иметь с ней дело. Пусть так. Но поймите же вы в конце концов, что без нашего юного друга Хью и без меня, выкопавших эту историю с брюками, о которых Лесли ни за что бы не вспомнил, парня бы как пить дать засудили. Да и Ньютон сыграл не последнюю роль. У вас договор с «Бэннер»...

— Пусть газета возбуждает против нас иск, — прощамкал Гарднер-старший.

— Вы считаете, что это исключено. Возможно, вы правы. Но ведь дело не только в договоре. Любите ли вы «Бэннер» или нет, ваша семья в большом долгу перед этой газетой. Может, вам и удастся уклониться от его уплаты, только я знаю, каким прозвищем наделил бы мистер Гарднер члена профсоюза, пытающегося увильнуть от исполнения своего долга.

— Он прав, — сказала Джилл. — И вы оба это понимаете. Чтак, что вам от нас нужно? — обратилась она с Фэрфилду.

— Прежде всего фото. Несколько снимков Лесли и штуки две семейных. Другие газеты уже успели их сделать. Вам, надеюсь, не хочется, чтобы именно «Бэннер» оказалась в худшем положении. Потом мы с Лесли уединимся на одну ночку в каком-нибудь спокойном отельчике, пообедаем и набросаем вчерне наш рассказ.

— Но зачем пороть такую горячку? — спросила Джилл. — Дайте ему хоть денек отдышаться.

— Это нужно сделать именно сегодня, — сказал Фэрфилд. — Мы и так уже затянули. Больше откладывать некуда.

— Мы и в самом деле в долгу перед ними, — устало сказала Джилл.

Воцарилось молчание. Сэлли Бэнстед едва заметно кивнула фотографу. Они вместе шагнули на середину комнаты, точно актеры, ожидавшие за кулисами своего выхода.

Лесли Гарднер встрепенулся.

— А как быть с Королем? — спросил он почему-то не у Сэлли, а у Фэрфилда.

— С Королем?

— Да, в этой вашей статье. Что о нем сказать?

Казалось, впервые за весь вечер Фэрфилд был поставлен в тупик, хотя и не замедлил с ответом:

— Мы еще успеем это обговорить. Конечно, тебе придется сказать и про Короля.

— Его признали виновным. Его что, повесят?

— Не исключено. Ему уже девятнадцать.

— А меня бы не повесили?

— Тебя бы нет. Тебе только семнадцать.

— Ладно, поехали, — сказала Сэлли, обращаясь к фотографу.

Вспышка заставила всех вздрогнуть.

— Пускай тогда повесят и меня! — выкрикнул Лесли, вскакивая с кресла. — Я не хочу, чтобы меня оправдывали! Я тоже виновен!

Джилл вскочила с дивана. Хью никогда не забыть выражения их лиц: изумления на красивом лице Сэлли Бэнстед, восхищения, смешанного с недоверием, во взгляде фотографа, устремленном на Лесли, испуга Фэрфилда и этой воздетой к потолку руки Джилл. Один Джордж Гарднер остался непроницаем. Его голос прозвучал глухо, надсадно:

— Ты о чем?

— Я тоже виновен. И все вы это знаете. Разве нет?

— Нет. Мы ничего не знаем, — громко и решительно сказал Фэрфилд. — Ты, Лесли, ошибаешься.

Юноша не обратил на него ни малейшего внимания. Он обращался только к отцу:

— Я тоже виновен. Меня Король попросил. Ты ведь знаешь, я для Короля что угодно сделаю. Ты всегда об этом знал. Разве нет?

— А брюки? Как быть с брюками? — недоумевала Джилл.

— Я же был в своем старом коричневом костюме, в каком хожу на работу. — Он обвел взглядом всех собравшихся. — Теперь неважно уже, что я скажу, да? Меня оправдали, и никакой черт не засунет меня назад, в кутузку.

— Всему крышка, — как-то удивленно процедила Сэлли.

Лесли смотрел на отца. Его губы дрожали, в глазах были слезы.

— Ты ведь знал об этом, папа. Разве нет? — тихо сказал он.

Джордж Гарднер медленно встал с дивана. Сын с мольбой смотрел на него. Плевок пришелся прямо на щеку. Лесли заплакал.

— Папа, папа, — твердил он сквозь слезы.

— Убийца, — сказал Гарднер. — Ты не мой сын.

Когда он шел мимо Лесли, тот схватил его за край куртки. Гарднер обернулся и наотмашь ударил его по лицу. Удар был несильный, но кольцо в кровь разбило губу мальчика. Гарднер громко хлопнул входной дверью.

— Фрэнк, — тихонько окликнула Фэрфилда Сэлли. Хью еще никогда не видел ее такой просветленной. Фэрфилд кивнул, и все трое медленно вышли из комнаты.

— Вот и наступила развязка, — сказала Джилл. Она смотрела на Лесли, который, скорчившись, рыдал на полу.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Уходи, Хью. Я хочу, чтобы он остался один.

Она положила ладонь на голову мальчика. Он не шевельнулся.

Хью долго бродил по улицам Райской Долины. Ему казалось, что минула целая вечность с тех пор, как он покинул дом Гарднеров, на самом же деле с того момента и до его появления в «Козле» прошло чуть больше часа. У стойки восседал Фэрфилд, рядом с ним Сэлли Бэнстед. Фэрфилд поднял руку в знак приветствия.

— Ты пришел в самый разгар конференции на высшем уровне, — сказал он. — Мы с Сэлли пытаемся найти выход. В Сэлли вдруг обнаружилось сердце, а я изо всех сил шевелю проспиртованной массой, которая заменяет мне мозги. Так вот,

мы с ней порешили, что, если юного Лесли отлучить от семьи, от этого все будут в выигрыше. В том числе и он. Согласен?

— Не знаю. Но ты-то что об этом печешься?

— Было задумано написать небольшой опус о его биографии, — пояснила Сэлли. — Только и всего.

— Но после того, что он наговорил, это невозможно.

— Почему же?

— Вы же все слышали своими ушами. Нет, это невозможно.

— Если смотреть на все глазами Сэлли, получается, что газета заплатила свои деньги и должна получить то, за что платила, в любом виде. Но можно взглянуть на это и другими глазами, а именно: с Лесли сегодня случилась истерика, и он нагородил бог весть что. Просто чтоб разозлить папашу. Разве ты не понял?

— Мне больше по душе точка зрения Сэлли.

— Существует еще одна точка зрения. Помнишь, я как-то сказал тебе, что, играя в любую игру, нужно соблюдать ее правила. Только так. Проиграл — не распускай нюни, выиграл — не задавай лишних вопросов.

— И все-таки мне больше по душе точка зрения Сэлли.

Фэрфилд пристально посмотрел на него и сказал как-то устало:

— Как тебе угодно.

Майкла Хью застал за стряпней.

— Наш мальчик выиграл, — сказал тот.

— Знаю.

— Ты вроде не больно доволен. Старина Брэклз в своем резюме тоже пел в его пользу. Сказал, что улики, в общем-то, шиты белыми нитками. Но все довершил этот трюк с брюками. Да, послал телеграмму?

— Какую? А, нет.

Хью вынул из кармана письмо Кроли и медленно его разорвал. Обрывки бросил в унитаз и дернул цепь. Майкл стоял сзади и не спускал с него восхищенного взгляда.

— А знаешь, мне доводилось слышать про такое, а вот вижу в первый раз. — Он вернулся к плите, на которой жарилась яичница с беконом. — Но ты все равно можешь послать ему телеграмму, — в каком-то транс пробормотал он.

Когда слушание дела закрылось, Магнус Ньютон лучезарно поулыбался в объективы фотоаппаратов, обменялся поздравлениями с Чарльзом Эрлом и поспешил к себе домой в Хэмптон Корт.

Юстас Харди ехал в Лондон тем же самым поездом, что и Ньютон, только в другом вагоне. Оправдательный приговор, вынесенный Лесли Гарднеру, мало занимал его внимание, зато он много думал о Ньюtone, которого считал хамом и грубияном.

Твикер с Норманом ехали тем же поездом, что и остальные. Они сидели друг против друга и хранили молчание. На следующее утро у начальника на столе лежал рапорт Твикера с прошением об отставке.

Джилл Гарднер пыталась поговорить с братом. Она принесла ему чай и сандвичи, но он не притронулся к еде. В девять Лесли поднялся к себе. Джилл легла в половине десятого и сразу заснула.

Лесли ни на минуту не сомкнул глаз. Все это время до полуночи он, возможно, думал о Гарни или же ожидал возвращения отца. Примерно в полночь, как определил впоследствии доктор, он связал шнурки от своих ботинок, привязал их к крючку на своей двери, встал на стул, сунул голову в петлю и оттолкнул ногой стул. Его нашел Джордж Гарднер, который вернулся домой в половине четвертого утра и, увидев свет в окне сына, поднялся к нему.

Фрэнк услышал о случившемся по радио, бреясь у себя в номере. В то утро его руки дрожали сильнее, чем обычно. Он порезался, заклеил ранку пластырем и, кончив бриться, позвонил домой Кроли. В десять тридцать он, Сэлли Бэнстед и фотограф уже ехали в Лондон. Появившись в редакции, Фэрфилд тут же взял трехдневный отпуск. Он пил не просыхая двое суток, а завершил попойку дракой с каким-то моряком, в результате которой ему разбили очки и подбили глаз. Третий день он просидел на минеральной воде и галетах.

Кроли связался по телефону с лордом Брэкменом и доложил о случившемся.

— Ясно. — Лорд Брэкмен громко сопел в трубку: — Но почему?

— Не знаю. Лучше не докапываться до истины. Я отозвал Фрэнка с Сэлли.

То, что Кроли проявил собственную инициативу, было настолько необычно, что Брэк на несколько секунд лишился дара речи.

— Правильно, — наконец вымолвил он. — И хватит с этим, Эдвард. Хватит.

— Но мы должны хоть как-то осветить это самоубийство.

— Один абзац. — Снова долгая пауза. — А Фэрфилд успел из него что-нибудь вытянуть?

— Нет. Насколько я понял, там .создалась сложная ситуация. Семейные осложнения.

— Ну, довольно об этом. — Брэк поперхнулся, и его голос сорвался на писк. — Да, вот еще что...

— Да, Брэк?

— Пошлите венок.

Хью появился в редакции в половине одиннадцатого и узнал о случившемся от Клэр. Она молча вручила ему отпечатанный на телетайпе листок. Когда он .его пробежал, сказала:

— Лейна нет, но кто-то же должен этим заняться. Не думаю, чтобы тебе это было приятно, Хью, но я бы на твоём месте...

Он ее не дослушал.

Когда он шел по Питер-стрит, со свинцового неба внезапно обрушились потоки ливня. Шторы на окнах были задернуты, но Джилл все-таки увидела его и открыла дверь. Ее глаза были сухи.

Она провела его на кухню.

— Вот и наступила развязка, — сказала она. — Бедный Лесли.

— Бедный Лесли.

Снаружи слышались шаги. Не успел он спросить, как воспринял случившееся отец, как в дверях появился сам Джордж Гарднер. Вид у него был измученный, но он держался бодро.

— Приветствую вас, молодой Хью. Джилл, ты заварила чай?

— Сейчас вскипит чайник. — Она стояла у газовой плиты * ним спиной. — Папа решил остаться, — сказала она, оборачиваясь.

— С трудностями нужно бороться, а не избегать их, — сказал Гарднер, обращаясь к Хью. — Я понял это сегодня ночью, когда разговаривал с Чарли Карпентером. Беда мальчика была в том, что он их избегал. И зачем только мы отдали его на растерзание стервятникам из газет? Помните, что они здесь творили вчера? Мальчик был сам не свой. Это они это довели.

«Значит, не только Фэрфилд, но и сам Гарднер считает, что Лесли был невменяем», — пронеслось в мозгу у Хью.

— Он стал жертвой капиталистической прессы, — завершил свою обличительную речь Джордж Гарднер.

Засвистел чайник. Джилл заварила чай.

— Папа остается, а я уезжаю.

— Куда?

— Еще не знаю. Подальше от Питер-стрит, от своей работы. Сейчас или никогда. Знаю, что ты обо мне думаешь.

— У Чарли Карпентера есть свободная комнатка, чего мне вполне достаточно, — говорил Гарднер, то и дело поглядывая на часы. — Ну, я, кажется, пойду и договорюсь окончательно с ним. Ты как, ничего? — обратился он к Джилл. — Я через полчаса вернусь.

— Джилл, — сказал Хью, когда за Гарднером закрылась дверь.

— Да?

— Мне прислали письмо из «Бэннер». Зовут на ленч.

— Ты дал согласие?

— Нет. Но я ведь и из «Гэзетт» ушел.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю. А как ты думаешь, не могут двое временно безработных пожениться?

— Могут, вот только девушка размазня...

— Это ты-то? Тогда почему ты не осталась на Питер-стрит?

— Не могу говорить о таких вещах в этих стенах.

— Тогда пошли гулять. Только надень плащ — там льет как из ведра.

Они вышли рука об руку под проливной дождь.

Джулиан САЙМОНЗ

БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**
Редактор **А. Вершинский**
Художественный редактор **В. Недогонов**
Технический редактор **Н. Александрова**
Корректоры **И. Тарасова, Г. Трибунская**

Сдано в набор 08.12.81. Подписано в печать 12.02.82. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,6. Учетно-изд. л. 8,3. Тираж 75 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 2072.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Отпечатано в типографии ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес типографии: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42. Зак. 3119.

Молодая гвардия

uro-m. les over
Market budget rebata